ISSN 0130—8009

ПИОНЕР

10'90

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Москва, 1990
Издательство «Правда»

10

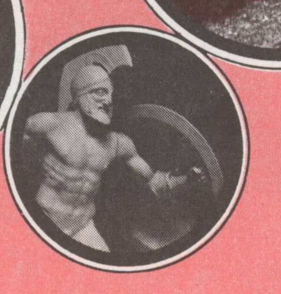
ЧИТАЙ В ОКТЯБРЕ

Живет в лесу Серебряный Волк... С. 8.

Сюзи, Роб, потише, пожалуйста. С. 45.

С. 35.

После того как в 6-м номере «Пионера» появилась «Разминка», работы отделу писем прибавилось. Что ж, мы рады, что новая рубрика пришлась вам по душе.

Как и было обещано, итоги будут подводиться по каждой разминке. Посмотрим, как вам удалось справиться с заданием, напечатанным в июньской книжке журнала.

Вот правильные ответы на четыре вопроса самой первой разминки.

Слово «неделя» произошло от «не делати». «Неделей» назывался в старину последний, седьмой день седмицы. День, свободный от дел, от работы. Седмицы отсчитывались по «неделям». Постепенно это слово вытеснило древнюю «седмицу».

«Раскусить человека» и «знать назубок» — эти выражения восходят к тем временам, когда в обращении были золотые монеты. Люди нередко проверяли их подлинность зубами. Нет вмятины — монета настоящая, есть — значит, фальшивая.

Следующий вопрос — о балладах. Первоначально так называлась песня, исполняемая для танца. Поэтому, услышав балладу несколько столетий назад, люди стали бы петь и танцевать.

И последнее. «Не ручей! Море должно быть ему имя» — эти слова великий Бетховен сказал о гениальном Бахе, творчество которого по достоинству было оценено лишь столетие спустя после его смерти. «Бах» — по-немецки «ручей».

Первая разминка принесла 615 писем. Абсолютно правильных ответов — 27. Мы предвидели такую ситуацию. Поэтому и предложили (помните!), чтобы победителей в этом случае назвал жребий.

Итак, главный приз шестого номера достался Лене Дьячковой из города Нефтекамска Башкирской АССР. А книги мы высылаем Артему Русинову из города Грозного, Юле Путинцевой из города Петровска-Забайкальского Читинской области и Вере Харьковской из села Новоникольского Луганской области УССР.

Но чтобы никому не было обидно, мы решили, что все участники разминки, приславшие правильные ответы, получат по очку. И так будет после каждого тура. Тот, кто в течение года наберет наибольшее количество очков, тот и станет Абсолютным Чемпионом «Разминки».

Ну, а теперь новое задание. Мы отправляемся в

БЮРО НАХОДОК

Разминку ведет сегодня сотрудница одного из таких бюро Елена Алексеевна КУЗЬМИНА.

Чего только не теряют люди в магазинах, такси, автобусах, электричках и просто на улицах. И что любопытно — многие вещи, попавшие в Бюро находок, подолгу не могут дождаться своих хозяев, а некоторые и вовсе отчаялись когда-либо встретиться с ними. Может, читатели «Пионера» помогут определить, кому принадлежат предметы, изображенные на этой странице? Особенно мы надеемся на тех, кто дружит с хорошей книгой.

НАХОДКА ПЕРВАЯ. Набор самых разнообразных предметов. Тут и бумажный змей, и 12 алебастровых шариков, и осколок синей бутылки, и пушка из катушки для ниток, и кусок мела, и оловянный солдатик, и медная дверная ручка, и еще многое другое. И все это, между прочим, было обнаружено у свежепобеленного забора.

НАХОДКА ВТОРАЯ. Голубой камень. Судя по надписи, не простой, а волшебный.

НАХОДКА ТРЕТЬЯ. Два деревянных кубика и собачий ошейник с одинаковыми буквами С и В.

НАХОДКА ЧЕТВЕРТАЯ. Арбуз! Да-да, аппетитный арбуз! И слово какое-то на нем нацарапано. Не фамилия ли владельца?

Ну так как, можно рассчитывать на вашу помощь?

Ответы присылайте до 15 ноября.

СЪЕЗД
БЕЗ ПИОНЕРСКОГО РАПОРТА

Призывно звучат фанфары, и в зал под барабанную дробь четким, правильным шагом входят ребята в красных галстуках. Не правда ли, знакомая картина? И увидеть ее еще недавно можно было в любой точке Союза — от райцентра до столицы. Пионеры приветствовали слеты пожарных, съезды победителей разного ранга и просто собрания по случаю красной цифры в календаре. А о том, чтобы не явиться с рапортом на партийную конференцию, и помыслить было крамольно.

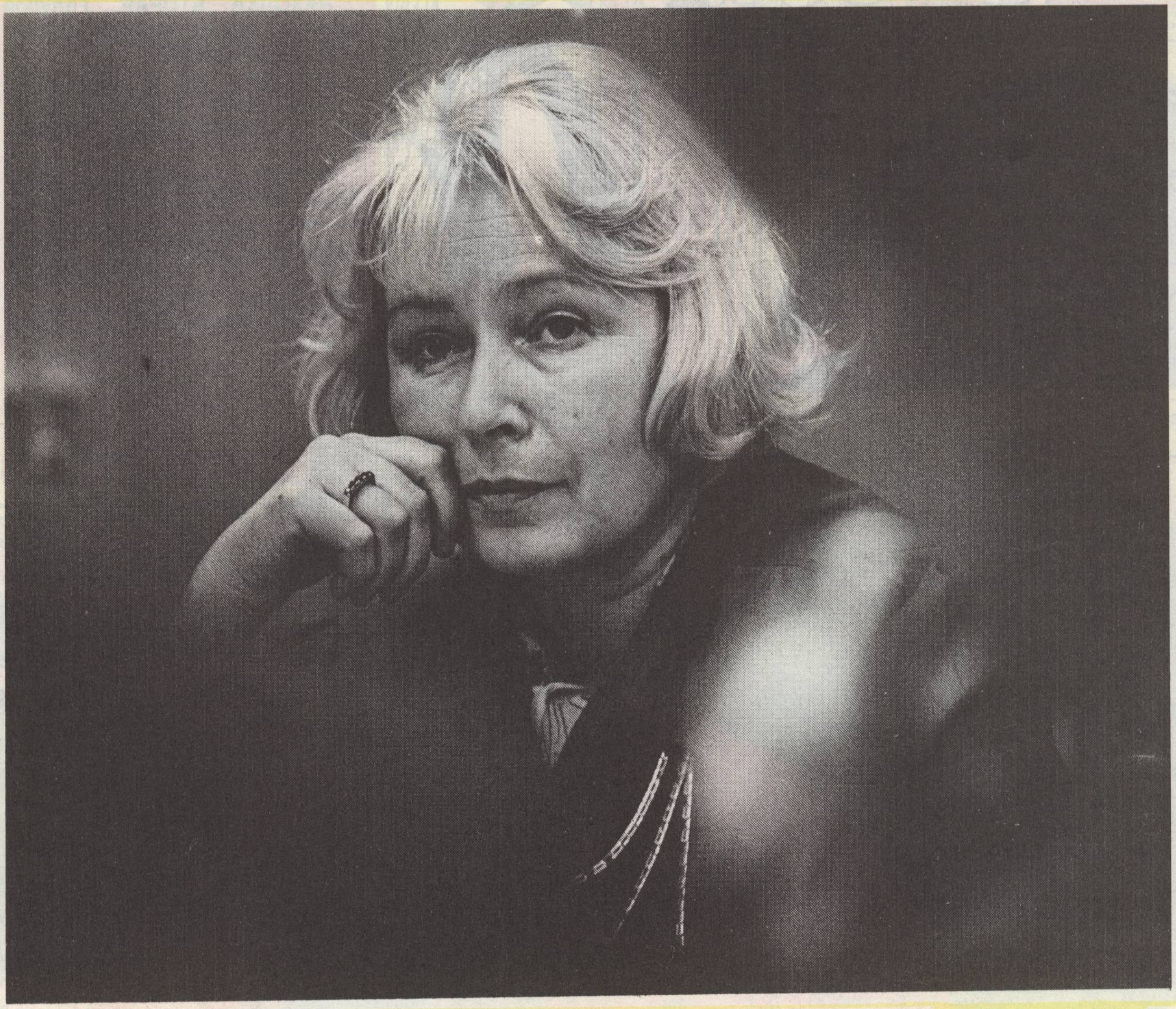
XXVIII съезд КПСС, состоявшийся в июле 1990 года в Москве, нарушил эту традицию. Пионеров в Кремлевском Дворце не было. И вообще съезд на этот раз проходил без излишней пышности и привычного гула одобрительных аплодисментов. Зато острых споров и колючей критики было предостаточно.

Съезд принял программное заявление «К гуманному, демократическому социализму». Общество, к которому мы стремимся, должно обеспечить каждому человеку такие условия жизни и труда, которые были бы достойны современной цивилизации. А государство обязано надежно защитить права и свободы, честь и достоинство личности.

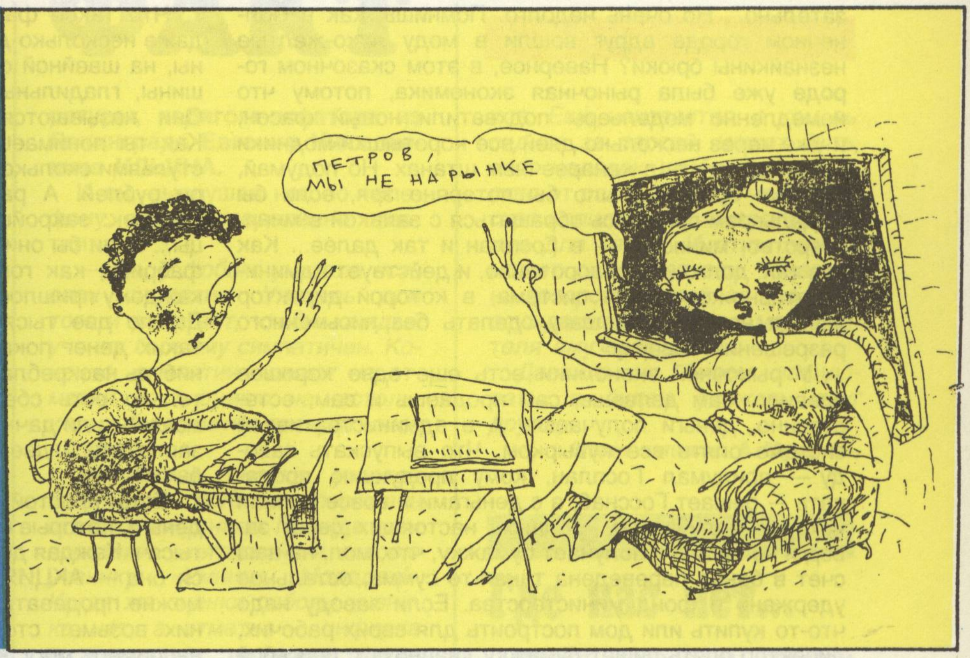
Впервые за многие десятилетия под сводами Кремля не прозвучали строки бодрого пионерского рапорта. И тем не менее впервые за многие десятилетия в документах съезда нашлось место словам о пионерской организации. Определяя молодежную политику, КПСС высказалась «за демократизацию детского движения», поддержала «необходимость обновления Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, которой предстоит стать организацией, действительно помогающей развитию личности, приобщающей к социальному и художественному творчеству, формирующей гражданина социалистического Отечества. Партия будет защищать интересы детей в органах государственной власти, заботиться об укреплении и развитии материальной базы для работы с ними».

XXVIII съезд КПСС призвал к руководству партией новых людей. В их числе и Галина Владимировна Семенова, первая женщина в Политбюро ЦК КПСС. Профессиональный журналист. Последние десять лет — главный редактор журнала «Крестьянка». С ней мы и решили вас познакомить. Ведь Галина Владимировна занимается вопросами труда и быта женщин. А от того, как будет складываться жизнь у наших бабушек и мам, во многом зависят самочувствие, счастье и благополучие всех ребят.

Фотография Б. ЗАДВИЛЯ.

Что почем на рынке?

Разговоры о рыночной экономике ты наверняка слышишь чуть ли не каждый день. И замечаешь, что кто-то произносит эти слова с надеждой, а кто-то — с тревогой и даже со страхом. Одни ждут от перехода к рынку молочных рек с кисельными берегами, а другие — ухудшения жизни, безработицы и всяких иных бед... Так кто же прав, и что же это за штука такая — рынок?

Лучше всего о рынке написал Карл Маркс в своей главной книге «Капитал». Книга эта интересная, но трудная и пока нам с тобой, как говорится, не по зубам. Поэтому выберем более доступный путь. Давай-ка отправимся с тобой на самый обычный рынок, то есть базар, который есть в любом городе и поселке. Понятно, базар — вовсе не точная копия того, что экономисты называют «рынком». Однако и здесь мы сможем увидеть многие признаки рыночной экономики.

Первое, что ты замечаешь на базаре, это возможность выбрать. Смотри, как много всего: десять человек торгуют редиской, пятнадцать — огурцами, двадцать — морковкой, укропом и другой зеленью. Правда, вкусная черешня — всего у двух-трех продавцов, и цены... А вот цены разные, и это вторая особенность, которую мы с тобой замечаем на рынке, если сравнить его с обычным овощным магазином. Там, в магазине, цены на одинаковые продукты тоже одинаковые, или, как говорят, «твердые». А на рынке они «плавающие». Скажем, у одной продавщицы редиска свежая и крупная, а у другой — мелкая и вялая, и тебе совсем нетрудно будет решить простую задачу: какая дороже? Правильно. Конечно, та, которая лучше.

Есть и еще один секрет рынка — чем больше людей торгует, к примеру, той же самой редиской, тем она дешевле. Это ведь тоже понятно. Никому не хочется уносить домой нераспроданный товар, поэтому к концу торгового дня продавец часто даже снижает первоначальную цену. Случается, вынужден продавать и себе в убыток, но уж лучше хоть небольшая выручка, чем вообще никакой, верно? Однако, если прошлым летом какой-нибудь огородник понял, что редиской ему торговать невыгодно (ее слишком много на рынке и потому приходится продавать чересчур дешево), то на следующий год он возьмется за выращивание, например, клубники или патиссонов, на которые покупательский спрос больше.

Мне кажется, что на этих простых примерах ты уже можешь понять главное свойство рынка — он сам себя регулирует. То есть регулируем-то в конечном счете мы с тобой, покупатели. Если никто не хочет покупать какой-то товар, нечего и приносить его на базар — зачем зря место занимать? И гнилые или вялые овощи мы с тобой не возьмем, и кислую мятую клубнику не купим — значит, продавец заинтересован в том, чтобы торговать хорошим товаром.

Конечно, законы «большой» экономики гораздо сложнее. Но их все-таки вполне можно сравнить со знакомым нам рынком, и тогда мы увидим удивительные вещи! Например, узнаем, что фабрика, где шьют некрасивые и немодные платья (которые никто не покупает), не только не разорилась, но даже наоборот. Все на этой фабрике — от швеи до директора — исправно получают зарплату и даже премию. «За что же премия?» — удивишься ты. А за то, представь себе, что фабрика нашила своей безобразной продукции больше, чем было положено по плану. И никого из работников совершенно не волнует дальнейшая судьба злополучных платьев-уродцев, все равно, куда они отправились — в магазин или прямиком в утиль.

Ты, конечно, понимаешь, что по законам рынка такая фабрика должна была бы разориться в мгновение ока. Но, как видишь, не разоряется, потому что в приведенном примере работают не рыночные законы, а противоположные им правила административно-командной системы. В этой системе, о которой, я не сомневаюсь, тебе тоже приходилось немало слышать, все происходит, как в сказочном королевстве кривых зеркал. Вместо естественных законов — придуманные. Например, такой: сколько нам с тобой нужно на пять лет колготок и какого размера, цвета и фасона — решает организация под названием Госплан. А ведь, кроме колготок, нужны еще карандаши и грузовики, тетрадки и вязаные шапочки, экскаваторы и гвозди, и еще миллион разных вещей. Ну разве все это возможно заранее спланировать сверху? Вот потому-то и исчезают время от времени с прилавков то мыло, то пододеяльники, то фломастеры, а взамен появляется слово ДЕФИЦИТ.

А интересно, бывает ли дефицит на рынке? Обя-

зательно... Но очень недолго. Помнишь, как в Солнечном городе вдруг вошли в моду ярко-желтые незнайкины брюки? Наверное, в этом сказочном городе уже была рыночная экономика, потому что немедленно модельеры подхватили новый фасон, и уже через несколько дней все коротышки-модники могли щеголять в канареечных штанах. Но подумай, сколько времени было бы потеряно зря, если бы модельерам пришлось обращаться с заявкой в министерство, министру — в Госплан и так далее... Как раз так, долго и неповоротливо, и действует административно-командная система, в которой директор завода не может и шагу сделать без письменного разрешения «сверху».

У рыночной экономики есть еще одно хорошее правило: сам делаешь, сам продаешь и сам, естественно, деньги получаешь. А в административной системе опять все кувырком. Что выпускать заводу — придумал Госплан, кому продукцию продавать — решает Госснаб, а с деньгами и вовсе полная чехарда получается. «Живых» настоящих денег завод и не видит, а получает бумажку, что, мол, на ваш счет в банке переведена такая-то сумма, остальное удержано в фонд министерства. Если заводу надо что-то купить или дом построить для своих рабочих, директор опять пишет бумажку «наверх» с просьбой выделить... заводские же, честно заработанные деньги. А в министерстве подумают-подумают да и откажут. Короче говоря, в королевстве кривых зеркал даже в собственный карман без приказа не залезешь. Теперь понимаешь, почему работникам фабрики, выпускающим утильные платья, безразлично, купит кто-то их продукцию или нет? Да потому, что они на своей фабрике вроде бы как посторонние.

Вернемся снова на наш знакомый базар и посмотрим, кто и с кем там торгует. Мы с тобой несем на рынок пустую корзинку и кошелек с деньгами, а продавец — свои, собственными руками выращенные овощи. Выходит, продавец — СОБСТВЕННИК, да и мы с тобой — тоже СОБСТВЕННИКИ. Продавец продает, а мы покупаем, то есть меняем свои деньги на его товар. Конечно, продавец стремится получить за свою работу денег побольше и поэтому старается принести на рынок первосортные, красивые и вкусные продукты — мы с тобой, покупатели-собственники, не хотим тратить слишком много денег и стараемся купить хоть и получше, но подешевле. Мы отлично знаем, сколько денег в нашем кошельке и сколько мы можем сегодня потратить.

А в королевстве кривых зеркал кошелек один, большой, государственный и, по сути дела, НИЧЕЙ. Другими словами, в административной системе есть не два собственника, как на нашем базаре, а всего один. И получается, что он торгует сам с собой, и тогда какая разница, сколько денег тратить?

А вот в рыночной экономике собственниками должны быть ВСЕ, чтобы не было «ничьей» собственности, чтобы каждый умел считать и рассчитывать, чтобы любому работнику интересно было делать отличные, красивые и полезные вещи и вкусные продукты.

«Но разве можно быть владельцем экскаватора или, например, целого завода со всеми станками и машинами?» — спросишь ты. Можно, и совсем необязательно, чтобы у этого завода был один-единственный собственник, какой-нибудь Мистер Твистер из детского стишка. Между прочим, такого сейчас нет почти нигде в мире, даже в Америке. Потому что выяснилось, что гораздо выгоднее владеть такой большущей собственностью сообща. А как это можно сделать, давай разберем на примере нашей фабрики одежды.

Что такое фабрика? Во-первых, это здание или даже несколько домов. Во-вторых, это разные машины, на швейной фабрике, естественно, швейные машины, гладильные, вышивальные и всякие другие. Они называются СРЕДСТВАМИ ПРОИЗВОДСТВА. Как ты понимаешь, и дома, и машины, и столы со стульями сколько-то стоят. Ну, предположим, миллион рублей. А работают на этой фабрике пятьсот человек: закройщики, швеи, инженеры, гладильщицы... Если бы они захотели даже вместе купить свою фабрику, как говорится, «со всеми потрохами», то каждому пришлось бы заплатить, посчитай, сколько? Да, по две тысячи рублей. Честно говоря, у меня таких денег пока нет, а вот пятьсот рублей я как-нибудь наскребла бы. Но у кого-то на фабрике обязательно есть сбережения, отложенные на покупку машины или дачного домика, и такой человек мог бы заплатить и две, и пять тысяч рублей. Так как же быть?

Есть простой и хороший способ: поделить все деньги, которые стоит фабрика, к примеру, на десять тысяч. Каждая доля будет — сто рублей, и называется она — АКЦИЯ. Вот эти десять тысяч акций уже можно продавать работникам фабрики, и каждый из них возьмет столько, сколько может и хочет. Я, например, могу купить только пять акций на свои пятьсот рублей, а кто-то купит пятьдесят акций, затратив на эту покупку все свои СОБСТВЕННЫЕ сбережения.

Дело сделано, и теперь фабрика наша, собственная. Значит, нам стало уже интересно, сколько денег мы выручим за сшитые нами платья — начинают работать законы рынка. Если снова станем шить плохую одежду — обязательно разоримся. Поэтому будем лучше шить хорошую. Сами сделали — сами продадим, и цену назначим такую, чтобы и нам было выгодно, и покупатель в панике не кинулся вон от прилавка. А когда продадим — посчитаем, сколько нужно оставить денег на покупку ткани, ниток и пуговиц для новых платьев, сколько заплатить за ремонт цеха и новые, автоматические швейные машины, сколько приберечь на всякий случай... А остальное распределим между собственниками, то есть между собой. Просчитать будет легко, если мы знаем, что на каждую акцию приходится одна и та же сумма — скажем, пятьдесят рублей. Тогда я на свои пять акций получу 250, а тот, у кого акций пятьдесят, получит в 10 раз больше. Мне не обидно, потому что я могу на вырученные деньги прикупить еще две акции. Зато теперь я знаю, что в будущем мне надо работать гораздо лучше,— ведь от моей работы зависит прибыль всей фабрики и количество денег, которые я получу на свои акции, они называются ДИВИДЕНД.

Ну, а если я не хочу быть акционерным или коллективным собственником? Пожалуйста, могу открыть свою мастерскую, например, обувную. Тогда я буду единственным собственником и всю прибыль могу забирать себе. Но в одиночку делать все труднее — вдруг я заболею, к примеру? Работа остановится, и я понесу убытки. К тому же за месяц я смогу сшить всего десять пар туфель, а если нас будет пятеро...

На этом пока закончим сегодняшний разговор о рыночной экономике. Тебе пришлось узнать много новых, незнакомых прежде слов, познакомиться с главными законами рынка. Может быть, ты еще не все понимаешь — не расстраивайся, этого не понимают и многие взрослые. Будем разбираться вместе — ведь нужно же потихонечку менять кривые зеркала на прямые и ясные.

Людмила КОВАЛЕНКО

ДУМАЮ О МИРЕ И О СЕБЕ

Раз зашел у нас с Колей, моим одноклассником, разговор, как мы представляем себе идеального учителя.

Коля говорит: «Прежде всего такой учитель должен хорошо преподавать. И чтобы он не смотрел на класс, как на стадо баранов. И чтобы был с учениками на равных. И старался быть всегда спокойным, веселым, доброжелательным. Мне кажется, что идеальный учитель должен найти к каждому ученику особый подход».

— А ты хотел бы учиться у идеального учителя? — спрашиваю я.

— Не очень. Наши учителя хоть и плохо с нами общаются, объясняют плохо, зато мало задают, оценки нам завышают. В общем, у них на уроках можно отдохнуть.

— А дальше-то как мы жить будем с такими знаниями?

Коля пожал плечами: «Что-нибудь придумаем, куда-нибудь поступим. А то все эти идеальные учителя работать заставляют. Попробуй, не сделай у них уроков!»

Так, может, в том, что мы так мало знаем, не только наши плохие учителя виноваты, но и мы сами?

Сережа Громак, 8-й класс, г. Москва.

ИДЕЯ НАШЕГО ГОСТЯ

А если это будущий гений?

«У нас одна девочка отличница. Учителя завышают ей отметки. Например, она написала упражнение и подошла к учителю. У нее ошибка. Учитель ей скажет, как правильно, она возьмет ручку, исправит, и ей — «пять». Очень любит, по-нашему говоря, подлизываться».— Рая, Крымская область.

«У нас в классе есть девочка, особо приближенная к классному руководителю. Докладывает ей обо всех учениках и этим заслуживает уважение». — Т. Т., Чимкентская область.

Письма этих вроде бы правдолюбцев мы попросили прокомментировать **учителя литературы, педагога-новатора из Ленинграда Евгения Николаевича ИЛЬИНА.**

И он, выслушав нас по телефону, очень определенно ответил:

— Да, у любого учителя есть свои симпатии. Учитель для того и работает, чтобы каждый ученик был ему симпатичен. Конечно, симпатии влияют на отметки, но, я думаю, не настолько, чтобы отметки превратились в «липу».

Моральная оценка успехов школьника должна опережать отметку в журнале. Прежде, чем поставить «пятерку», я говорю ученику: «Умница. Молодец!» Когда же оценки работы ученика нет, а отметка — цифирка в журнале — выведена высокая, вот тогда возникает конфликт в классе. Потому что этой высокой цифирке никто не доверяет.

Я не боюсь быть снисходительным. Но помочь ученику — это не значит повысить ему отметку. Я за уступку. Но уступку не только со стороны учителя.

Ребята, радуйтесь хорошим результатам своих одноклассников. Еще неизвестно, с кем вы сидите за партой, может быть, этот человек изобретет лекарство от рака... Всегда человечество копило силы, энергию, знания для гения. И этим гением может оказаться ваш товарищ, на которого вы сейчас бросаете осуждающие взгляды, мол, учителя ему завышают...

Давайте не будем завидовать, а будем уважать друг друга.

Ответ записал А. Муханов.

ДВА МНЕНИЯ

Где нас нет...

«Везет городским ребятам. У них в городе все есть: и дискотеки, и кафе, и видеозалы... Они уже просто не знают, что им еще надо, можно сказать, с жиру бесятся: все с родителями ругаются, всем недовольны. Вот у нас в деревне магазин пуст, нет ни видеозалов, ни кафе... Вот какая у нас проблема».

Оля Б. и Света М., Амурская область.

«Да, в городе и бары, и дискотеки, и видеосалоны почти на каждом углу. Да только дискотеки открываются поздно вечером и родители нас туда не пускают. В бар с двадцатью копейками, которые тебе на мороженое выдали, не пойдешь. Хотелось бы свои деньги заработать, да официально на работу подростков до 14 лет брать не разрешается, и после 14-ти в городе никто особенно нас брать не хочет. В видеосалон каждый день тоже не походишь, там билет полтора рубля стоит. Так что не с чего в городе подросткам беситься.

Это хорошо вам, в деревне. Там летом ребята работают наравне со взрослыми, могут свои деньги получить. Родители вас и на рыбалку на рассвете отпускают, и в ночное — лошадей пасти. Представляю, как бы в городе нас выпустили ночью из дома. Ха-ха. И на улице вы сидите допоздна. Нет, в деревне к подросткам относятся, как к полноправным гражданам, не то что в городе».

Настя Нипан, г. Москва.

Рисунок А. БАЛДИНА.

Михаил ПЛЯЦКОВСКИЙ

Губная гармошка

Губная гармошка, губная гармошка!
Ну кто же подарку такому не рад?
Еще подучиться мне надо немножко —
И буду играть я все песни подряд.

Губная гармошка, губная гармошка
Весь день не стихает, лишь ночью молчит.
Когда я играю, волнуется кошка
И пес по соседству зачем-то ворчит.

Губная гармошка, губная гармошка
Не всем почему-то по вкусу пришлась:
Мой папа грозится забросить в окошко,
А мама детсаду дарить собралась.

С губною гармошкой мы дружим, поверьте,
ее я сестренке потрогать даю...
Вот выступлю скоро на школьном концерте —
И там все оценят гармошку мою!

Десять птичек

В нашем классе ровным счетом десять птичек,
Пять — с косичками, пять — вовсе без косичек.
Перечислить их не трудно по порядку,
Даже можно записать к себе в тетрадку:

Орлова, Соколова, Воробьева,
Щеглова, Журавлева, Соловьева,
Сорокина, Дроздова и Синичкина,
А также номер десять — просто Птичкина.

Вот опять у нас идет собранье в классе,
Но не тонут наши птички в общей массе.
Кто писклявыми щебечет голосами?
Ну, конечно, догадались вы и сами:

Орлова, Соколова, Воробьева,
Щеглова, Журавлева, Соловьева,
Сорокина, Дроздова и Синичкина,
А также номер десять — просто Птичкина.

В понедельник сочиненье мы писали,
А в четверг свои отметки все узнали.
Оказалось, что пятерок — лишь десяток,
Был отличниц наших список очень краток:

Орлова, Соколова, Воробьева,
Щеглова, Журавлева, Соловьева,
Сорокина, Дроздова и Синичкина,
А также номер десять — просто Птичкина.

Шел концерт Восьмого марта в школьном зале.
«Выступает хор!» — ведущие сказали.
Приготовились мы слушать по привычке,
Вдруг на сцену наши выпорхнули птички:

Орлова, Соколова, Воробьева,
Щеглова, Журавлева, Соловьева,
Сорокина, Дроздова и Синичкина,
А также номер десять — просто Птичкина!

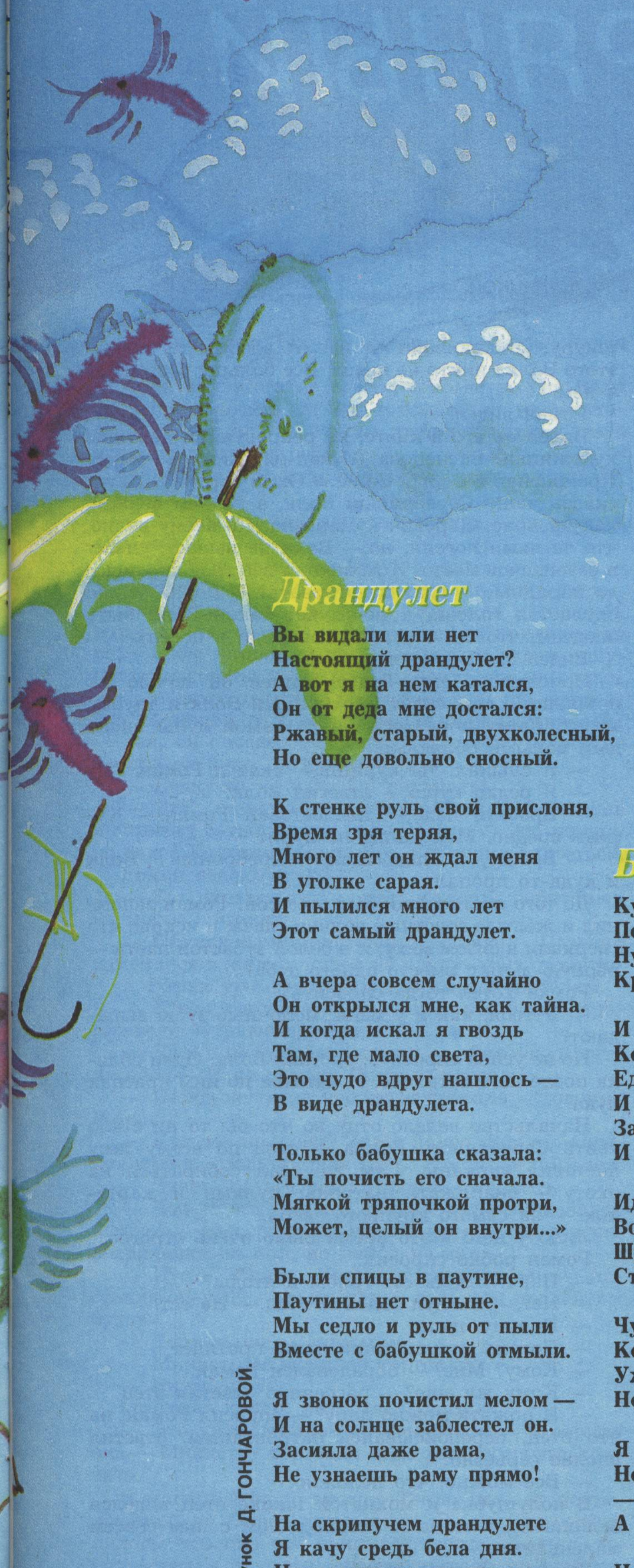

Рисунок Д. ГОНЧАРОВОЙ.

Из-за ссоры пустяковой

Из-за ссоры пустяковой,
Из-за глупой ерунды
Не вожусь я с Ермаковой,
Будто в рот набрал воды.

И она молчит — ни слова,
Неприступна, как броня.
Мне чихать, что Ермакова
Отвернулась от меня!

Хоть по случаю такому
Не волнуюсь я ничуть,
Почему-то Ермакову
Локтем хочется толкнуть.

Вот какая ученица!
Вот гордячка с детских лет!
Пусть она сидит и злится,
Мне-то злиться смысла нет.

Лучше пусть окаменею
Или в рыбу превращусь,
Только первым перед нею
Ни за что не извинюсь.

Ермакова не сдается,
Злюк таких не видел свет...
Ну а если улыбнется,
Улыбнусь и я в ответ.

Драндулет

Вы видали или нет
Настоящий драндулет?
А вот я на нем катался,
Он от деда мне достался:
Ржавый, старый, двухколесный,
Но еще довольно сносный.

К стенке руль свой прислоня,
Время зря теряя,
Много лет он ждал меня
В уголке сарая.
И пылился много лет
Этот самый драндулет.

А вчера совсем случайно
Он открылся мне, как тайна.
И когда искал я гвоздь
Там, где мало света,
Это чудо вдруг нашлось —
В виде драндулета.

Только бабушка сказала:
«Ты почисть его сначала.
Мягкой тряпочкой протри,
Может, целый он внутри...»

Были спицы в паутине,
Паутины нет отныне.
Мы седло и руль от пыли
Вместе с бабушкой отмыли.

Я звонок почистил мелом —
И на солнце заблестел он.
Засияла даже рама,
Не узнаешь раму прямо!

На скрипучем драндулете
Я качу средь бела дня.
Никого на целом свете
Нет счастливее меня!

Ботиночки со скрипом

Купили в магазине в подарок мне ботинки,
Подметочки — из кожи, шнурочки — посрединке.
Ну просто загляденье, мечта, а не ботинки,
Красивые такие, как будто на картинке.

И все бы ладно было, чудесно и прекрасно,
Когда бы не скрипели они так громогласно.
Едва лишь я направлюсь к подъезду по дорожке —
И сразу врассыпную шарахаются кошки.
Заслышав скрип ботинок, шипят, фырчат гурьбою
И спины выгибают, и держат хвост трубою.

Иду по тротуару — скрипят ботинки снова,
Вослед мне обернуться вся улица готова.
Шушукаются тихо девчонки за спиною,
Старушки с подозреньем обходят стороною.

Чуть-чуть я не подрался с одним ехидным типом,
Который восхищался: «Ботиночки со скрипом!»
Уже я на носочки ступаю, бедолага,
Но все равно без скрипа не сделать мне ни шага.

Я не играл на скрипке и буду впредь едва ли,
Но «Скрипачом», представьте, друзья меня прозвали.
— Скрипач! — кричат мне громко под окнами ребята.—
А ну, пройдись со скрипом, а то нам скучновато!

Не выйду к ним в ботинках, как клоун на арену,
Я старые кроссовки назло друзьям надену!

Станислав РОМАНОВСКИЙ

СЕРЕБРЯНЫЙ ВОЛК

Рисунки А. ГРИШИНА и Г. ПЕВНИЦКОЙ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ребенком я изнемогал от любви к людям, близким мне; и заочно любил всех людей, которых я еще не видел, но которые должны были прийти к нам в гости; или были дальними родственниками, или умерли давным-давно (я тогда еще не очень верил в смерть, точнее — совсем не верил); или к героям книг, жившим в воображении писателей за сто, а то и за тысячу лет до моего рождения.

Я любил свой дом, его теплую, как белая коровушка, печь, знал наизусть древесные слои и коричневые глаза сучков на потолочинах и половицах; поклонялся яблоне в саду и тополю под окнами; боготворил ласточек,— они прилетали ко мне из дальних стран и лепили гнезда в сарае, где я ночевал по теплому времени.

Для меня было наслаждением разглядывать людские лица или яблоню — хоть в цвету, хоть в белом инее.

Эта любовь осталась во мне и сегодня, хотя с годами я потрясенно открывал, что не все люди хорошие и в мире неслыханно много жестокости.

Я не могу не любить людей; только с возрастом не всех их допускаю к себе. Но когда встречается Человек, совпадаемый со мною, с душой моей, как зерно с живой землей, я люблю его так же радостно, сильно и преданно, изнемогая от любви к нему, как в ранней рани моей...

Об одном из таких людей написана эта документальная повесть.

Серебряный Волк

Роману Васильеву пять лет. Сын егеря и продавщицы, он живет в лесном поселке.

Кругом лес. Роман не боится его и за километр от поселка знает лес, как свою избу.

Роман знал бы и дальше, за два километра, за три, за десять, но — ходить далеко. Ноги устают по малолетству.

Лес вокруг поселка не пустой, а настоящий, каких нынче становится все меньше. В нем и грибы, и ягоды, и озера, и журавлиные болота, где седые кочки стоят, как куличи, в красных ягодах.

Живет в лесу огромный Серебряный Волк с Серой Волчицей. Далеко идет о нем слава.

Сколько он перерезал овец, телят и лосей — не перечесть. Много раз охотились на него — уходил. Из города прилетал вертолет с Большим Начальником; и Большой Начальник с вертолета сам стрелял по Волку из автоматического ружья — не попал. Ушел от вертолета Волк под поваленные деревья; и не бомбы же метать в него?

Говорят, Серебряного Волка ни пуля, ни картечь не берут. Не пробивают они его серебряную шкуру. Отскакивают от нее. А вообще-то толком этого Волка никто не видел. Все больше разговоры о нем.

Роман видел.

Видел он его в книге, на репродукции картины художника Васнецова «Иван-царевич, Василиса Прекрасная и Серый Волк...» Ох, и картина! Летит сквозь чащу Серебряный Волк, а на нем верхом, как на коне, Царевич и Царевна. По всему видно, что за ними погоня, но — Волк не выдаст, унесет в безопасное место. И такие они все трое красивые да нарядные — глаз не оторвать! У Волка умная скуластая голова, и не может такой Волк быть злодеем, что бы о нем ни говорили в поселке.

Видел его Роман и во сне.

Приснилось ему, будто вышел он ночью на крыльцо, а там сидит Серебряный Волк и трубку курит. Дыму поразвесил — до самой луны висит дым белыми облаками.

— Я слыхал: ты куришь,— сказал Роман.

— Я редко курю,— ответил Волк.

— Бросать надо,— посоветовал Роман.— Курить вредно. Мой папка не курит.

— Брошу,— пообещал Серебряный Волк и куда-то пропал.

До того явственный был этот сон! Роман запомнил и желтые грустные волчьи глаза, и искры, что сверкали в сизом меху, и в белой зубастой пасти — черную дырку вместо одного зуба!..

Роман хотел тогда спросить:

— У тебя, как и у меня, молочные зубы выпадают?

Но не успел спросить, растаял Волк. Одни облака после него остались. И катится по ним красная луна.

Начальство велело отцу во что бы то ни стало убить Серебряного Волка, и отец по всему лесу поставил капканы. Сам же стал собираться на охоту — снаряжать патроны пулями и картечью — на самого крупного зверя.

Лицо у него в это время было очень строгое. Роман робко спросил:

— Папа!.. Волк ест грибы и ягоды?

— Нет,— мотнул головой отец.— Не ест.

— Почему, папа?

— Потому что он тогда лапы протянет.

— Кому? Мне? — обрадовался Роман.

— Кому же еще? — рассеянно ответил отец.

— И пожать можно лапу? — спросил Роман, на что отец, перепоясываясь патронташем, ответил вполне серьезно:

— Все можно, что неложно.

В полушубке и мохнатой шапке отец виделся великаном, а мама и Роман рядом с ним совсем маленькими.

Заметит ли их великан?

Заметил. Поцеловал.

Сказал:

— Заночую в избушке. Ждите меня завтра к вечеру.

Сел на трактор и уехал в пургу в сопровождении клубящихся и визжащих собак.

Не терпелось им схватиться с Волком.

Все лайки убежали со двора на охоту.

Тихо стало в доме.

Роман шепотом сказал маме:

— Я хочу быть всю жизнь маленьким.

— Почему? — удивилась она.

— Чтобы не умереть.

— Ты же не умрешь, сынок! — уверила мама.— Никогда.

— Мне Волк так же говорил! — обрадовался Роман.

Волк ему этого не говорил. Тогда во сне Волк пообещал бросить курить, и больше он ничего такого не сказал, но Роман любил фантазировать и присочинять от себя.

На другое утро мать пошла торговать в магазин, и Роман с ней.

— Только ты мне не очень мешай,— попросила она сына.

— Я тебе помогать буду! — заверил Роман.— Я считать умею. До семи. И дальше тоже умею.

Торговали они так. Мать стояла за прилавком и отпускала товар. Роман же сидел на прилавке, на картонном ящике из-под макарон, и давал покупателям советы, хотя мать просила его не делать этого и даже один раз незаметно дернула сына за ухо. В общем-то советы Романа были дельными.

Так, он посоветовал соседу Сазонову, мужчине неопределенного возраста:

— Водку-то не надо бы покупать!

— Это почему? — насторожился Сазонов и спрятал бутылку под полу пальто.— Это почему не надо? Холодно нынче. Вот я и купил погреться.

Роман вздохнул:

— Ты напьешься — опять будешь ребятишек на мороз выгонять.

— Ой, как ты круто ставишь вопрос! — Сазонов изменился в лице и пошел на улицу.— Ох, и круто!

А Роман уже советовал другим покупателям:

— Кильку в томате не берите: все банки проржавели. Отравитесь еще.

— Да я и не продаю кильку! — обижалась мать на него.— И не думаю. Списала ее давно.

— Народ не знает, что ты ее списала,— говорил Роман.

— Как это не знает? Знает народ. Вот объявление висит,— напоминала мать. Роман соглашался:

— Знает. Да все равно просит отпустить.

— Что-то ты, Роман, больно раскомандовался нынче! — рассердилась мать и хотела ссадить его с прилавка на пол, но народ не дал.

— Пусть сидит. Пусть практикуется! — настояла очередь.— Вырастет — дельным продавцом будет.

— Бери выше — завмагом!

— Министром внешней торговли!

— Внутренней!

Отпуская товар, мать улыбалась.

— Это уже слишком — министром,— говорила она.— Министру торговли надо два института кончать.

В магазине было весело. Тепло шло от печки, похожей на белую коровушку. Роману представлялось, что она все понимает; когда топится, то, потрескивая дровами, разговаривает по-людски, а красный огонь — это ее язык.

Сейчас-то ее протопили; язык у нее спрятался; печка молчит и честно отдает людям тепло, чтобы они не простужались и были веселыми.

Но люди не ценят, не понимают, не замечают печку и неплотно закрывают за собой дверь.

Роман наказывал каждому входящему:

— Дверь-то поплотнее закрывайте! Силы нет, так я помогу.

Или:

— Дома-то вы так же двери расхлебениваете?

— Роман! Ты нынче что-то совсем раскомандовался! — осудила его мать.— Мал еще командовать-то!

Но очередь заступилась за Романа:

— Он верно говорит!

Но вот в магазин зашел Молчун, и все замолчали. Роман слез с прилавка, потому что боялся Молчуна.

Как огня боялся!

Молчун был старый, в очках с толстыми линзами, за которыми белели выпуклые глаза; и смотреть в них было ой-ей-ей как страшно!.. Вдобавок про Молчуна говорили, что он был немецким шпионом и за шпионство долго сидел в тюрьме.

— Здравствуйте, земляки! — сказал Молчун.

Ему никто не ответил, кроме матери Романа:

— Здравствуйте.

А Роман вслед за мамой только губами пошевелил, а вслух ничего не сказал.

Тут Роман уловил, что на улице происходит что-то очень значительное, и, забыв закрыть за собой дверь, вылетел из магазина.

— Вот так учитель! — сказала очередь.— Учил, учил и сам первый всю учебу забыл.

— Какие еще его годы!

С крыльца Роману открылось незабываемое зрелище.

Посередине улицы ехал трактор с платформой. В кабине сидел отец. А за платформой в морозном дыму мчались собаки.

Много собак, не сосчитать, со всего поселка, а может быть, со всех окрестных деревень.

Они лаяли, визжали, рычали, ревели, выли, свечами прыгали вверх, пытаясь запрыгнуть на платформу или рассмотреть, кто там лежит. Роман поначалу перепугался, а потом побежал вслед за трактором.

Трактор остановился у дома, где жил Роман.

Из кабины вышел отец, рявкнул на собак так, что они несколько присмирели, а потом залились особенно злобным лаем и, как белые мячи, запрыгали вокруг платформы.

— Герои,— сказал им отец.— Ну и герои! Посмотреть хотите? Смотрите. Кто самый смелый? Ты, Буран?

Отец схватил лайку Бурана и поставил на платформу.

Сперва Буран встал важно, хвост трубой, как полководец на пьедестале, угрожающе зарычал.

Вдруг Буран испуганно взвизгнул, спрыгнул на снег и уже оттуда, снизу, вместе с другими собаками, принялся яростно облаивать платформу.

Тут отец увидел Романа, взял его на руки, пахнущий морозом и машинным маслом, поцеловал и сказал:

— Отвоевался Серебряный Волк. Посмотри на него и не бойся.

— Я не боюсь,— ответил Роман.

— Я знаю,— кивнул отец и поставил сына на платформу.

Там лежал некто огромный, как зимний сверкающий лес, уронив тяжелую скуластую голову на протянутые лапы с коричневыми когтями.

Пасть зверя была полуоткрыта. Белели зубы; вместо одного чернела дырка; и тогда Роман понял, что перед ним действительно тот самый волк, с которым он уже встречался во сне.

Весь он был серебряным, только на левом боку, как горсть мороженой клюквы, запеклась кровь.

Роман присел на корточки, потрогал сломанный клык Волка, лег рядом и заглянул в глаза... Глаза были чуть раскосые, как у татарина Тавиза, и желтые.

И такое мудрое спокойствие и понимание были в этих глазах!

Роман обрадовался и воскликнул:

— Ты совсем живой!

И с чувством, обеими руками пожал протянутую лапу зверя:

— Здравствуй, Серебряный Волк!

Лапа была твердая и тяжелая. Тут Роман засомневался, ту ли лапу он пожал.

Надо правую, а он какую?

И Роман сказал Волку:

— Погоди. Я сейчас вспомню, какая рука левая, а какая правая. И пожму тебе правую руку.

Но отец снял его с платформы и наказал:

— Роман, беги к матери. Скажи, что я приехал. Пусть она закрывает магазин, идет домой и покормит с морозу горячим.

Роман кинулся бежать к магазину. Бежал он долго-предолго. В одиночку всегда дольше бежится, чем за компанию; и человек устал.

В магазине по-прежнему стояла очередь.

Роман пробрался за прилавок, отдышался и сказал матери:

— Папка Серебряного Волка привез!

— Убил! — загудела-задвигалась очередь.— Ухлопал разбойника!

— Привез,— упрямо повторил Роман.

— Раз привез — значит убил,— гудела очередь.

Мать вешала сахар. Глаза ее были сосредоточенными, а уголки губ улыбались. Не прекращая работы, она спросила:

— А что отец просил передать?

— Что он просил передать?..— задумался Роман.

— Не помнишь? — спросила мать.

— Вспомнил! — обрадовался Роман.— Он просил, чтобы ты магазин закрывала и шла его кормить.

— Как я магазин-то закрою? — удивилась мать.— У меня еще время не вышло. Вон сколько народу ждет.

— Отец-то есть хочет,— напомнил Роман.

— Ступай скажи отцу, что уходить с работы я не имею права,— сказала мать.— А ужин пусть сам разогреет. Это недолго.

Романа разморило в тепле. Он посидел около печки, улыбаясь воспоминаниям о беседе с Серебряным Волком и близкой встрече с ним; подремывая, досидел до закрытия магазина и вместе с матерью пошел домой.

Трактора у дома не было, а в окнах не горел свет.

Мать разогрела ужин, а отца все не было. Он вернулся поздно, сердитый, неразговорчивый; но, когда похлебал горячего, заулыбался.

И рассказал, что ездил в соседнее село — отвез добычу Мастеру, чтобы тот снял с Волка шкуру и хорошенько выделал бы ее. На волчьем меху можно и спать, и пальто им подбить, и на стену его повесить.

Только легли спать, как всех разбудил стук в дверь. Это среди ночи пришел сосед Сазонов просить у матери в долг бутылку водки. Мать сказала, что водки в доме не держит, не положено.

А отец прогнал незваного гостя:

— Иди, чтобы ноги твоей здесь не было!

— Ой, как круто ставишь вопрос! — пробормотал Сазонов и исчез.

— Охота пуще неволи,— говорил отец, укладываясь спать. Роман тихонько попросил его:

— Папа, расскажи про охоту!

Отец не ответил — он спал.

Роман вздохнул и стал разговаривать сам с собой:

«Отец обиделся на меня за то, что я долго ходил в магазин.

А кто ей разрешит закрыть магазин, если время не кончилось?

Я сразу не сказал ему — задремал у магазинной печки.

Папа, ты уж прости меня.

Ладно?»

Мало-помалу Роман заснул. Ближе к утру среди обрывков сновидений он отчетливо увидел Серебряного Волка.

Волк курил трубку. Из нее валил дым, а в самой трубке горел красный круглый жар!

— Ты же обещал бросить курить! — возмутился Роман.

— Разве я курю? — удивился Волк и развел передние лапы в стороны.

— А это что такое? Дыму-то сколько поразвесил! Дышать нечем.

— Это не дым,— сказал Волк.— Это туман с болот. Это не жар в трубке, а Луна.

И действительно, Роман увидел белый туман и даже вдохнул его сырой осочный запах. А над туманом, над зеркальцами болот, разгоралась, сыпала искрами огромная красная Луна. Волка нигде не было.

— Где ты, Серебряный Волк? — крикнул Роман и не услышал ответа.

Весной отец привез из соседнего села куртку на волчьем меху, большую, пахнущую Волком, косматую изнутри.

— А померить можно? — спросила мать.

— Мерь,— разрешил отец.— И носи сколько душе угодно.

Мать надела куртку, прошлась по горнице походкой манекенщицы, посмотрела на себя в зеркало и так, и эдак и заключила:

— В этой куртке надо нараспашку ходить, чтобы все волчий мех видели!

— Ходи нараспашку,— разрешил отец.— А лучше всего носи ее шиворот-навыворот.

— Делать мне, что ли, нечего? — рассмеялась мать и ушла на работу.

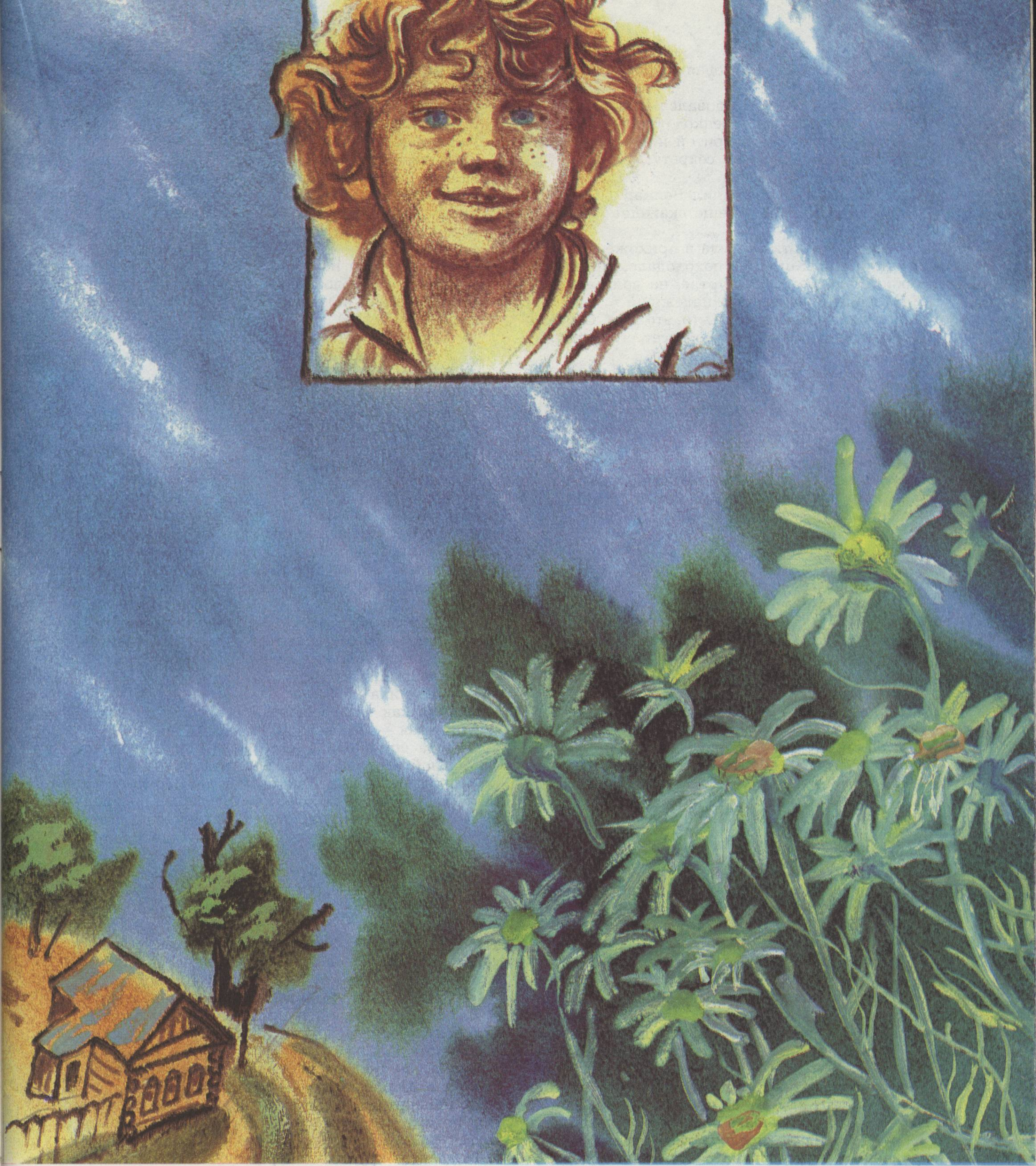
Дали куртку подержать и Роману. Она оказалась тяжелая. Будто железо в подкладку зашито. А это не железо, а волчий мех.

Черный, белый, серый, рыжий, а если прищуриться и собрать все цвета вместе — то серебряный, а на ощупь — жесткий и очень теплый.

Роман вспомнил Серебряного Волка, с которым он разговаривал на тракторе, и вдруг понял, что великана этого больше нет и никогда не будет, а есть только малая часть его — подбой отцовской куртки.

Мальчик разрыдался, выбежал из дому и побежал в лес куда глаза глядят. В лесу он брел среди остатков снега и лазурных подснежников, пока его не нагнал отец и не взял на руки.

— Чего ты меня на руки-то взял? — спросил Роман.— Я ведь не маленький.

— Простудишься!
— Никогда еще не простужался.
— А почему плачешь?
— Волка жалко.
— Чего его жалеть? — удивился отец.— Он коров убивает и овец.

Роман хотел рассказать про свою беседу с Серебряным Волком, про то, что Волк бросил курить, но почувствовал, что отец этого не поймет, и только пробормотал:

— Ничего он не убивает.

А отец почувствовал, что Роман не хочет ему говорить что-то сокровенное и не скажет никогда.

— Волк-то живой,— как великий секрет прошептал он в самое ухо сына.

— А шуба-то? — шепотом же спросил Роман; и смутная надежда шевельнулась в душе его.

— Шуба... Гм... Шуба! Что шуба? — рассудил отец.— Шубу он отдал. А у него новая вырастет.

Овец же стригут. У них новая шерсть вырастает. Они же не умирают.

— Не умирают! — обрадовался Роман.

Обеими руками он крепко обвил отцовскую шею, прижался к его выбритой и все-таки колючей щеке и прошептал по секрету:

— Волк курить бросил!

Шепотом же отец похвалил Волка:

— Мо-ло-дец! Что тут еще скажешь? Молодец, да и только!

...Отцовская куртка висела в прихожей все лето и начало осени. Когда же похолодало, Роман приспособился ночевать на куртке, на волчьем меху.

Мех пышный, теплый и надежный.

Порой Роману кажется, что это сам Серебряный Волк на широкой спине несет его в жаркие страны.

Засыпая, мальчик любит разговаривать с Волком:

— Куда мы нынче поедем?

— Как скажете!

— На речку!

— По-е-ха-ли!..

И сообщает Роман Волку все свои желания:

— Я хочу быть всю жизнь маленьким.

— Зачем?

— Чтобы не умереть.

— Ты никогда не умрешь!

— Правда, что ли?

— А я врать буду, что ли?

— Я все равно всю жизнь хочу быть маленьким.

— Почему?

— Чтобы тебе легче было меня возить.

— Я и тяжелого тебя увезу, куда скажешь.

— Спасибо...

Беседу ведет один Роман на два голоса — за себя и за Волка.

За себя он говорит обыкновенным голосом. А за Волка — толстым, взрослым, значительным, так что сам Роман относится к этому голосу с уважением и даже несколько побаивается его.

Муравейник

В садике ближе к вечеру Роман всегда спрашивал меня:

— Дядя Стасик! Вы возьмете меня домой?

— Конечно, возьму.

Но когда народ расходился и я собирался «брать» Романа, его обычно в садике уже не было.

— Пошел провожать Сашу Автошину,— уважительно говорила истопница.— Они дружат.

Саша Автошина была бледной худенькой девочкой в великоватой вязаной кофте и вязаной шапочке.

Роман провожал ее до дому, но потом, постояв у крыльца, дети шли в лес проведать муравейник.

Я тоже любил бывать у этого муравейника, и меня не покидало предчувствие гибели его одновременно с надеждой на счастливый исход.

Дело в том, что муравьи построили его у самой дороги; и почему они выбрали такое опасное место, сказать трудно.

Роман с Сашей решили спасти муравейник и перенести дорогу подальше от него. Они принесли лопату из дома и стали копать новую колею, метрах в трех от муравейника, а выкопанную землю относить в старую колею.

Копал в основном Роман, а Саша засыпала старую колею веточками и травой.

Рядом кипел муравейник — великанская серая макушка.

Как самовар кипел!

Муравьи ползали по всем этажам; и у каждого, без понукания, была своя полезная работа.

В муравейнике лежали две белые палочки — одна для Романа, другая для Саши.

Наработавшись, Роман спросил:

— Муравьи, муравьи! Вы нам кислоты дадите?

И сам же отвечал за них важным «муравьиным» голосом:

— Берите. Нам не жалко.

Морщась от кислоты, вскрикивая и хохоча, как от щекотки, дети облизали белые палочки; и Саша сказала:

— Какая кислятина! У меня даже слезы!

— У меня тоже слезы! — обрадовался Роман.

— У тебя по губе муравей ползет! — сказала Саша, взяла муравья двумя пальцами и отпустила в муравейник.

— У муравьев есть телевизор? — спросил Роман.

Девочка подумала и ответила:

— Есть, конечно. Маленький.

— Про кого он показывает?

— Про муравьев и про людей.

Дети говорили тихо. Было отчетливо слышно, как шуршат муравьи, как вся огромная серая шероховатая поверхность муравьиного обиталища шевелится и словно бы дышит и вот-вот скажет на человеческом языке что-то очень важное.

Что?

...На другой день дети опять пришли проведать муравейник и заодно узнать, как поживает дорога, которую они проложили вчера вечером, ездят ли по ней машины.

Муравейника не было.

То есть как это не было?

А вот так — не было, и все...

А была срезанная бульдозером широкая полоса красной мертвой земли. Вела эта полоса в ворота огорода Молчуна. Так получилось, потому что Молчун попросил заезжего бульдозериста выровнять ему землю под полотно дороги, чтобы потом засыпать его камушками и залить асфальтом. А своя личная дорога ему понадобилась для того, чтобы удобно было въезжать на подворье.

Муравейника Молчун мог и не заметить, и не знать про него, потому что видел худо и носил очки с толстыми, как лупы, линзами. А бульдозерист, конечно же, видел муравьиный город, но, будучи любителем денег и водки, ради легкого заработка не пожалел муравьев.

— Где наш муравейник? — спросила Саша.

На обочине красной земли Роман нашел сломанную белую палочку, отдал ее девочке и безутешно заплакал.

Плача, он подбирал земляные комья и швырял их в огород Молчуна.

Но швырял их недалеко, чтобы хозяин не заметил, потому что понимал: Молчун может пожаловаться родителям.

Тогда жди крупных неприятностей.

— Я ему все стекла выбью! — пообещал он громко, чтобы слышала Саша.

— Да ты что? — изумилась девочка.— Тебя в тюрьму посадят.

— Ну и пусть,— пробормотал Роман.

Саша нашла вторую белую палочку, подала ее Роману и сказала:

— Эта несломанная.

— Маленько-то сломанная,— проворчал Роман.

— Маленько не считается.

Когда дети проходили мимо палисадника, Роман пообещал шепотом:

— Я у Молчуна дом сожгу.

— Да ты что? — шепотом же изумилась Саша.— Тебя в тюрьму посадят.

— Ну и пусть.

— Не пусть. К тебе никого не пустят.

— Папу и маму не пустят?

— Конечно, нет.

— И тебя не пустят?

— Меня тоже не пустят.

— Ой-ей-ей!

У крыльца, у поленницы, Романа с превеликой радостью встретили лайки Буран и Серый.

Они лизали его в лицо, крутили хвостами; и Роман говорил им и Саше тоже:

— У меня тут в поленнице пирог запрятан. Только далеко. Его никто не найдет.

Роман запустил руку между поленьями, где у него был тайник, и принялся там шарить.

Собаки, облизываясь, смотрели на хозяина.

— Жалко, рука моя не достает,— пожаловался он.— Твоя рука, Саша, достанет или нет?

У Саши рука тоже не доставала до пирога, но с помощью белой палочки девочка из недр поленницы все-таки извлекла угощение.

— Ой-ей-ей! — удивился Роман. Пирог с морковью! А я уж забыл. Думал, с яблоками.

— С морковью тоже хорошо,— рассудила Саша.— Тоже сладко.

Пирог по-братски разломили на четверых: Саше, Роману, Бурану и Серому.

Все четверо ели молча и уважительно посматривали друг на друга.

Потом Роман вместе с собаками окончательно проводил Сашу, вернулся домой и рассказал мне про то, что муравейника больше нет.

У меня аж сердце заболело.

Я по-прежнему каждый день бывал в лесу, но старательно обходил то место, где когда-то жил-был муравейник.

Так мне было легче.

В моем представлении муравейник по-прежнему оставался живым.

Прошло много дней и ночей, и как-то ближе к рассвету мне приснился сон.

Будто бы я ночью вышел под высокое небо. Надо мной звезды — крупные, и все дрожат, как ракушки в бегучей воде — перламутром наружу. Раскрытые ракушки.

Прохладно так, зябко.

Слышу: дождик пошел. Шумит. Шум есть, а капель нет.

Что такое?

Оказывается, это не дождь шумит, а муравейник. Рядом со мной. Муравьи по нему шныряют бодро, весело. И лежат рядышком две белые палочки.

А вот и вправду дождик пошел — теплый, несильный. Муравьи вглубь ушли.

Ушли, да не все.

На белых палочках муравьиные сторожа остались. Палочки дождем вымыло и сторожей тоже. А они сидят — не уходят.

Таким явственным был сон, таким подробным, будто быль.

Проснувшись, я пошел проведать бывший муравейник. По пути, у пенька, я нашел белый гриб, да не простой. Шляпка одна, а ножки две — два белых бочоночка. Почему до меня его никто не заметил? Да потому, что все грибники бегут в глубь леса и первое время не смотрят под ноги.

Я срезал гриб, вдохнул его ядреный запах и направился к бывшему муравейнику.

Чем ближе подходил, тем тише шел.

И что же?..

Красная мертвая полоса глины. Но точно на том месте, где был муравейник,— горстка пепелесой земли. Будто великан курил трубку и выколотил пепел на этом месте.

Да нет, не пепел — живую землю.

На ней муравьи работают. Новый город ладят, новое селище — по соринке, по крупинке, по соломинке.

Немного муравьев. На взгляд, по счету сосчитать можно.

Немного, но сколько уж есть!..

С них все и начнется.

Кто-то неслышно подошел сзади.

Это был Молчун.

Седой, с лукошком, он поздоровался, присел на корточки рядом со мной и спросил:

— Грибочки рассматриваете?

— Да нет,— ответил я.— Муравейник.

— Как муравейник? — не поверил Молчун.— Тут дорога... Откуда он взялся?

— Да вот я тоже не пойму! — сказал я.— Раньше тут был бойкий муравейник. Потом его бульдозером срезали, и осталась мертвая красная земля. А муравьи на том же самом месте опять принялись строить.

Молчун молчал, близко разглядывая муравейник сквозь толстые линзы очков.

— Есть такое поверье,— говорил я.— Кто разорит муравейник, с тем случится беда...

Поверьте, это я не выдумал.

В моем детстве, в Большом Бору, который читатели наверняка знают по картинам знаменитого художника Шишкина, было много больших муравейников. В жару они шумели, как пчелиные ульи, издалека слышно, и очищали бор от вредных насекомых. Никому и в голову не приходило разорять муравьиные города. Но вот приезжий рыболов разрыл муравейник, набрал муравьиных яиц для приманки рыб; на рыбалке на Каме оступился, угодил в водоворот и утонул.

Об этом случае я и рассказал Молчуну.

Он слушал меня настороженно. Под толстыми линзами глаза с фарфоровыми белками виделись неестественно выпученными.

— Я не знал про этот муравейник,— глухо сказал Молчун.— Я был на войне, в партизанах. Землянки в лесу мы рыли подальше от муравейников, чтобы не мешать им жить. И они не мешали нам.

С муравьями можно договориться, а с людьми труднее... Я попал в немецкий плен, и меня почему-то не расстреляли, а посадили в концлагерь. Там я чуть не умер от голода. Тонкий был. Как лучинка! Наши освободили и посадили в советский концлагерь. Меня посчитали предателем и шпионом. И сейчас считают. Земляки не больно-то со мною раскланиваются. А то и вовсе разговаривать не хотят. А какой я предатель? У меня и справка есть, что я воевал честно и честно жил. Мне ее выдали, когда на свободу выпустили. Да не повесишь справку на грудь. А повесишь — кто станет читать? Тут надо такими крупными буквами напечатать, чтобы можно было через улицу без очков прочесть! И печать — вот с это лукошко. А где взять такую печать?

Молчун снял очки; и тут я увидел, что глаза его без очков голубые и растерянные, как у ребенка, который потерялся в незнакомом городе и не знает, где искать маму.

Я заглянул к нему в лукошко. Там лежали две сыроежки и одна свинушка.

— Худо видеть стал,— повинился Молчун. Чувствую, что в лесу много грибов, а где они — не вижу. По духу нахожу. Старушка одна посоветовала чернику есть. «Ешь,— говорит,— больше черники. От нее развиднеется». Стал чернику есть. Верно: лучше вижу! Маленько, но лучше. И глаза не щиплет, не режет. Вот только где черники-то взять? Пора-то ее проходит.

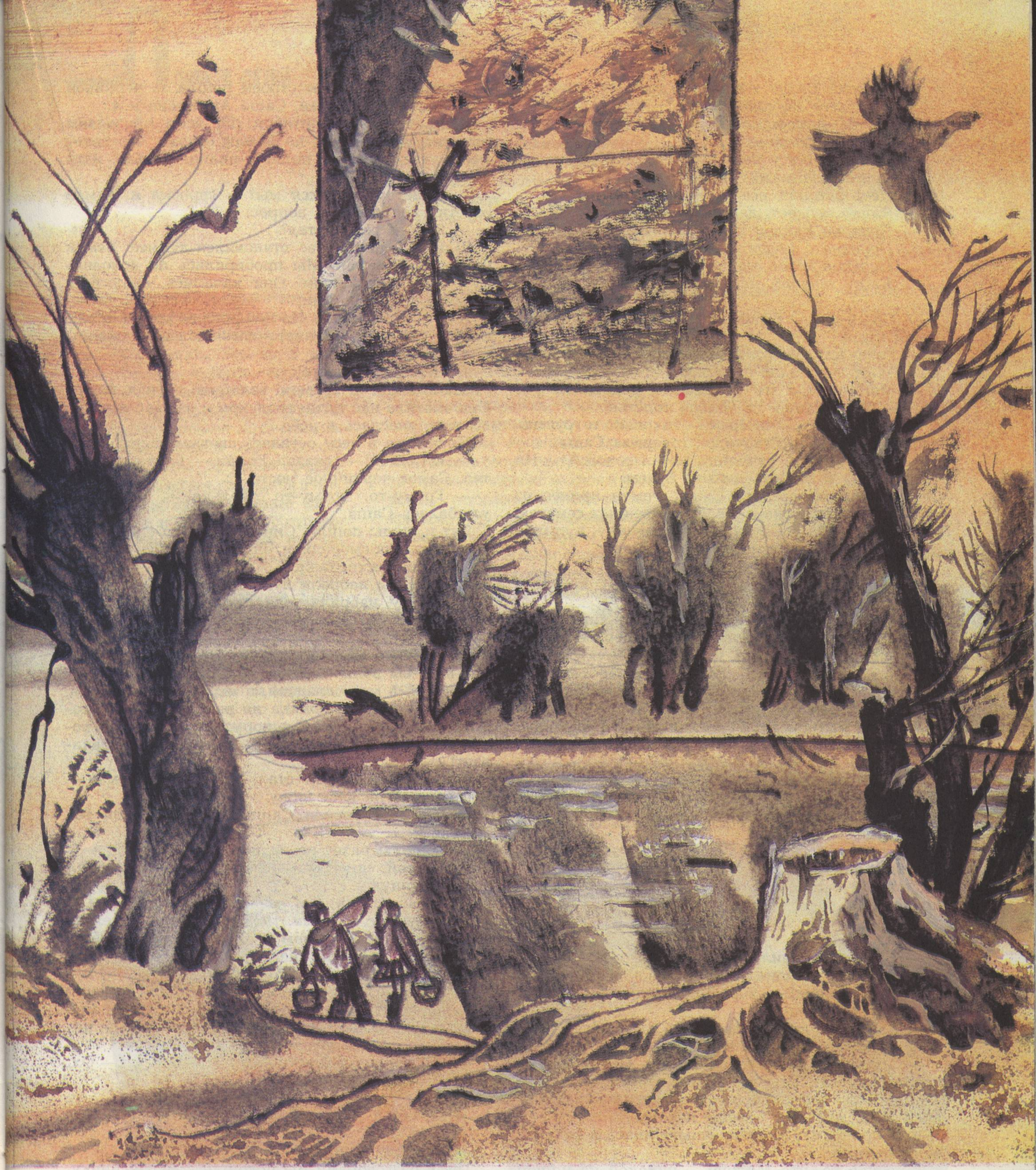
Я положил ему в лукошко белый гриб — одна шляпка, две ножки.

Две судьбы, как одна.

Он настороженно разглядывал гриб, и вдруг на глазах его разом выступили слезы.

— Два гриба под одной крышей,— сказал он.— Спасибо. А то один живу. Старуха умерла, а жить как-то надо.

Мы расстались.

Дома Роман и Саша Автошина рассматривали картинки к сказкам Пушкина.

— Ой, какой толстый! — говорила Саша про попа.— Ему ни одна шуба не полезет.

— Волчья-то шуба полезет,— уверял Роман.— На которой я сплю. Она и на царя Салтана тоже полезет.

— Ты ее ему отдашь, что ли? — спрашивала Саша.— Не жалко тебе такую шубу?

Роман отвечал уклончиво:

— Он ее у меня покуда не просил.

А про Балду Саша говорила иное:

— Ой, какой он тонкий! Совсем не кормят его, что ли?

— Сейчас спрошу,— пообещал Роман.

Он подходил ко мне и спрашивал:

— Балду кормят или нет?

— Он сам себя кормит.

— Сам себя? — изумлялся Роман.— Ой-ей-ей!

— Сам себя. Помните, я вам читал:

...Живет Балда в поповом доме,
Спит себе на соломе,
Ест за четверых,
Работает за семерых;
До света все у него пляшет,
Лошадь запряжет, полосу вспашет,
Печь затопит, все заготовит, закупит,
Яичко испечет, да сам и облупит.
Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна о Балде лишь печалится,
Попенок зовет его тятей;
Кашу заварит, нянчится с дитятей.

— Ой-ей-ей! — радовался Роман.— Что же он такой худой?

— Разве плохо? Худые дольше живут,— ответил я.— Толстые раньше помирают.

— Мы никогда не помрем! — радовался Роман.— Мы с Сашей не больно толстые.

— Состаримся — помрем,— тихонько и грустно, словно маленькая старушка, говорила Саша.

— Не! — Роман отчаянно мотал головой.— Ни за что! Мы и стариться-то не будем.

И чтобы развеселить Сашу, Роман принес из кухни стакан молока и горсть тыквенных семечек.

Семечками он угостил меня и девочку, а стакан с молоком поставил на стол и объявил:

— Я сейчас белого вина выпью!

Отпил сметанную макушку и стал качаться и говорить:

— Ой, держите меня! Ой, я пьяный! Ой, я драться буду!.. Ой, ноги меня не держат!..

Он повалился на пол и раскинул руки. Саша смеялась, робко разгрызая тыквенные семечки. Скорлупки она прятала в ладошку и говорила картаво и весело:

— Надо милиционера приглашать! Ой, нет: надо трех милиционеров приглашать. Один с ним не справится.

— А муравейник опять жив! — сказал я.— Жив-живехонек!

На мои слова дети не обратили ни малейшего внимания.

По-видимому, не расслышали, а если и расслышали, то не уловили сути.

Дети смеялись, хохотали. Саша звала трех милиционеров.

Роман перекатывался с боку на бок и вдруг спросил меня:

— Кто его оживил?

— Кого? — не понял я.

— Муравейник! — хором ответили Саша и Роман.

— Так разве вы слышали, что я сказал? — удивился я. Роман ответил в пол бубнящим голосом:

— Мы все видим и все слышим!.. Мы все видим и все слышим!.. Мы все видим и все слышим!..

Я рассказал детям про то, что муравейник оживили сами муравьи, больше некому.

Еще про то, что Молчун отныне никогда не будет обижать их.

Еще про то, что Молчун — никакой не шпион и не предатель, а несчастный старый человек. Он честно воевал, и у него на этот счет есть справка.

— С печатью? — спросил Роман.

— С печатью,— ответил я и уточнил для солидности: — С гербовой печатью. У тебя, Роман, печать с Дятлом. А у него — с гербом Советского Союза.

И еще я сказал, что Молчун носит страховидные очки, оттого что слепнет, а ягода черника помогает ему видеть лучше.

На другой день мы строем пошли за черникой для Молчуна — Роман, Саша Автошина и я.

Была середина сентября; по всем признакам черника уже сошла; но Роман сказал, что знает место, где черники полным-полно. Только идти далеко.

— А не заплутаемся мы? — спросил я. Роман ответил вопросом на вопрос:

— Я хоть раз плутал?

Шли мы долго. Лес становился темнее. Земля пошла болотистая. Мы пробирались по колоднику — по бревнышкам. Они качались, скользили и чавкали под ногами.

А вот сухой остров. На нем росли сосны и кожистыми блестящими листочками зеленел черничник. Роман объявил:

— Черничное место!

Из-под ног с громом взлетела черная бочка. Она окатила нас тугим воздухом и, сбивая веточки с сосен, унеслась в небо.

После нее в лесу осталась светлая дыра.

— Ой-ей-ей! — сказал Роман.— Глухарь полетел. Самое черничное место.

— Грому-то, грому-то сколько! — испуганно улыбалась Саша.

Тут и ягоды пошли. Синие, дымчато-синие, а то и черные, как смородина, они встречались нечасто, но все-таки встречались.

Втроем мы набрали лукошко с верхом.

• В охотку набрали: одну ягодку в рот, две — в лукошко. И сами наелись, и про Молчуна не забыли.

До чего же вкусна ягода-черника, до чего сытна! Моя бы воля — ел бы ее каждый день.

Сочная, в меру сладкая, в меру кислая, густая, как мед в сотах, черника на росе да на хвое настояна, лесной землей вскормлена, ключевой водой вспоена. Сама она и кормит, и поит, и излечивает!

— Я лучше видеть стал! — объявил Роман.— Я боженьку на небе вижу.

— Где? — спросила Саша.— Где он, твой боженька?

— Вон. Ты разве не видишь?

Ладошкой, синей от черники, Роман показывал вверх и тянул:

— Да во-оон он! Ты разве не видишь?

Небо между соснами, между ветвями виделось большим синим глазом в мохнатых ресницах, и Саша спросила про него:

— Этот кругляшок, что ли?

— Конечно, он,— ответил Роман.— Кто же еще?

Дальше дети шли, держась за руки, как в детском саду, а я нес лукошко с черникой. Роман попрежнему фантазировал:

— Я и под землей все вижу,— говорил он.— Ох, и золота там!

— Много? — спрашивала Саша.

— Ой-ей-ей сколько!

— Семь?

— Что ты! Больше!

Так с разговорами мы подошли к муравейнику. К тому самому.

Теперь по краям его стояли четыре рогатые сошки, а в рогульки концами были положены четыре жердочки. Это ограждение построил, конечно же, Молчун.

Больше некому.

Муравейник тихо шелестел, потрескивал, шевелился, дышал.

Он был круглый, как щит. Живой щит Матери-Природы.

1 + 1

С лентой и жезлом

Как становятся президентами? Королями, понятно, рождаются. А президентом родиться нельзя, им можно только стать. Причем в долгом процессе выборов, когда вся страна должна решить — подходит им такой кандидат или нет. На избирательные кампании затрачиваются миллионы долларов, марок и всякой другой валюты. За время предвыборного марафона кандидаты в президенты успевают объехать сотни городов и выступить там с сотнями речей. Кандидаты худеют, бледнеют, хотя это им категорически делать нельзя — внешность будущего президента имеет большое значение для тех, кто его слушает и кто за него голосует.

Сириец по происхождению, иммигрант в первом поколении, Карлос Менем стал президентом Аргентины неожиданно для тех, кто давал какие-то прогнозы по выборам. Это не означает, что он неизвестен в политических и светских кругах, наоборот, репутация у 59-летнего адвоката была самая достойная. При последнем военном режиме в Аргентине он был арестован за свои взгляды и провел в заключении несколько лет. Выйдя из тюрьмы, он не только не отказался от своих убеждений, но, наоборот, принялся еще резче и настойчивее отстаивать их. Одно время Менем был губернатором провинции Ла-Риоха и, как утверждают, неплохим губернатором. Тем не менее, по мнению большинства политических обозревателей, в общенациональных проблемах разбирался неважно.

Однако, оказалось, Карлос Менем верно ориентировался в политической жизни Аргентины. Приняв жезл и сине-белую ленту президента страны, он взвалил на себя и проблемы глубокого экономического кризиса, не раз выливавшиеся в продовольственные бунты.

Чуть ли не первыми словами нового президента, обращенными к народу, были: «Аргентинцам придется учиться оставлять свои машины в гаражах и начать покупать велосипеды. Поездки на велосипеде очень полезны для здоровья, и пора нам всем понять глубину кризиса, в котором мы находимся».

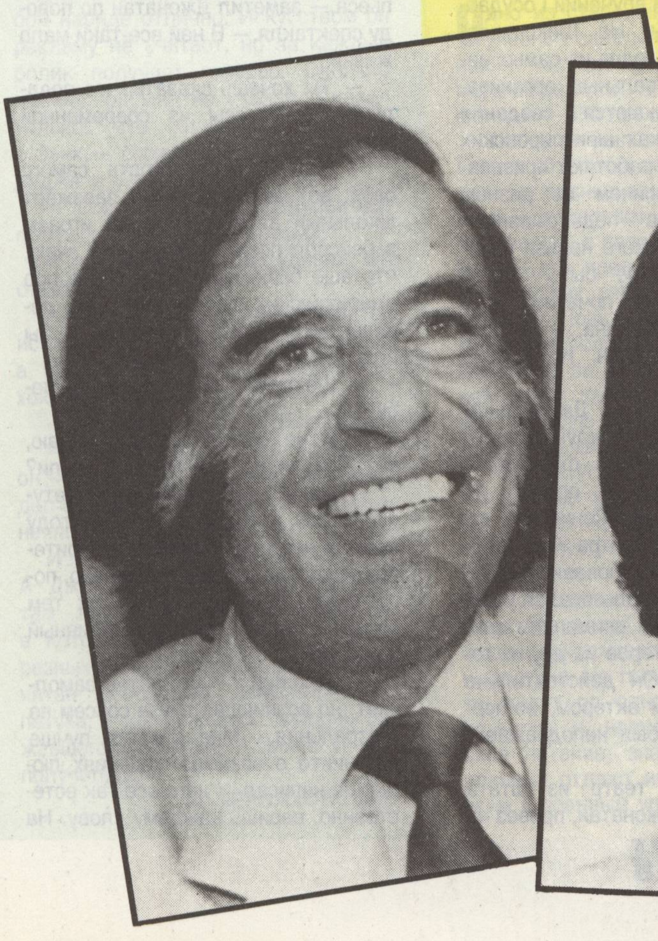
Сам президент не отказался от машины, но отказался от шофера и водит автомобиль сам. Автомобиль сопровождает эскорт мотоциклистов, видимо, раздражающий Менема, поскольку он постоянно обгоняет его и однажды из-за этого чуть не столкнулся с автобусом.

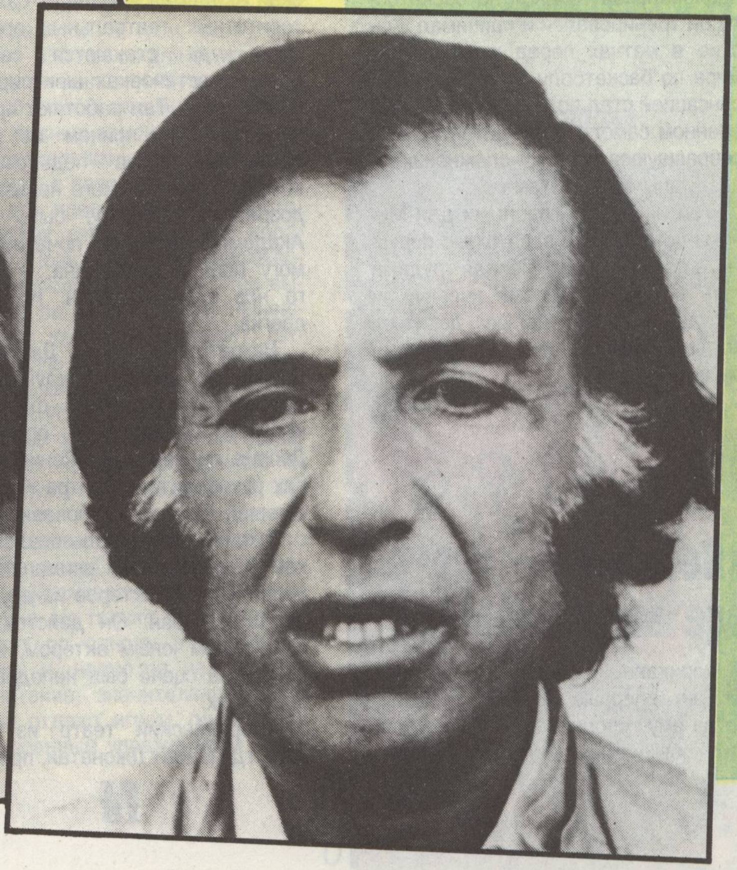
Менем, став президентом, прекрасно понимал: чтобы не потерять доверия избирателей, надо действовать быстро. Он предпринял ряд серьезных шагов: попытался убедить население, что выход из кризиса не будет легким и что необходимо потуже затянуть пояса, ввел ограничение на повышение цен, предложил продать убыточные государственные компании частным предпринимателям. И первые успехи появились.

Не удается пока ничего сделать новому президенту с растущей безработицей и инфляцией. Курс песеты меняется несколько раз в день: утром на определенную сумму можно купить килограмм масла, вечером — лишь сто граммов.

Менем работает по четырнадцать часов в сутки, что неудивительно для президента государства со столь сложной внешней и внутренней ситуацией. Большую тревогу вызывают у него военные — традиционно в Аргентине армия является серьезной политической силой. Военные путчи и попытки военных пе-

Фотографии ТАСС.

Фотографии А. УДИМОВА.

реворотов — дело для страны обыкновенное.

Несмотря на то, что быть президентом в Аргентине опасно для жизни, Карлос Менем остается верен своему правилу — не запираться в рабочем кабинете. Президента можно встретить в горах, где он катается на лыжах, не уступая лучшим горнолыжникам. Вместе с членами национальной сборной по баскетболу он тренировался и принимал участие в матчах перед чемпионатом мира по баскетболу. И уж, конечно, сенсацией стал полет президента на военном самолете, когда он удивил собравшуюся публику сложнейшими воздушными пируэтами.

Тем не менее главными для Менема остаются не воздушные пируэты, а политические. Пройдя трудный путь к президентскому креслу, он поставил своей целью добиться подъема уровня жизни народа в скорейшие сроки.

С. МУШКАТЕРОВ

1+1

«Весь мир – театр, где мы актеры...»

Американец Джонатан Коллинз Банг впервые вышел на сцену, когда ему исполнилось четыре года. Это событие явно осталось бы лишь в семейном фотоальбоме, если бы сегодня, в свои одиннадцать лет, Джонатан Банг не стал бы полноправным членом Шекспировской Академии за «выдающиеся успехи в области театрального искусства».

Формулировка звучит внушительно. Почти как при вручении Государственной премии. Но Шекспировская Академия — одна из самых авторитетных театральных организаций, куда стекаются сведения о всех постановках шекспировских пьес в мире. Там работают признанные критики, причем из разных стран, так что в «подыгрывании» кому-то своему никого нельзя заподозрить. В принципе быть членом Академии безумно почетно, и я могу понять Джонатана, у которого нос слегка задран. Но только слегка...

Встретились мы с Джонатаном Бангом во время Международного детского театрального фестиваля, который придумал и провел во Дворце пионеров на Ленинских горах руководитель Театра Юных Москвичей Александр Тюкавкин.

Джонатан явно пользовался успехом и повышенным вниманием зрителей и ребят-актеров из других городов и стран. Он действительно был самым юным актером, во-первых, и на сцене был неподражаем, во-вторых.

Американский театр из штата Юта, где живет Джонатан, привез на фестиваль довольно непривычную для нашего зрителя пьесу. Ее сложно было сыграть так, чтобы она не наскучила через десять минут. Но американцы смогли, и, бесспорно, Джонатану принадлежит большая часть успеха всего спектакля.

— Это не самая любимая моя пьеса,— заметил Джонатан по поводу спектакля.— В ней все-таки мало жизни...

— Ты хочешь сказать, что предпочел бы пьесы из современной жизни?

— Нет. Я могу играть самого себя: вот за мной утром заезжает школьный автобус, вот мы играем в бейсбол после уроков... Не знаю, что еще было бы в этой пьесе про американских шестиклассников девяностых годов... Но всегда я бы играл в пьесах Шекспира.

— Шекспир так популярен в Америке?

— Я не специалист, но думаю, нет. Популярен «Бэтмэн», слышали?

— Фильм про человека — летучую мышь, который в прошлом году чуть ли не двести миллионов зрителей посмотрело? Действительно, популярнее не придумаешь. Так тем более, почему именно старинный Шекспир?

— Шекспир...— Джонатан замолкает, но возникшая пауза совсем не театральная.— Мне кажется, лучше его никто о взаимоотношениях людей не написал. У него все так естественно, веришь каждому слову. На

самом деле, хоть и прошло столько веков, люди не сильно изменились.

Вот, послушайте...— И мальчик начинает читать какой-то монолог.

Я догадываюсь, что это из «Ромео и Джульетты», и на какой-то миг теряю ощущение реальности происходящего. Одиннадцатилетний мальчишка, вчера сошедший с трапа «боинга» и недоумевающий, почему на завтрак он не получил апельсинового сока, преобразился на моих глазах. И хотя не должен он еще знать все муки Ромео, Джонатан читает удивительно проникновенно и нежно. А дочитав до конца, встряхнулся и снова стал прежним, довольно ершистым человеком.

Джонатан играет не только в театре. Его приглашала на съемки знаменитая студия Уолта Диснея. Джонатан сыграл вместе с героем многих мультфильмов — Гуффи. Только Гуффи был нарисован по всем правилам классической мультипликации, а то, что делал на съемочной площадке Джонатан, смонтировали потом с рисунками.

Еще Джонатан Банг снимается на телевидении. А телевидение — верный путь к известности, даже если сыгранные роли — в рекламных заставках. Джонатан обычно рекламирует... пижамы, майки, кепки, словом, все, что на него наденут. Чувствует он себя, по его словам, в любом наряде отлично. Искусством он рекламу не считает, но за каждый ролик получает гонорар. Сколько именно, он мне не сказал. Сказал только, что кладет эти деньги в банк,— собирает на учебу в колледже и университете.

— Собираешься становиться профессиональным актером?

И тут Джонатан меня удивил. Он ответил:

— Нет. В школе мне нравятся история и естественные науки, а быть я хочу профессиональным хоккеистом.

— И бросишь сцену, Шекспира?

— Зачем же? — Тут удивился он.— Можно ведь делать несколько дел одновременно! При условии, конечно, что хорошо делать.

И я с ним полностью согласилась. А Джонатан побежал на сцену — там начинались «Импровизации», в которых участвовали ребята из разных театров разных стран. Джонатан изображал самоуверенного петуха, в конце концов позорно бежавшего от собаки. Хорошо у него получилось!

А. ЧЕРНЯХОВСКАЯ

СЕКРЕТЫ СО ВСЕГО СВЕТА

Где и как учатся английские мальчики

Одно из старейших и престижных учебных заведений Великобритании — частная средняя школа для мальчиков Итон. В этом году у нее юбилей — 550 лет со дня основания.

Школу открыл в 1440 году король Генрих VI, чтобы там могли учиться дети из бедных семей. Однако с годами и столетиями школа трансформировалась в своеобразную «альма-матер» для представителей аристократических семей, включая королевскую. Практически все премьер-министры Великобритании — ее выпускники, за исключением нынешней главы кабинета Маргарет Тэтчер, которую бы просто не приняли туда. Ведь школа-то для мальчиков.

Чем же Итон отличается от других учебных заведений такого рода? Не только короткой стрижкой ее 1270 воспитанников и формой, состоящей из «итонского пиджака» (черного, до пояса, напоминающего фрак без фалд), жилета, белой рубашки, накрахмаленного воротничка и галстука. Не только тем, что ребята живут по одному в отдельных комнатах и, несмотря на спартанское питание, значительную часть времени отдают играм, гимнастическим и военным упражнениям, спор-

ГОРОСКОП

Итак, мы узнали про знаки зодиака, планеты и камни. Теперь посмотрим, какой у кого характер и кого что ждет в будущем. Начнем по порядку —

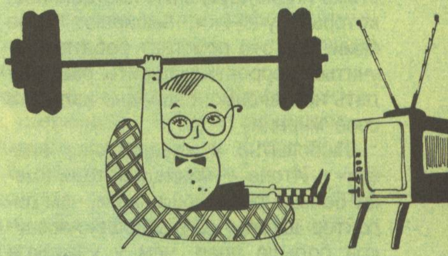
ТЕЛЕЦ

Знак Земли под покровительством Венеры.

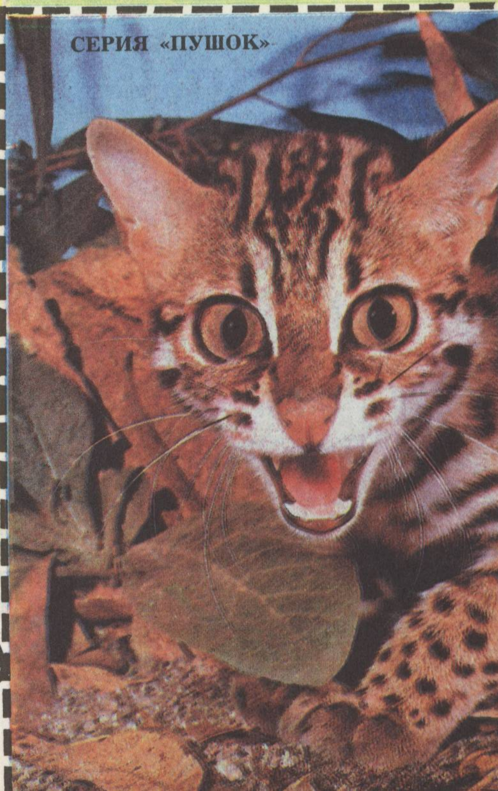
Мальчики
Жаркие спорщики, которые все же могут уступить, если не правы. Могут поднимать штангу и заниматься борьбой. Но любят и отдохнуть в мягком кресле у телевизора.

Девочки
Не простят своим парням, если они будут заглядываться на других девчонок. Но сами нет-нет да и стрельнут взглядом куда-нибудь в сторону. Что тут сделаешь — такой характер!

Тельцы хорошо дружат с Девами, Раками, Рыбами и... Тельцами. А вот со Стрельцами дружба обречена...

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

ту. Не только тем, что спустя пять веков со дня основания там успешно сохраняются многие, в том числе далеко не самые лучшие традиции. Такие, например, как «классовость», или, точнее, «кастовость» — узаконенное верховенство старших воспитанников, которые нередко помыкают младшими.

«Торговая марка» Итона — выпуск всесторонне развитых, хорошо обученных, в том числе благородным манерам, «приятных во всех отношениях» и одновременно жестких, готовых к трудностям жизни, способных постоять за себя и свои убеждения молодых людей. Как правило, большая их часть поступает затем в Кембриджский или Оксфордский университеты, чтобы потом, словно с трамплина, ринуться в высшие эшелоны политической и экономической жизни страны. Итон учит мальчиков твердо стоять на ногах и думать самим.

Этому способствует отлаженная система Итона. Во-первых, высокопрофессиональные и высокооплачиваемые преподаватели, способные передать ученикам необходимую сумму знаний, и всячески поощряющие их самостоятельное интеллектуальное развитие. Во-вторых, система индивидуальных наставников, которых ученики выбирают себе сами. Все это помогает ребятам научиться корректно спорить, размышлять независимо, свободно излагать свое мнение.

Любопытно и «разделение власти» в Итоне — преподаватели имеют больше реальной власти, чем директор школы, а у старшеклассников больше прав, чем у учеников младших классов или их сверстников в других школах. Наконец, в школе всячески поощряется участие воспитанников в спортивных мероприятиях и политических дебатах, изучение других предметов сверх учебной программы.

За прошедшие столетия Итон, несмотря на внешнее постоянство, словно хамелеон, подвергался метаморфозам, отражавшим социальные и политические процессы в жизни страны и мира. Но что бы ни происходило, Итон по-прежнему остается одной из главных «кузниц» личностей, которые образуют правящую элиту Великобритании.

В. БИРЮКОВ

Красавицы и красавцы

Можно иронично или даже отрицательно относиться к конкурсам на звание «Мисс года» или «Мисс страны», но они собирают миллионы зрителей и десятки тысяч участников и проводятся все в новых и новых странах.

Впервые в этом году конкурс на самого «красивого мужчину» состоялся в Республике Гана. Претенденты на это звание, помимо хорошего образования и широкой эрудиции, должны были весить не меньше 52 килограммов, поднимать 80-килограммовую штангу и отлично танцевать. 27-летний Мозес Куджо, занимающийся культуризмом на протяжении четырех лет, стал главным красавцем республики.

Его поздравила «Мисс Гана», Афуа Бонсу,— первая красавица республики.

А самая главная красавица планеты, «Мисс мира-89», родом из Исландии. Линде Петерсдотир 25 лет. Начала она «скромненько» — с «Мисс Восточного Побережья» и «Мисс Исландии». Она учится на инженера, но весь нынешний год посвятила рекламе продукции Исландии в разных странах, чтобы заработанные деньги перечислить в фонд помощи детям-сиротам.

Чтобы быть в «королевской форме», Линда занимается культуризмом, плаванием и постоянно читает Шекспира.

Кстати, практически все красавицы не пьют, не курят, среди них много вегетарианок. Тем не менее некоторые обожают сладкое и вынуждены потом отрабатывать каждое пирожное в тренажерном зале или на плавательной дорожке.

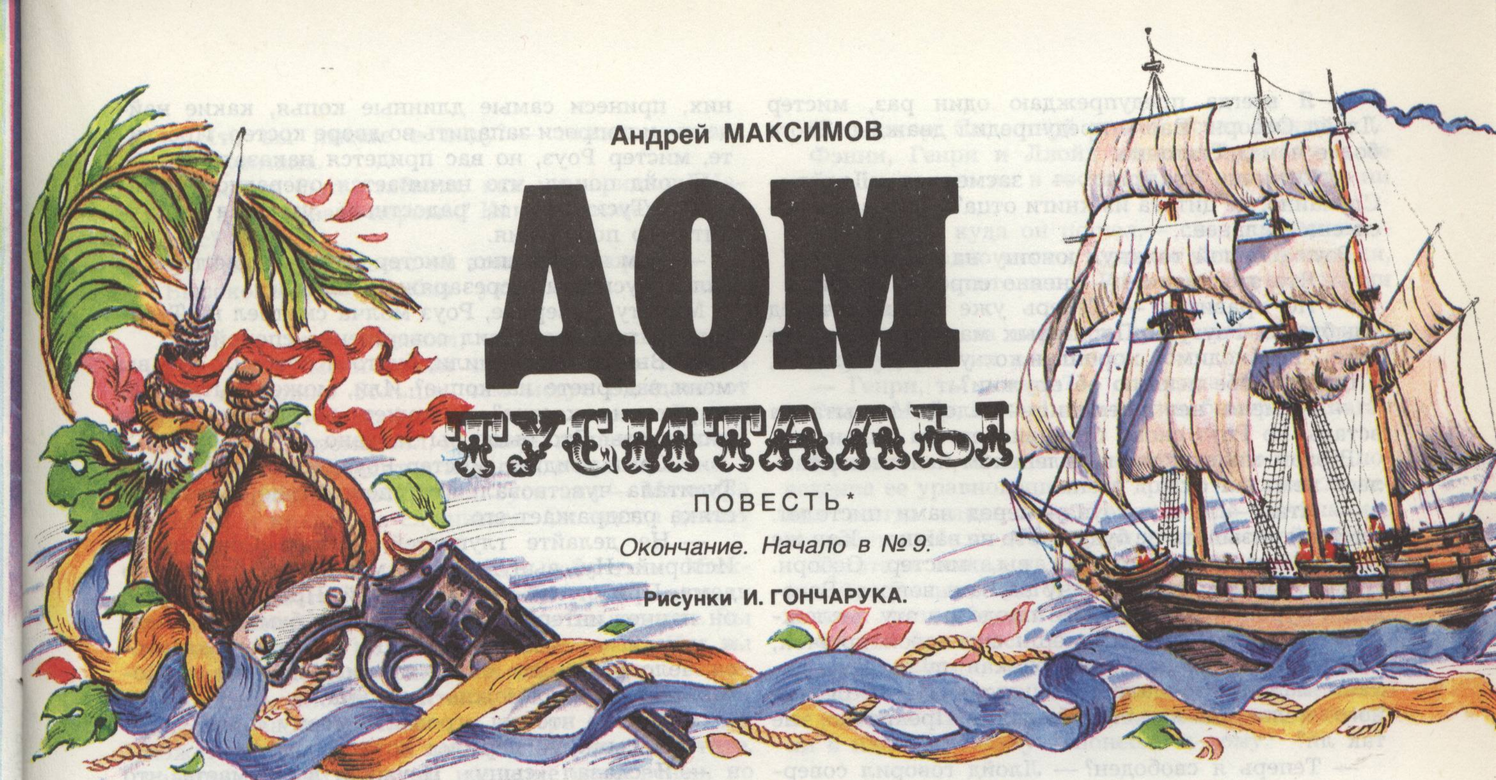

Рисунок А. БАЛДИНА.

ОКТЯБРЬ

Пн	1	8	15	22	29
Вт	2	9	16	23	30
Ср	3	10	17	24	31
Чт	4	11	18	25	
Пт	5	12	19	26	
Сб	6	13	20	27	
Вс	7	14	21	28	

Эта кошечка на фотографии еще совсем молоденькая — почти котенок. Но смотрите, какие у нее зубки. Хищница — одно слово! И хищница вдвойне: это ДИКАЯ бенгальская, или леопардовая, кошка. Она живет на воле, почти не поддается приручению. Вот уж действительно про нее сказано: «Кошка гуляет сама по себе». Размер взрослой бенгальской кошки чуть больше домашней.

Андрей МАКСИМОВ

ДОМ ТУСИТАЛЫ

ПОВЕСТЬ*

Окончание. Начало в № 9.

Рисунки И. ГОНЧАРУКА.

Последние свои годы знаменитый писатель Роберт Луис Стивенсон провел на острове Самоа. Туземцы называли Стивенсона Туситалой. Писатель пытался предотвратить на Самоа войну между племенами. Однажды в доме Туситалы Сими — воин враждующего племени — попытался убить вождя Матаафу. Покушение не удалось. Вскоре начинается война. В это же время в доме Туситалы появляется странный субъект — мистер Роуз.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой Фаума ссорится с Роузом, Роуз угрожает Ллойду, а Туситала уходит на берег океана

...И вот, когда Суанатуфа, в который уже раз, не обратил на нее абсолютно никакого внимания, когда он прошел мимо, не заметив ее, словно она так же неинтересна, как какая-нибудь пальма, вот тогда Фаума проскользнула в гостиную, крадучись, подошла к шкафу и достала волшебную бутылку.

И в то же мгновение сверху полились звуки флейты. Туситала играл печальную мелодию. Звуки не воспаряли к небесам и не стелились по земле — они проникали в ту область человеческой души, где живет память, чтобы оживлять самые дорогие воспоминания — те, что навевают тревогу и грусть.

Фаума поцеловала бутылку, подняла ее над головой — странное существо внутри бутылки зашевелилось, задрожало,— рухнула на колени и начала свою молитву:

— Бутылка, если ты и вправду волшебная, если ты и вправду хоть на что-то способна, дьявольская бутылка, сделай так, чтобы он заметил меня. Небо смотрит на пустыню — не видит, заметит — прольется дождем; земля смотрит на дерево — не видит, заметит — подставит ветки для гнезда; солнце, великое солнце, смотрит на нас — не видит, заметит — вскормит и землю, и лес, и птицу, и всех нас. Бутылка, если ты и вправду на что-то способна, сделай так, чтобы этот человек заметил меня. Заметит — полюбит, заметит — полюбит, заметит...

Уж не о моей ли любви ты молила?

Мистер Роуз стоял на пороге гостиной и, радостно улыбаясь, смотрел на Фауму.

Девушка быстро вскочила на ноги и от испуга выронила бутылку. Бутылка ударилась об пол, отскочила, как резиновая, и тотчас застыла на месте, будто приклеенная.

Интересная вещица.— Мистер Роуз внимательно смотрел, как шевелится черное существо.— Это та самая штуковина, с помощью которой хозяин дурит голову бедным самоанцам? А из чего она сделана, резина под стекло, что ли?— Роуз снова бросил бутылку об пол. Бутылка подпрыгнула и закатилась за диван.

Фаума с ужасом смотрела, как непочтительно белый господин обращается с волшебной бутылкой. Ей казалось, что черное существо по имени дьявол сердится на него, а может быть, и на нее тоже.

Ладно, черт с ней, с бутылкой.— Роуз схватил Фауму за руку.— Заметит — полюбит, говоришь? Ну так и что? Я заметил тебя, детка.— Он потрепал Фауму по щеке.— Нет, черт подери, черная кожа и белые зубы дьявольски приятное сочетание.

Роуз захохотал. Фаума сжалась, не понимая, как вырваться ей от этого злого господина. И тут...

— Да уж, более приятное, чем сочетание глупости и умного вида.

Роуз сразу узнал голос Ллойда.

Фаума вырвалась, гневно посмотрела на Роуза и сказала:

— Между Фаумой и белым господином стоит ссора.

Еще раз пронзила Роуза своим взглядом и неспешно вышла.

— Мистер Осборн.— Роуз стремился сохранять спокойствие.— Я предупреждал вас: не надо мне хамить. Это никогда ни для кого не кончалось добром.

— Мой вывод был совершенно абстрактным. Не моя вина, что вы приняли его на свой счет.

---

* Журнальный вариант.

— Я всегда предупреждаю один раз, мистер Ллойд Осборн. Вас я предупредил дважды. Этого более чем достаточно.

— Отлично сказано! — засмеялся Ллойд.— Случайно, не цитата из книги отца? — Он засмеялся еще сильнее...

Роуз с силой толкнул юношу на диван.

— Что это значит? — гневно спросил Ллойд.

— Не нравится? — Теперь уже пришел черед улыбаться Роузу.— Паршивых мальчишек, вроде тебя, необходимо хорошенько учить. Позволь, я прочту тебе лекцию об оружии?

— У меня нет времени! — Ллойд попытался встать, но Роуз снова отправил его на диван.

В этом маленьком, кругленьком человечке таилась немалая сила.

— Итак,— начал Роуз,— перед вами пистолет. Систему называть не буду — это не важно. «Как же он работает?» — спросите вы, мистер Осборн. И я с удовольствием отвечу на ваш вопрос. Взводишь курок.— Мистер Роуз проделал эту несложную операцию.— Нажимаешь спусковой крючок, и вылетает маленькая-маленькая пуля. Она делает маленькую-маленькую дырочку, и огромного человека как не бывало. Прекрасно, не так ли?

— Теперь я свободен? — Ллойд говорил совершенно спокойно. Как и все жители усадьбы в Ваилиме, он был уверен: в собственном доме ему ничто не грозит.

Роуза это спокойствие выводило из себя.

— Нет, милый юноша,— сказал он без тени улыбки *.— Самое интересное впереди. Когда курок взведен — видите, как сейчас? — пистолет может выстрелить внезапно, как бы случайно. Бывает, кто-нибудь неосторожно рассматривал оружие, а оно возьми да и выстрели... Представляете, какое несчастье? Пуля может попасть сюда, сюда, сюда.— Роуз стал тыкать пистолетом в тело Ллойда.

Ллойд попытался выбить оружие, но толстый Роуз оказался не только сильным, но и ловким.

— Вы неплохо деретесь,— зло улыбнулся он.— Советую бить прямо по этой железной штуке, тогда она выстрелит наверняка, и пуля попадет вам прямо в грудь.— Роуз довольно сильно ткнул пистолетом в грудь Ллойда.

— Если вы не прекратите, я ударю всерьез,— не выдержал Ллойд.

Вместо ответа Роуз резко повернулся и выстрелил в окно. Стекло со звоном разбилось.

— Страшно? — снова улыбнулся Роуз.— Советую запомнить: быть наглым — занятие куда более легкое, нежели быть смелым и умным. Вашей башке это ясно? — И он приставил дуло ко лбу Ллойда.

— Мистер Роуз,— раздался голос откуда-то сверху.

Роуз почувствовал тупой удар в пистолет. Оружие вышибло из рук, а рука противно заныла.

По лестнице спускался Туситала. Его пистолет еще дымился.

— Я видел, что здесь случилось. Ты молодец, мой мальчик, не струсил перед трусом. Мистер Роуз, я, по-моему, уже говорил, что у нас оружием трясти не принято. Итак, Ллойд, позови домашних, принеси самые длинные копья, какие найдешь, и попроси запалить во дворе костер. Простите, мистер Роуз, но вас придется наказать.

Ллойд понял, что начинается очередной розыгрыш Туситалы, и, радостный, умчался исполнять его поручения.

— Вам не страшно, мистер Роуз? — поинтересовался Туситала, перезаряжая пистолет.

Минуту, наверное, Роуз молча смотрел на Туситалу, а потом спросил совершенно спокойно:

— Вы что ж, решили, будто я поверил, что вы меня вздернете на копье? Или, может быть, поджарите на костре? А может, вы решили меня линчевать? Это было бы забавно...

— Сами увидите, мистер Роуз, ждать недолго.— Туситала чувствовал, что спокойствие этого толстяка раздражает его.

— Не делайте глупостей, мистер Сочинитель Историй. Ну, вынудите вы меня уйти из вашего дома. Придет кто-нибудь другой. Представьте, что он начнет интересоваться вашими бумагами, чего я, кстати, не делаю. И вообще, он может оказаться человеком еще более противным, чем я. Поверьте: такое возможно и весьма.

— Только что вы угрожали моему сыну...

— Пасынку,— перебил Роуз.

— Я сказал «сыну». Неужели вы думаете, что это может остаться для вас безнаказанным?

Живя в доме Туситалы не первый день, Роуз знал: есть две вещи, которые угнетают Сочинителя Историй, лишают спокойствия и сна: его недописанный роман, его «Уир Гермистон», и ощущение, что он, Туситала, недостаточно помогает Матаафе. Роуз слышал, как совсем недавно Туситала говорил Фэнни: «Мы здесь занимаемся милыми розыгрышами, воюем друг с другом, а рядом идет настоящая война...»

Профессией Роуза было подслушивать и подглядывать. И он хорошо умел использовать то, что подслушал и подглядел.

— Конечно,— притворно вздохнул Роуз. И, разумеется, улыбнулся. Он надевал улыбки, как галстуки: к каждому случаю — подходящая.— Нет ничего проще, когда другие воюют,— заниматься розыгрышами в собственном доме и спасать сына от опасности, которая ему, в сущности, не угрожает.

— А вы-то сами что делаете, когда воюют другие? — спросил Туситала.

Внешне он оставался спокойным, но Роуз видел, что слова его возымели свое действие.

— Я работаю. Плохо ли, хорошо ли, но делаю свое дело. Честно.

— Да разве у вас дело, мистер Роуз?

— Несправедливо упрекать человека за то, что у него нет писательского таланта, а есть дар в другой сфере человеческой жизни. Так вот я-то свое дело делаю, а вы? Простите, мистер Сочинитель Историй, но вы больной человек, если вы как следует не возьметесь за «Гермистона», можете попросту не успеть. Я знаю: перед собой вы оправдываетесь тем, что помогаете Матаафе. Как помогаете, позвольте спросить? Госпиталь? Там Фэнни днюет и ночует, а не вы. Статьи? Вы сами знаете, что бумагой войну не остановишь. Деньги? Единственное, пожалуй, но ведь это деньги, которые вы заработали давно, в те времена, когда еще умели по-настоящему работать.

Увидев, что монолог подействовал на Туситалу, Роуз решил использовать главное свое оружие:

— Кстати, вам лучше вообще не соваться в эту войну. Один раз сунулись — хватит.

* Возможно, читателя раздражает, что я так часто говорю об улыбке мистера Роуза, но есть такие люди с приклеенными улыбками (я, кстати, их терпеть не могу), о которых улыбка говорит больше, чем взгляд или жест.

— Что вы имеете в виду? — тяжело поднял глаза Туситала.

— Может быть, забыли, как уговаривали Матаафу не начинать первым? Как он промедлил из-за вас?

— Откуда вы знаете об этом разговоре?

Высокомерная улыбка укрепилась на лице Роуза.

— Я же вам объяснил, что делаю свое дело честно. А у меня такая профессия, я должен знать немножко больше, чем могут ожидать от меня. Так вот, Матаафа не выступил, когда Лаупепе был слаб, промедлил, и теперь вашему самоанскому другу приходится нелегко, очень нелегко.

— Неправда! — вскричал Туситала.— Матаафа никогда и никого не слушается. Он всегда делает только то, что решил сам!

— Теперь можно успокаивать себя этим. Можно успокаивать себя даже тем, что вы хотели предотвратить войну. Что ж, очень благородно. Вы не хотели крови, не хотели смерти детей... Что вы там еще пишете в своих статьях? Но факт остается фактом, мистер Туситала, Матаафа терпит поражение за поражением, и теперь только идиот может сомневаться в победе Лаупепе. Простите, наверное, я был с вами излишне откровенен, но кто еще скажет вам правду в этом доме? Вас все берегут, все жалеют.— Роуз тяжело вздохнул. Со стороны могло показаться, что весь разговор ему самому крайне неприятен.— С вашего позволения, пойду немного прогуляюсь, а если все же решите меня линчевать — буду к вашим услугам сразу после обеда.

Мистер Роуз широко улыбнулся и вышел.

А Туситала побрел на берег океана.

Волны не лизали прибрежные камни, а бросались на них с яростью, будто завидовали вечной неподвижности огромных глыб, и жаждали унести их с собой в море. Поднялся ветер. Зашуршал, заговорил самоанский лес. С треском упало дерево, стая птиц взмыла в почерневшее небо.

Туситала сидел у самой воды и смотрел в даль океана. Светлый у берега, океан темнел к горизонту и там, у горизонта, сливался с ярко-оранжевым небом, и, где сливались они, пролегла белая, как волны прилива, полоса. Красный глаз солнца, далекий и непокорный, властно глядел на эту картину.

«Чего же стоят мои слова? — снова возвращался Туситала к тому, что мучило его уже много лет.— Ладно бы, они не приносили пользы, но, оказывается, они еще приносят вред. Этот противный толстячок прав...»

И Туситала вспомнил, что не так давно разговаривал об этом. Но с кем? С Фэнни? Нет, другие разговоры он вспоминал. Кто-то недавно мучил его беседами, совершенно искренними и обнаженными. Но кто же, кто?.. Конечно, Джон Сильвер — непостижимый вестник его болезни.

Ветер поднимался все сильнее. Глаз солнца наполовину скрылся, высокомерный и ироничный, подмигивал он всему, что было на земле — мол, вы меня еще не знаете, сейчас я вам устрою шутку.

Туситала поднялся во весь свой рост и увидел вдали паруса прекрасного корабля. Это была «Испаньола». Джон Сильвер стоял на носу; красный плащ развевался под ветром. Опершись о костыль, старый пират внимательно вглядывался в береговую линию, словно искал кого-то.

— Я здесь! — крикнул Туситала и упал...

Был ветер. Сплошной стеной встал дождь.

Фэнни, Генри и Ллойд искали Туситалу и не могли найти его ни в гостиной, ни в кабинете, ни в саду...

— Я знаю, куда он пошел,— сказала Фэнни.— Есть только одно место, куда он мог отправиться, если этот отвратительный Роуз измучил его своими разговорами.

Они вышли за порог, и сразу дождь сотнями плеток ударил их по спинам.

— Генри, ты с нами? — спросила Фэнни.

Генри Моор, ничего не ответив, быстро зашагал вперед.

Признаться, Фэнни немного удивило такое поведение ее уравновешенного друга, чьи приключения всегда заканчивались там, где начинались неудобства. Но не до размышлений было ей сейчас.

Туситала лежал на берегу океана, подняв лицо к небу. Волны, будто жалея его, падали совсем рядом, лишь обдавая его брызгами.

Фэнни бросилась к мужу, увидела, что Луис шевелит губами, и улыбнулась.

Впрочем, в кромешной темноте ее улыбки никто не заметил. Генри снял с себя плащ. Они завернули в плащ Туситалу и понесли к дому.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,
в которой Сильвер снова предупреждает

Сильвер склонился над ним:

— Ты звал меня?

— Нет! — закричал Туситала.— Нет! Я просто запутался... Это было минутное, а теперь уходи... Уходи, еще не время...

— Я знаю, что тебя мучит, создатель. Я пришел поговорить...

Было так темно, что хотелось закрыть глаза — в них все равно не было проку. Дорогу Фэнни, Ллойду и Генри освещали лишь вспышки молний да светящиеся насекомые, чей свет был подобен огоньку летящей спички. Насекомые не боялись дождя и носились над их головами в бешеном танце.

Дождь усилился. Но никто не обращал на это

внимания. Все были озабочены лишь одним: чтобы плети дождя не задевали Туситалу.

Из темноты шагнул силуэт огромного человека. Генри схватился за пистолет, но волнение было напрасным — то был Суанатуфа.

Суанатуфа легко поднял хозяина на руки и понес к дому.

Фэнни пришлось признать, что они немного заплутали в темном самоанском лесу и, если бы не Суанатуфа, неизвестно сколько бы еще ходили вокруг Ваилимы...

— Знаешь, о чем я сейчас думаю, одноногий пират? — спросил Туситала.

И Сильвер ответил:

— Знаю.

— Я думаю о том, что если когда-нибудь ктонибудь, кто имеет право спрашивать, спросит у Фэнни: «Зачем были все твои мытарства и вся жизнь твоя зачем?» — она сможет предъявить Беллу, Ллойда и того малышку, которого похоронила в Париже. И это оправдает все, потому что дети — главное наше оправдание. А что смогу предъявить я? Бог не дал мне детей... Как ты думаешь, если «Гермистон» будет действительно великой книгой, он послужит хоть маленьким оправданием тем нелепостям, которые я натворил?

— Послушай, создатель, честно говоря, мне порядком осточертело твое нытье. Уже ничего не изменишь. Ты ведь знаешь: только невеждам кажется, будто море огромно и можно плыть по нему куда заблагорассудится. На самом деле это не так-то просто — изменить свой курс. Во всяком случае, ты, создатель, уже не успеешь этого сделать. Но предупреждаю еще раз: до цели тебе тоже не доплыть!

«Нет,— хотел крикнуть Туситала.— Я должен успеть!» — но у него не хватило сил.

И снова кто-то настырный и злой выкручивал его легкие, выдавливал из них кровь. И вот она хлынула горлом, и Туситала почувствовал, что земля уходит из-под ног, он плыл, барахтался между небом и землей, еще мгновение — и небо расплющит его...

Но он услышал голос Сильвера:

— Еще не время, создатель. Еще не время...

Фэнни подняла голову, оглядела стоящих у постели Туситалы людей и сказала тихо-тихо, почти шепотом:

— В последнее время приступы у Луиса затягиваются. Сейчас ему надо побыть одному.

Все медленно вышли, понурив головы. Фэнни подумала, что именно так уходят из комнаты умершего, но быстро заставила отогнать эти горькие предчувствия.

— Твои приходы участились, Сильвер,— простонал Туситала.— Ты мешаешь мне жить, ты приходишь всегда не вовремя, ты загораживаешь мне мир!

— А миру загораживаю тебя,— усмехнулся Сильвер.

Но Туситала не услышал этих слов. А может быть, сделал вид, что не услышал.

— Зачем я только тебя придумал? — вздохнул он. Ты измучил меня...

— Хорошо помучить — тоже искусство.— Сильвер затянулся трубкой и выпустил дым прямо в лицо Туситалы. Сочинитель Историй закашлялся.— Сдается мне, ты несправедлив к себе, создатель. Бог дал тебе мучения, чтобы ты не сбился с пути. Для людей вроде тебя сомнения и ручения — тот же парус. Пока есть — корабль плывет, а нет...— И он снова выпустил кольцо дыма...

— Мистер Роуз.— Фэнни в упор посмотрела в глаза мистера Роуза, тот отшатнулся от ее взгляда.— Я только что просила всех выйти, эта просьба относится и к вам. Еще я очень прошу, как врач: не сметь курить в комнате, где лежит Луис!

— Простите ради бога.— Роуз выбросил сигарету в окно и выскочил из комнаты.

— Ничего, Луис, ничего.— Фэнни нагнулась и поцеловала Туситалу.— Мы с тобой столько приступов выдержали, переживем и этот. Ты представляешь, мой родной, родители Лафаэле — ну, те самые люди, которым мы помогли построить хижину,— принесли какое-то чудотворное растение, говорят, оно излечивает ото всех болезней. И теперь ты точно поправишься, Луис, я уверена.

— Может быть, мне и нужны эти мучения,— вздохнул Туситала,— хотя я всегда считал себя веселым человеком.

Не оттого ли тебе удается оставаться веселым, что так мучаешься в разговорах со мной? — перебил его Сильвер.

Но Туситала не стал отвечать на этот вопрос — даже во время приступа он не любил, когда его перебивали. И он продолжил:

— Может быть, все это так. Но как же устали со мной Фэнни и Ллойд... Всю жизнь мне было стыдно болеть, Сильвер, и всю жизнь я болею.

Сильвер отвернулся от Туситалы. На это нечего было ответить даже одноногому пирату...

В комнату вбежала Фаума, рухнула на колени:

— Я молила небо, чтобы оно помогло Туситале. Все жители молили об этом. Злые духи хотят забрать у нас Туситалу, но небеса не допустят этого...

— Дело сделано, создатель,— шепотом сказал Сильвер.— Я предупреждаю тебя: торопись! Но я предупреждаю тебя и о том, что до цели ты не доплывешь. Вот и все, теперь я могу отчаливать.

— Встань, Фаума.— Фэнни помогла Фауме подняться.— Луису, по-моему, лучше.

Туситала хотел что-то ответить Сильверу, что-то возразить. Но на этот раз одноногий пират исчез мгновенно. Он впервые ушел так стремительно, и от этого Туситале стало не по себе.

Приступ кончился, Туситала хотел открыть глаза, но не смог — слишком велика была усталость. Подумал: «Фэнни будет напрасно волноваться, со мной ведь уже все в порядке»,— и погрузился в спокойный, мягкий сон.

Фэнни прислушалась к его мерному дыханию.

— Приступ прошел,— облегченно вздохнула она и сказала, обращаясь к Фауме:— Приготовь мне, пожалуйста, чаю. Я так соскучилась по хорошему крепкому чаю.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,
в конце которой имеется примечание, объясняющее то, что кажется невероятным и плохо придуманным

Мистер Роуз был не из тех людей, которые отступают от намеченной цели. И когда он увидел Фауму, которая прибиралась в спальне, понял, что судьба предоставляет ему прекрасный случай доказать этой белозубой красотке, кто же здесь все-таки настоящий хозяин.

Фаума на корточках сидела у камина и глядела,

как языки пламени слизывают смолу с горящих поленьев.

Роуз подошел к девушке сзади, положил ей руки на плечи.

Фаума испуганно вскочила:

— Между Фаумой и белым господином стоит ссора!

— Это легко исправить.

Фаума попыталась выскочить из спальни, но Роуз преградил ей дорогу.

— Все стремятся убежать от меня в этом дурацком доме.— Роуз улыбнулся собственной шутке.— Запомни, крошка, еще ни одна черномазая не ушла от меня.

— Фаума будет кричать! — Девушка пыталась оставаться спокойной, но руки ее заметно дрожали.— Фаума будет кричать громко, как буря! Все услышат Фауму!

— Кто все, милая ты моя? Твой замечательный господин пошел прогуляться по берегу, хозяйка и молодой наглец — ее сын — ушли сопровождать его.

Фаума сжалась, как кошка, готовая к прыжку.

Роуз, конечно, заметил это. Достал пистолет, подержал его на ладони.

Суанатуфа появился в спальне, как всегда, неожиданно. Точным и сильным ударом он выбил у Роуза оружие.

Но мистер Роуз был человеком запасливым. Уклониться от второго удара Суанатуфы он, конечно, не смог бы. Но он смог предвосхитить этот удар.

Роуз отскочил к окну, выхватил из кармана другой пистолет, направил его на Суанатуфу и чуть дрожащим голосом предупредил:

— Еще одно движение, свиное рыло, и я пробью твою тупую башку! Идиот, ты посмел ударить белого господина! Так вот, у меня хватит железа, чтобы справиться даже с таким буйволом, как ты. Я вам докажу, кто здесь настоящий хозяин!

Если бы все это происходило, скажем, в лесу или, еще лучше, в доме Роуза — Роуз расправился бы с этим самоанцем мгновенно, труп наглого гиганта уже давно пожирали бы акулы. Но убивать слугу в чужом доме, при свидетелях... Нет, пока у Роуза хватит терпения этого не делать. Если, конечно, туземец будет послушным.

Суанатуфа посмотрел на Роуза, потом на Фауму. Жилы на его черной шее вздулись так, что казалось, перережут ожерелье из черных листьев.

Фаума сантиметр за сантиметром приближалась вдоль стены к бельевому шкафу. Резким движением она распахнула его и... вытащила оттуда маленькое копье.

Роуз не зря считался профессионалом, и экипировка у него была профессиональная. Нож как бы сам собой выскочил из-за голенища сапога и удобно устроился в руке. И пока Суанатуфа соображал, не из воздуха ли берет этот толстый, но ловкий человек пистолеты и ножи, Роуз схватил Фауму за волосы и приставил нож к спине с левой стороны, как раз там, где сердце.

Взгляд Роуза остановился на бельевом шкафу, в двери которого торчал ключ.

— Иди к шкафу, сволочь! — заорал он.— И побыстрей, если тебе дорога жизнь этой девки!

Суанатуфа подошел к шкафу и остановился.

— Ну, чего встал? Лезь туда! А потом эта дура запрет тебя, и мы уйдем с ней... Впрочем, тебе совершенно необязательно знать, куда мы с ней пойдем. Хорошо я придумал?

Вопрос относился к Фауме. Но она уже ничего не понимала, сознание покинуло ее, и она упала бы, если б Роуз не держал ее за волосы.

Суанатуфа раскрыл дверь шкафа. Рядом с платьями висела уздечка, Суанатуфа схватил ее и, резко повернувшись, ударил Роуза.

Роуз успел уклониться и от неожиданности выпустил Фауму. Девушка тяжело рухнула на пол.

Суанатуфа бросился к ней. Это была недопустимая для воина ошибка, но Суанатуфа не был бы мужчиной, если бы не совершил ее.

А когда он почувствовал под рукой слабое биение сердца Фаумы и поднял глаза — мистер Роуз уже надвигался на него, молчаливый и страшный. В руке Роуза блестел нож...

Суанатуфа вскочил. Резкий выпад — и на груди туземца появилось красное пятно. Вначале маленькое, оно все разрасталось. По черной груди самоанца текла алая кровь.

Суанатуфа понял, что если Роуз убьет его — он наверняка убежит из Ваилимы; белые люди всегда убегают с того места, где совершают преступление. А значит, Роуз уже не обидит Фауму — ни сегодня, никогда впредь. А потому Суанатуфа прислонился к стене и спокойно ждал удара ножа.

Роуз медлил, ему доставляло удовольствие видеть, как он припер этого огромного самоанца к стене, и тот боится — боится! — его.

Роуз пощекотал лезвием горло самоанца. Суанатуфа не сопротивлялся.

Но тут черная тень прыгнула в окно. Неизвестный туземец метил в руку Роуза, но промахнулся — упал на пол. Ударом ноги в голову Роуз заставил туземца затихнуть. Самоанец упал лицом вниз...

Когда Ллойд с Туситалой поднялись в спальню, их глазам представилась картина, которую по меньшей мере можно было назвать странной. Посреди спальни лежало два тела. Одно, без сомнения, принадлежало Фауме. Второе, безусловно, местному жителю, но кому, сказать было весьма затруднительно. А рядом стоял Суанатуфа с копьем, и Роуз с длинным ножом в руках.

Фаума застонала, подняла голову. Суанатуфа улыбнулся.

Туситала подошел к неизвестному туземцу и осторожно перевернул его. Перед ним лежал Сими.

— Проклятый дом,— прошипел Роуз.

Обещанное примечание. (Любопытный читатель! Я подозреваю, что вы открыли «примечание», как только прочли название главы. Напрасно. Читайте по порядку, вдруг будет интереснее.)

Хочу прервать наше повествование, дабы описать спальню Фэнни документально. Конечно, мой рассказ — скорее легенда, нежели документ, и все же подобное описание совершенно необходимо, иначе, чего доброго, вы решите, будто я от бессилия придумал копье в женской спальне и уздечку, висящую среди платьев.

В дневнике Фэнни от января 1891 года имеется следующая запись (я позволил себе ее немножко сократить): «Моя спальня представляет довольно странное зрелище. Когда я дважды застаю какой-нибудь предмет валяющимся в нижней комнате, я велю принести его сюда, так что его уже нельзя взять без моего ведома. Поэтому среди платьев висят уздечки, ремни, коновязи... Кожаные ремни и детали сбруи висят на стене. Есть тут и совсем несообразные вещи, например, черпак с островов Кингсмил, длинное резное копье, пистолет и коробки с патронами, нанизанные на нитки зубы (рыбьи, человечьи и звериные)... Моя маленькая поход-

ная койка кажется попавшей сюда по ошибке» (Ф. Стивенсон и Р. Л. Стивенсон. «Жизнь на Самоа», М., 1969 г. с. 78) *.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,
в которой молчащий заговорил, а убегавший рассказал о себе

Первым пришел в себя, разумеется, мистер Роуз. И тут же начал кричать на Сими:

— Ты хоть соображаешь, обезьяна, куда прыгаешь? Ты ведь Сими? Да? Я узнал тебя! Так что ж ты...

Сими медленно поднял голову от пола и изо всей силы плюнул в Роуза. Тот дернулся было — ответить на оскорбление, но Ллойд остановил его.

— Я, может быть, и не самый меткий стрелок,— усмехнулся он,— но на таком расстоянии, уверяю вас, не промахнусь.

На лестнице раздался шум шагов, в дверях появились Фэнни и Генри Моор.

Сими встал на колени, пополз к Сочинителю Историй и молча начал биться головой об пол.

— Ты что, с ума сошел? — вскричал Туситала.

— Ну, что я говорил? — обрадовался Роуз.— Эдак я поживу у вас некоторое время и тоже буду вполне пригоден для психушки.

С потрясающим упорством, ни слова не говоря, Сими бился головой об пол.

Туситала попытался его остановить, но безуспешно.

И тогда начала командовать Фэнни:

— Значит, так. Вы, молодой человек, немедленно прекратите это дурацкое занятие и встаньте с колен. Встаньте, встаньте. А теперь сядьте нормально. Если больше некуда — на пол.— Странно, но властному тону Фэнни Сими подчинился немедленно и беспрекословно.— Ты, Ллойд, опусти пистолет — думаю, нашего присутствия достаточно, чтобы не было всяких недоразумений. Первым делом надо посмотреть, серьезно ли ранен Суанатуфа, а после разберемся во всем остальном.

Фэнни осмотрела рану Суанатуфы, убедилась, что ничего опасного нет, промыла ее спиртом, забинтовала, а затем спросила, конкретно ни к кому не обращаясь:

— Ну и что же здесь произошло?

— Мне кажется, я понял, что здесь было,— вздохнул Ллойд.— Толстяк хотел унизить Фауму.

— Что за выражения, молодой человек? — Роуз послал в сторону Ллойда одну из самых ослепительных своих улыбок.— Толстяк... Унизить... Господа, мы же цивилизованные люди, кто она такая, эта черномазая, чтобы о ней так много говорить?

— Фаума — жена Суанатуфы,— произнес Суанатуфа тихо-тихо.

Но его все услышали. Скажем больше, даже, если бы в окно дома Туситалы снова вплыло каноэ, все удивились бы куда меньше, чем услышав голос Суанатуфы.

Суанатуфа оставался совершенно спокойным, лишь шрам на его щеке слегка подрагивал, выдавая волнение. Говорил он не торопясь, четко отделяя каждое слово, словно не верил, что его поймут.

— У этой женщины нет защитников, кроме Суанатуфы. Есть друзья — нет защитников. Суанатуфа нужен Фауме. Суанатуфа называет Фауму своей женой. Если кто-нибудь обидит эту женщину, Суанатуфа отправит его в царство духов!

Фаума упала в ноги Суанатуфы, обняла их и затихла. Суанатуфа сидел, прислонившись к стене, руки его спокойно лежали на коленях.

— Любовь, Суанатуфа! — Туситала встал.— Я приветствую тебя. Твою мудрость и доброту.

Никак не отреагировал Суанатуфа на эти слова, лишь шрам на его щеке задергался сильнее.

Туситала подошел к мистеру Роузу. Роуз тоже вскочил и теперь взирал на хозяина дома снизу вверх. Они были очень похожи на клоунов в цирке — толстый и тонкий.

— Мистер Роуз,— Туситале ужасно хотелось дать Роузу щелбан, прямо так, сверху, наотмашь. Но приходилось сдерживаться.— Мистер Роуз,—

* Пользуясь случаем, хочу посоветовать всем прочесть эту замечательную книгу, которая появилась на русском языке благодаря усилиям переводчика З. Житомирского и научного редактора, автора вступительной статьи и примечаний Д. Д. Тумаркина.

повторил он,— я долго терпел, сколько мог соблюдал законы гостеприимства, но я свободный человек и в своем доме имею право схватить за шкирку всякого, кто мне осточертел. Итак, мистер Роуз, я должен подробнее объяснить вашу ближайшую задачу?

— Мой долг повелевает мне...— начал Роуз, но тут вступил в разговор Генри.

— Господа! Ну, нельзя же, ей-богу, быть такими пресными! Выяснить ваши отношения вы успеете! Ну неужели же вам не любопытно узнать, почему Суанатуфа заговорил, почему вернулся этот беглец, который, кстати, наверняка знает всякие военные новости... Так нет же! Сейчас начнут: «уходите — не уйду!», «уходите — не уйду!» Тоска!..

— Мне, кстати, тоже интересно узнать, почему Суанатуфа так долго молчал,— сказал Ллойд.

И все повернулись к Суанатуфе. Но он продолжал сидеть молча, будто все это его совершенно не касалось.

Томительная пауза повисла в комнате. Нарушил ее дикий крик Сими:

— Туситала! Туситала — единственный, кто умеет слышать!

Сими снова рухнул на колени. Голова его моталась на шее, как на ниточке, словно искала, куда опуститься, и все время опускалась на пол.

— Может, он больной? — прошептал Генри.

Вдруг Сими перестал бить свои поклоны.

— Победитель духов — Туситала может убить Сими! — Сими говорил, как пел, широко растягивая гласные звуки.— Туситала знает правду. Туситала умеет глядеть за горизонт. Больше никто этого не умеет.

Сими замолк так же внезапно, как заговорил.

— Слушай, парень, а ты чего не на войне, место воина на полях сражений?! — поинтересовался Роуз.

— Война захлебнулась, как раненый зверь в собственной крови,— процедил Сими сквозь зубы.— Туситала знал, что так будет. Туситала предупреждал Сими. Но Сими не послушал его.

Сими запрокинул голову и... Что это было? Песня воина? Причитания юноши, впервые увидевшего смерть? Рассказ человека о жестокой трагедии, свидетелем и участником которой он стал? Сими то кричал, то переходил на шепот; слезы мгновенно появлялись и так же быстро исчезали из его глаз; он стонал и плакал, крутился на месте, как юла, и затихал, будто зверь перед прыжком.

О чем кричал он? О чем плакал? О чем пел? О первом враге, которого убил в честном бою, отрезал голову, как и положено по обычаю, но, повинуясь непонятному чувству, поднял голову за волосы, посмотрел в глаза — и до сих пор снится ему по ночам затухающий взгляд убитого им человека. Сими знает, этот сон навсегда, до собственной смерти. Он пел о том, как младенец сосет грудь убитой матери и ни у кого не хватает жестокости убить эту едва зародившуюся жизнь. И о том, как он, воин Сими, снял скальп с убитого врага и понял, что это ребенок. И о том еще была его песня-крик, как белые сотрясатели небес согнали в хижину женщин их большой аинги * и подожгли ее... Никаким крикам не заглушить стоящий в ушах вопль женщин, когда вспыхивают их волосы. И о том еще была его песня, как хрустят черепа под копытами лошадей; и как кричит человек, когда с него, живого, снимают скальп, и как продолжает открываться его рот, когда голова уже вскрыта, будто кокосовый орех. И о том кричал Сими, как плачут перед смертью дети и молчат старики...

Он не выдержал собственных воспоминаний, голос захлебнулся, он только и произнес: «Туситала предупреждал, но я...» Слезы душили его, он упал на пол и закрыл голову руками. Единственное, чего стеснялся Сими — собственных слез.

Фэнни бросилась к нему, обняла:

— Ну что ты, мальчик, что ты? Это уже прошло, успокойся, миленький. Успокойся. Ты это уже пережил, что ты...

Суанатуфа медленно поднялся со своего места, подошел к Сими, встряхнул его, показал на свой шрам.

Сими испуганно сжался, Фэнни уже собралась защищать его, но Суанатуфа произнес:

— Суанатуфа знает, о чем рассказывал Сими. Суанатуфа простил Сими.

Единственный человек, на которого рассказ Сими не произвел впечатления, был мистер Роуз.

— Слушай, парень, а кто ж все-таки победил в этой войне? — спросил он.

— На войне не бывает победителей! — заорал Сими.

— Запомни, белый человек,— сказал Суанатуфа.— После войны остаются только убитые и раненые. Те, кто живые,— тоже раненые. Так говорит Суанатуфа. Но белый человек не поймет его.

— Такие, как ты! — Сими смотрел на Роуза, сжав зубы, и казалось, вот-вот бросится на него.— Такие, как ты, будут считать, что победил Лаупепе...

— А как же Матаафа? — только и выдохнул Туситала.

— Жив. Скрывается.

Мистер Роуз радостно потер руки.

— Короче говоря, если отбросить всякие сентиментальные штуки, все оказалось точно так, как я и предсказывал: Лаупепе стал владыкой, а мы — хозяевами. И теперь, слава богу, я могу покинуть этот сумасшедший дом с чистой совестью.

— Вот это вам вряд ли удастся,— улыбнулся со своего места Генри.— Кстати, предупреждаю: если мы когда-нибудь встретимся, любая тропин-

* Большесемейная община.

ка окажется для нас узкой, а стреляю я достаточно хорошо, чтобы попасть даже в такое маленькое сердце, как ваше.

— Уже и на вас подействовала эта психушка под названием Ваилима? А вы мне показались человеком рассудительным.— Мистер Роуз был совершенно серьезен.— Что ж, угрозы я запомню. Позвольте мне забрать свое оружие.

— Еще не всех напугали? — вопросом ответил Туситала.

Роуз вскочил со своего места и ткнулся в дверь. Толкнул ее, потянул на себя, снова толкнул — дверь не открывалась. Он дергал ее, бился — дверь оставалась неприступной. Все с удивлением наблюдали за этой странной дуэлью человека с дверью. Наконец Туситала подошел к двери и, легко толкнув, распахнул ее.

Роуз хотел что-то сказать на прощание, но не нашел слов. На лестнице раздались его быстрые шаги, и Ваилима навсегда избавилась от самого неприятного своего посетителя.

Где он ходит теперь?

...Когда Фаума и Суанатуфа остались вдвоем, Фаума спросила:

— А ты теперь опять будешь молчать? Ну и хорошо. Я уже привыкла.

— Суанатуфа жил плохо,— ответил Суанатуфа.— Ему не с кем было разговаривать. Туситала понял его. У Суанатуфы есть мечта: поговорить с Туситалой.

— А со мной? — Фаума ужасно испугалась своего женского вопроса.— Нет, если хочешь, молчи. Давай молчать вместе, Суанатуфа. Ведь самое главное и так понятно, правда?

Суанатуфа обнял Фауму, они поднялись и пошли в сад. На пороге их настигли звуки флейты. Туситала играл печальную мелодию, но, слушая ее, не хотелось грустить — хотелось думать о хорошем и светлом.

Пройдет много лет, а Суанатуфа и Фаума никогда не забудут эти минуты. И через десятки лет им будет казаться, что именно в эти безмолвные мгновения они сказали друг другу самые главные слова.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,
в которой Туситала уходит за Сильвером, но наша история не кончается

Фэнни без стука ворвалась в кабинет Туситалы.

— Что случилось? — испуганно спросил он.

Фэнни тяжело опустилась на диван...

Если бы выражение это не было столь затасканным, я бы непременно написал: «улыбка озарила ее лицо», ибо так оно в действительности и было.

— Все в порядке,— вздохнула Фэнни.— Предчувствия дурацкие... Почему-то решила, что тебе плохо. Прости, Луис, я помешала тебе работать.

Туситала встал из-за стола, обнял ее.

— Любовь, Фэнни! — Любовь, мой Сочинитель!

Отражаясь в глазах друг друга, они были, как всегда, молоды и, как всегда, влюблены. Дорога радости и страданий, по которой шли они рядом полтора десятка лет, казалась им дорогой обретения друг друга.

— Раз уж я все равно оторвала тебя, сыграй мне что-нибудь,— попросила Фэнни.— Ты так давно не играл для меня.

Туситала взял флейту. И все, кто был в это время в Ваилиме, оставили свои дела, вслушиваясь в легкие звуки. А Фэнни вдруг никак не могла объяснить причину этой тоски.

(Все-таки, что ни говори, жестоко устроена наша жизнь, если те, кто нас любит, всегда чувствуют приближающуюся беду раньше нас.)

И раздался голос Сильвера: «Сдается мне, твое время кончилось!», и Фэнни испуганно вскрикнула: «Кто это?», но Туситала еще ничего не слышал, и звуки флейты продолжали спокойно растекаться по воздуху.

— Сдается мне, твое время кончилось! — повторил Сильвер.

Туситала рухнул как подкошенный, но Фэнни успела подхватить его, она будто знала, что так должно случиться, и руки протянула за мгновение до того, как Туситала упал.

— Сдается мне, твое время кончилось,— повторил Сильвер в третий раз.

— Нет! — закричал Туситала. Фэнни услышала лишь жуткие хрипы.— Нет! Дай мне хотя бы год, ну, месяц, день — один день, что тебе стоит? День! За день, знаешь, сколько можно написать?

— Ты хоть понимаешь, с кем торгуешься? — небрежно спросил Сильвер...

Туситалу отнесли вниз и положили на широкий диван. Он лежал совершенно спокойно, и можно было подумать, что хозяин дома забылся крепким сном.

— Свет маяка! — крикнул Туситала.— Я вижу свет маяка, построенного отцом! Отец... Свет маяка зовет меня!

Страха уже не было. Существовало только одно желание: идти на свет.

Сильвер усмехнулся:

— А теперь ты слишком торопишься, создатель. Зачем? Туда, куда направляемся мы с тобой, не опаздывают. Создатель, один твой вопрос остался без ответа, не так ли? Помнишь, ты хотел знать, почему к тебе прихожу именно я.— Лицо Сильвера сделалось абсолютно серьезным, и он спокойно произнес: — Я — твое проклятье.— Помолчав, давая возможность Туситале вдуматься в смысл сказанного, он продолжил: — «Пятнадцать человек — на сундук мертвеца!» — вот самая знаменитая твоя фраза. Она переживет века.

— Но ее придумал не я! — возмутился Туситала.

— Это уже не важно, создатель. Запомни: сколько бы лет ни прошло, стоит кому-нибудь сказать: «Джон Сильвер!» — сразу рядом возникнет и твое имя. Имя певца приключений и интриг, певца пиратов...

— Я написал лишь один роман о пиратах, все остальное — совершенно о другом. Я никогда не был авантюрным писателем, я...

Но Сильвер не дал ему договорить:

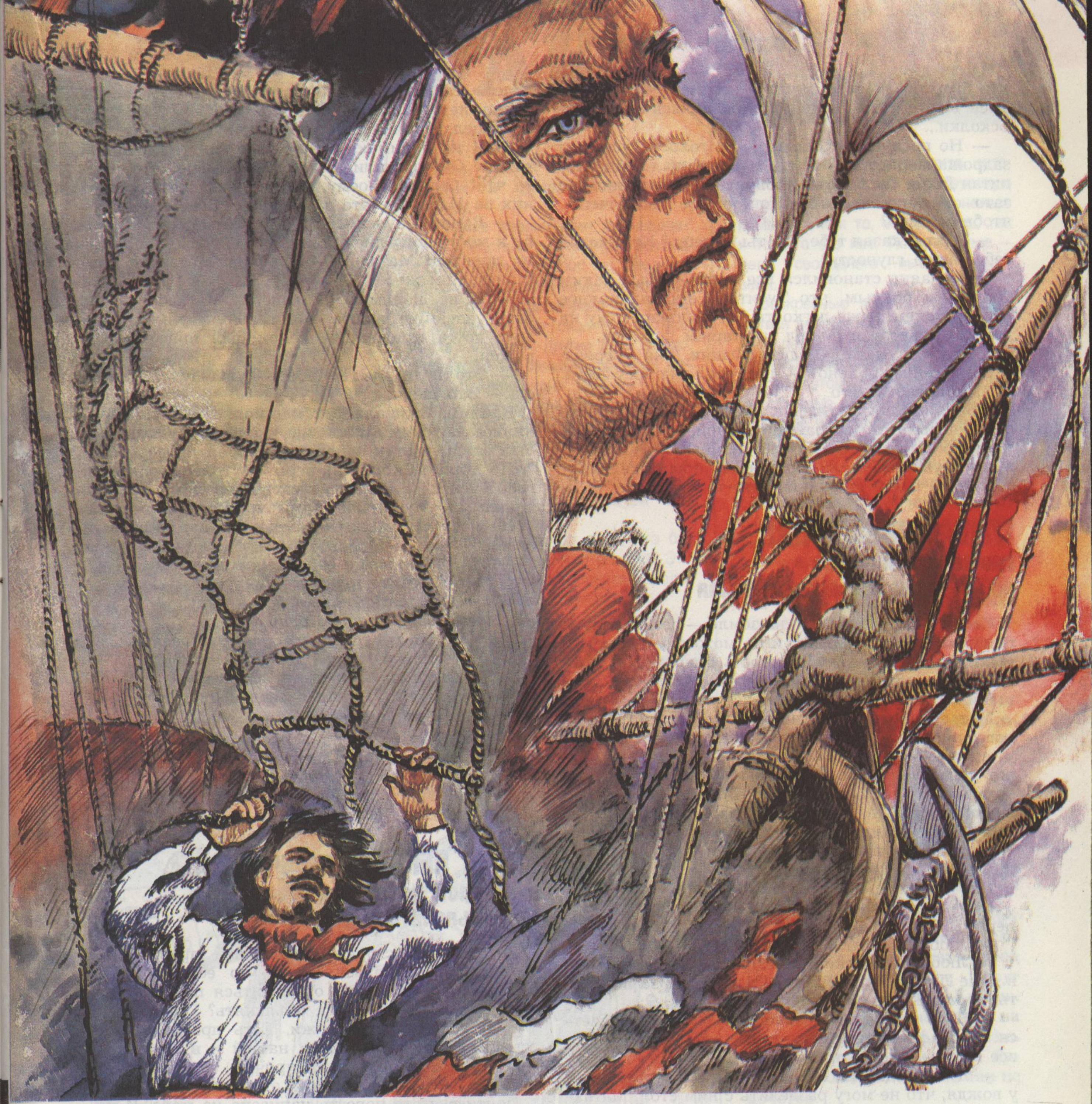
— Я! Не ты, а я стану расти в глазах потомков! Я буду становиться огромным и всесильным! Моя жизнь и вот этот костыль закроют все, что ты написал. Самого тебя закроет фигура одноногого пирата Джона Сильвера! — Сильвер захохотал.— Теперь ты понял, кто я такой, создатель? Я слава твоя и твое проклятье!

По щекам Туситалы катились слезы...

— Мама, он плачет,— прошептал Ллойд.— Сделай что-нибудь.

Суанатуфа рухнул на колени у постели Туситалы, опустил руки на плечи хозяина.

— Туситала, не уходи в царство духов! — В голове Суанатуфы была не просьба — мольба.— Ты не можешь так уйти. Суанатуфа долго молчал.

Суанатуфа не виноват перед Туситалой. Зачем же Туситала уходит, оставив Суанатуфу одного в безмолвии? Зачем?

Тишина была ему ответом. Такую тишину надо бы, но очень не хочется, называть мертвой.

Плечи Суанатуфы затряслись. Генри подошел к нему сзади, обнял, отвел от постели хозяина.

Фаума стояла у окна. Глаза ее были сухи — она знала: когда плачут мужчины, женщина должна оставаться стойкой.

— Это ты, одноногий моряк, виноват во всем,— прохрипел Туситала.— Это ты не позволил мне доработать, дописать, добраться до главного моего сокровища. «Уир Гермистон» погибнет из-за тебя!

— Мы квиты, создатель. Ты тоже не дал мне завладеть моими сокровищами.

— Это не по-мужски — сводить счеты,— застонал Туситала.— Какого черта я создал тебя таким?

Все слышали, как стонет Туситала, но никто не знал, как можно остановить уходящую от него жизнь. Были испробованы все микстуры, лекарства, снадобья — ничего не помогало.

Тогда Сими достал «бутылку сатаны» и взмолился:

— Бутылка, если ты на самом деле хоть на что-то способна, дьявольская бутылка, сделай так, чтобы Туситала не уходил в царство духов. Туситала побеждал духов! Туситала узнал правду! Кто же будет глядеть за горизонт, если он уйдет? Пусть духи подождут — Туситала должен остаться.

Странный дух внутри бутылки замер и никак не реагировал на слова Сими. Тогда Сими затряс бутылку изо всех сил. Он тряс ее с такой яростью,

что бутылка выскользнула у него из рук и, казалось, еще не долетев до пола, разбилась на мелкие осколки...

— Но послушай, Сильвер.— В голосе Туситалы задрожала радость.— Ведь я не убивал тебя. Капитан Джон Сильвер не добыл своих сокровищ, но зато он остался жить. Почему же ты хочешь, чтобы я умер?

— А кто сказал тебе, что ты умрешь? Кто сказал тебе такую глупость?

Свет маяка становился все ярче, он был таким теплым и родным, что Туситала ощутил полное спокойствие и даже легкость. Он положил руку на плечо Сильверу и пошел за старым пиратом.

Успел подумать: «Бедная Фэнни, она уверена, что мне сейчас больно»,— и вступил в полосу света. И свет поглотил его.

...Ваилима погрузилась в сон, и, казалось, вместе с ней затих этот бескрайний лесной, морской, земной мир. Птицы утром никак не могли проснуться, а проснувшись, пели хриплыми простуженными голосами, будто стесняясь чего-то.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
самая маленькая, но, возможно, самая главная

Самое печальное место на земле — дом накануне похорон. Потому что нет и не может быть ничего трагичнее, чем незавершенность смерти. Нет и не может быть ничего печальнее, чем ожидание прощания, после которого не будет встреч.

Матаафа сидел в гостиной Ваилимы, смотрел на погасшие угли камина и думал о том, что построить дом — это еще полдела. Зажечь в доме огонь — вот дело, достойное настоящего мужчины. И еще он думал о Туситале — о том, что великий человек велик не столько своими поступками, сколько самим своим присутствием. Стоит такому человеку уйти, и каждому кажется, что в нем самом стало чего-то недоставать.

Его мысли прервал приход Фэнни.

Матаафа вскочил, чтобы успеть поздороваться первым.

— Любовь, Аолеле!

— Любовь, великий вождь! Я узнала, что ты в доме Луиса, и пришла поблагодарить за все, что ты делаешь для него.

— Я? — удивился Матаафа.— Аолеле ошибается. Матаафа ничего не делает для Туситалы. Это все люди, Аолеле, просто люди.

— Я благодарна Матаафе. Прошу прощения у вождя, что не могу разделить с ним стол. Матаафа мудр, он поймет меня и не осудит.

Слегка поклонившись, Фэнни пошла наверх: в эти дни она часто приходила в кабинет мужа, сидела там недолго. Надолго пока еще не хватало сил...

Никто не видел, чтобы Фэнни плакала. Никто не слышал от нее слов печали. Но, едва взглянув на Фэнни, Матаафа понял: это женщина, потерявшая свой огонь. Матаафа знал: такой огонь обязательно должен гореть в каждом человеке, но в одиночку его не зажечь.

Раздумывая так, Матаафа снова сел у погасшего камина.

В гостиную вбежал Сими, упал на колени перед Матаафой и, задыхаясь, сказал:

— Сими видел... Там... Там... Воины Лаупепе!

Это тревожное сообщение не произвело на Матаафу ровно никакого впечатления. Он продолжал сидеть так же спокойно, и Сими подумал, что вождь не расслышал его слов.

Вошел Генри и с порога закричал:

— Я не понимаю, в чем дело, мистер великий вождь! Они пришли, эти люди. Их море! Это черт-те что! Они, по-моему, уже сами забыли, кто из них за Матаафу, кто за Лаупепе. В чем дело?

— Воины Лаупепе пришли рубить Дорогу Скорби к месту последней стоянки Туситалы,— спокойно произнес Матаафа.— И воины Матаафы пришли за тем же.

— Я не понимаю... Лаупепе, Матаафа — вы были злейшие враги, ваши воины уничтожали друг друга и вдруг...— Генри был явно обескуражен.

— Это люди, мистер Моор,— улыбнулся Матаафа.— Это люди.

Ваилима оживала. Дом и его окрестности наполнялись людскими голосами. И сквозь шум голосов был слышен стук топора.

По Дороге Скорби на вершину горы Раэа несли гроб Туситалы. И когда уставали воины Матаафы, воины Лаупепе сменяли их в этом скорбном пути.

На могилу положили камень. На камне выбили слова:

К широкому небу лицом ввечеру
Положите меня, и я умру.
Я радостно жил и легко умру,
И вам завещаю одно —
Написать на моей плите гробовой:
Моряк из морей вернулся домой,
Охотник с гор вернулся домой,
Он там, куда шел давно.

Никогда не раздастся выстрел на этой горе, никогда стрела, пущенная рукой умелого охотника, не взлетит здесь, никогда вооруженный воин не пройдет по Дороге Скорби. Навсегда запрещена здесь охота, и птицы могут спокойно петь на могиле Сочинителя Историй.

ГЛАВА ПЕРВАЯ (окончание),
в которой автор понимает, что объясняться уже поздно

Вот и вся история. Что в ней правда? Что вымысел? Признаться, автор, то есть я, хотел в конце повествования объясниться по этому поводу, но что, собственно, объяснять?

В этой повести нет лжи. Есть правда, и есть легенда. И разве в жизни нашей и в памяти не переплетаются они столь прочно, что нет силы, способной оторвать их друг от друга?..

Почти вся эта повесть написана на море. И когда что-то не получалось, я шел к морю, слушал шепоты его и крики. Самое неясное вдруг становилось очевидным, впрочем, это понятно — море знает о прошедших годах куда больше, чем мы.

А сейчас я сижу за своим письменным столом, и фонари, отраженные в Москве-реке, кажутся спичками, зажженными в воде. А над столом висит фотография Роберта Луиса Стивенсона — великого писателя. Он сидит перед старомодной чернильницей, склонившись над листом пока еще белой бумаги. А взгляд у него совершенно живой, вопрошающий взгляд.

Все умирает. Лишь взгляд человека остается жить, пока есть те, кто хочет взглянуть ему в глаза.

И это — тоже правда. И тоже — легенда.

Пицунда — Москва.

НОВОЕ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Утро в воскресной школе

Воскресные школы у нас пока в диковинку. И нашим читателям, наверное, было бы интересно узнать, чему там учат и кто там занимается. Поэтому сегодня мы предлагаем вам заметки юнкора Кати МАКСИМОВОЙ, побывавшей по нашему заданию в одной из воскресных школ.

В выходной день я приехала в церковную школу, расположенную неподалеку от Новодевичьего монастыря. Я ожидала увидеть робких, застегнутых на все пуговки девочек и мальчиков, жмущихся к стенкам, и безмолвных священников со строгими лицами. Ничего подобного. Коридоры школы сотрясались от беготни и шума. Кто-то даже дрался.

Поймав девочку лет одиннадцати, я представилась ей и уже хотела задать первый вопрос, но девочка, услышав название нашего журнала, прямо-таки отшатнулась от меня: «Пожалуйста, не пишите обо мне в этот журнал». Другие дети оказались тоже не самыми горячими нашими поклонниками. «Мы не пионеры»,— уверяли они, ловко ускользая из поля моего зрения.

Отец Михаил Дронов отнесся ко мне более снисходительно и согласился рассказать, что такое воскресная школа и зачем она нужна.

Одни люди верят в то, что бог есть, другие в то, что его нет. Это называют мировоззрением: религиозным или атеистическим.

Мировоззрение не связано с наукой. У науки нет инструмента, который мог бы измерить человеческую веру. Научными методами нельзя проверить как то, что бог есть, так и то, что его нет. Поэтому вера — дело свободного выбора человека.

Воскресные школы будут заниматься не образованием, а воспитанием детей. В правовом государстве все мировоззрения равны перед законом, поэтому давать знания должны обычные школы, а воспитывать в церкви или клубе атеистов.

К нам ходят дети и 4 лет, и 16. Есть четыре группы: две дошкольные и две школьные. Желающих посещать школу очень много. И хотя у нас большие сложности с помещением, мы принимаем всех.

В воскресенье утром дети приходят на богослужение, затем после чая беседуют со священниками. Кроме этого, они могут здесь изучать греческий, латинский, старославянский языки. Со специалистами занимаются декламацией, рисуют, поют в хоре.

Жаль, что разговора с самими ребятами у меня не получилось. Но я думаю, дети не стали бы добровольно ходить туда, где им плохо.

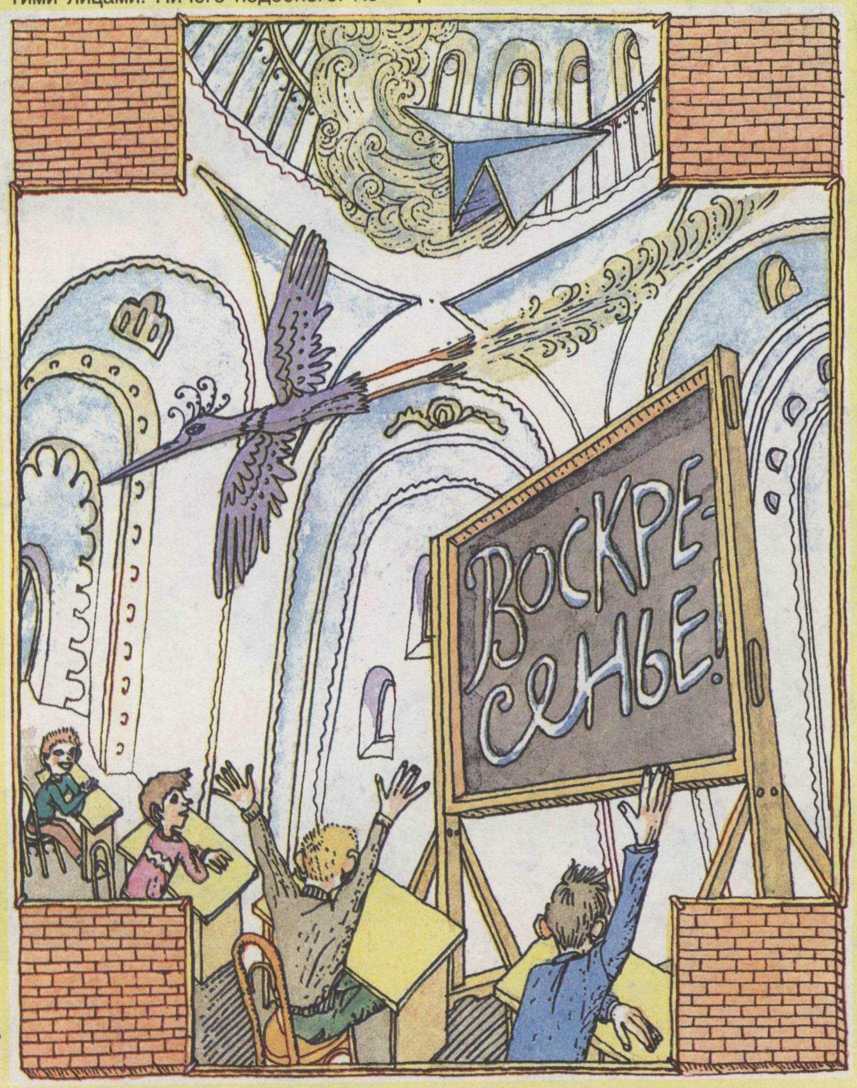

Рисунок А. БАЛДИНА.

ПРАВДА ЛИ, ЧТО...

...в 1991 году произойдет смещение всех участков земной поверхности и наш город Комсомольск-на-Амуре вдруг окажется на месте Крыма. И такое будет происходить на всей нашей планете. И жизнь прекратится. А нам тогда будет по 15 лет, и погибать так не хочется.

Твои читательницы
Т. Д., Ю. К., Л. Б.

Это письмо наш юнкор Катя РЫБАС показала своей **учительнице географии и директору московской школы № 52 Любови Мироновне ПЛАХОВОЙ.**

— Из курса географии вы должны знать, что такое невозможно. Комсомольск-на-Амуре находится в сейсмичной зоне. Но смещение земной поверхности здесь исключено. И ожидать, что ваш город окажется в Крыму, нелепо. Ваши страхи необоснованны, ребята.

СТОП-КАДР «КЛИП-КЛУБА»

ДЖОНУ ЛЕННОНУ
9 ОКТЯБРЯ исполнилось бы 50 ЛЕТ...

Нет-нет да и мелькнут на телеэкране четыре знакомых молодых лица. Нет-нет да и зазвучит по радио песня. Одна из прекрасных и родных. С которой связано в жизни и в воспоминаниях много-много всего. И радостного, и грустного.

И тогда приходит праздник. Не ко всем, конечно.

Но вот что интересно: эту группу любят и поклонники классики, и фанаты самых крайних течений рок-музыки.

Почему так? Да потому, что это "The Beatles". Это возникло для того, чтобы остаться.

Но как же давно появились битлы! В начале 60-х. Ваши папы и мамы тогда еще возились в песочницах и играли в «дочки-матери». Им совершенно не было дела до далекой Англии, где четверо ребят начинали играть в барах удивительные песни, которые через несколько лет покорили мир.

А когда группа распалась — навсегда,— ваши родители-школьники только еще узнавали о битлах. Тогда в стране появились первые бытовые магнитофоны, и великие песни, нередко искаженные многочисленными переписываниями, шли из окна в окно, из квартиры в квартиру, из дома в дом, из города в город. И оставались в сердцах.

Как давно это было! Четверо, точнее, трое, которые раньше назывались «Битлзы», теперь люди немолодые. Грустно это и несправедливо. Как хотелось бы, чтобы гении не старели. И не умирали. Но...

Десять лет нет с нами Джона Леннона. Десять лет назад пуля убийцы лишила битлов надежды когда-нибудь вновь собраться и выступить вместе, записать новый альбом...

А чего лишились мы?

Да что об этом говорить!

Давайте же отметим пятидесятилетие Джона Леннона. Давайте в день 9 октября вспомним этого человека, его голос, его песни, всмотримся в его глаза и...

ВЛАД

Words and Music by John LENNON
and Paul McCARTNEY

HEY JUDE

Hey Jude, don't make it bad,
Take a sad song and make it better.
Remember to let her into your heart,
Then you can start to make it better.

Hey Jude, don't be afraid,
You were made to go out and get her.
The minute you let her under your skin,
Then you begin to make it better.

And any time you feel the pain,
Hey Jude, refrain,
Don' carry the world upon your shoulder.
For now you know that it's a fool
Who plays it cool
By making his world a little colder.
Da da da da da da da da da da

Hey Jude, don't let me down,
You have found her, now go and get her.
Remember to let her into your heart,
Then you can start to make it better.

So let it out and let it in,
Hey Jude, begin,
You're waiting for someone to perform with.
And don't you know that it's just you,
Hey Jude, you'll do.
The movement you need is on your shoulder.
Da da da da da da da da da da

«ПИОНЕР»СКОЕ **ФАКТ** АГЕНТСТВО

ХОЧУ ПОНЯТЬ

А что же врачи, наука?

Наши портфели очень тяжелые, весят более пяти килограммов. Неужели те врачи, которые так хотят, чтобы дети росли здоровыми, не задумываются, какие тяжести мы таскаем в школу?

Света Джиоева, 7-й класс, г. Рустави.

Я вспоминаю себя классе в третьем: какое было счастье, если приходилось нести в школу меньше шести книг! Смотрю, как малыши плетутся, перекошенные под тяжестью сумок.

— Девочка, сумка у тебя удобная?

— Не-е, удобней, если ранец.

— А что не купишь?

— Ты что, меня ж засмеют.

Тогда я отправилась в магазин. Ранцы там были, но такие... Вот какой-то серо-буро-зеленый, и оса нарисована. Только детей пугать.

— А бывают рюкзачки? — спрашиваю у продавца.

— Редко, разбирают быстро.

А что же думают врачи? Говорит **старший научный сотрудник Института гигиены детей и подростков Петр Иванович ХРОМЦОВ:**

— Вес учебников вместе с тетрадями, портфелем не должен превышать 2— 2,5 килограмма для школьников 10—11 лет, 3 — 3,5 килограмма для школьников 12—13 лет и 4—4,5 килограмма для школьников 14—16 лет, и то если их носят не более чем на 3 километра.

— А если эти нормы не соблюдать?

— У детей нарушаются все физиологические функции: работа сердца, легких, возникают искривления позвоночника.

— И что же делать?

— Брать меньше учебников. Но если уж приходится нести все, то в ранце на спине, а не в руке.

Круг замкнулся. Учебники надо носить в ранце, а ранцы такие уродливые, что ни один нормальный школьник надеть его не согласится.

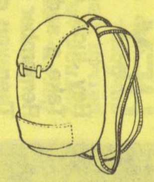
Товарищи взрослые! Есть два выхода, которые предлагают сами школьники. Первый: школьные учебники заменить тонкими брошюрами — на одну четверть. Второй: больше выпускать рюкзачков.

Света Князева, 10-й класс, г. Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ:

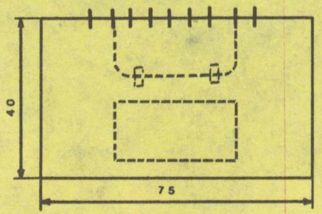
Выпускать учебники брошюрами не в наших силах, хотя идея, на взгляд агентства, разумная.

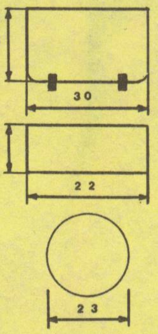
А вот выкройку рюкзачка даем. Не надейтесь на наши фабрики, шейте себе модные рюкзаки сами.

2 ремня длиной 65 см и шириной 6 см, в готовом виде 3 см.

10 шлевок длиной 4 см и шириной 2 см, в готовом виде 1 см.

РЮКЗАЧОК — 1 м плотной ткани, шнур 1 м 20 см, лента-«липучка» 10 см.

Порядок работы. 1. Выкроить детали, припуск на швы 1 см. **2.** Сложить детали клапана лицевыми сторонами, прострочить по пунктиру, вывернуть. **3.** Пришить к основной детали (ОД) карман, пристрочить к центру — получилось 2 отделения. **4.** ОД сложить в кольцо, стачать шов. **5.** Пристрочить дно. **6.** Пристрочить клапан (середина клапана совпадает со швом ОД). **7.** 10 шлевок равномерно пришить к верхнему краю рюкзака. **8.** «Липучку» разрезать пополам, верхнюю часть пришить к клапану, нижнюю — к ОД. **9.** Шнур, разрезав пополам, продеть в шлевки, на концах завязать узлы. **10.** Пришить плечевые ремни.

Рисунок А. БАЛДИНА.

Выпуск подготовил А. МУХАНОВ.

ПОЧТИ ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК СОЗДАВАЛИСЬ «ИЛИАДА» И «ОДИССЕЯ»

Сегодняшнее занятие в нашей «АУДИТОРИИ» ведет Виктор Ноевич ЯРХО, доктор филологических наук.

I. А был ли Гомер?

Наверное, все знают или слышали, что древние греки подарили миру две грандиозные поэмы — «Илиаду» и «Одиссею». В первой речь о том, как на десятом году Троянской войны повздорили два главных героя «Илиады» — предводитель всего греческого войска микенский царь Агамемнон и самый храбрый из греческих богатырей, Ахилл, и что из этого вышло. В «Одиссее» рассказывается о скитаниях, испытаниях и приключениях, которые после войны выпали на долю еще одного персонажа «Илиады» — Одиссея, царя острова Итаки.

Все, наверное, также знают и то, что обе поэмы дошли до нас под именем Гомера. В существовании этого сказителя были уверены его почитатели и в древности, и в средние века, и в новое время, пока лет двести тому назад один немецкий профессор не поставил личность Гомера под сомнение. Людям наступающего XIX века казалось совершенно невероятным, чтобы один человек был в состоянии при создании поэм запомнить подряд многие тысячи стихов (в «Илиаде» их 15 693, в «Одиссее» — 12 083), а затем, не сбиваясь, декламировать их в сопровождении струнного инструмента каждый раз перед новой аудиторией.

Так возник «гомеровский вопрос» о происхождении «Илиады» и «Одиссеи», и, чтобы в наше время прочитать все, написанное по этому поводу, едва ли хватит человеческой жизни.

Ясно, что на этих страницах нет возможности входить во все его подробности. Мы коснемся только двух проблем — правда, достаточно важных для понимания гомеровского наследия. **Первая — как возникли героические предания, послужившие его основой? Вторая — когда и как эти предания оформились в художественные произведения: «Илиаду» и «Одиссею»?**

II. Находки Шлимана

Древние греки свято верили в то, что Троянская война была, и в то, что существовали все ее участники. В конце XVIII — первой половине XIX века их вера стала казаться совершенно наивной. Как раз в это время в Европе начал пробуждаться живой интерес к народному творчеству. Немецкий поэт Г. И. Гердер издал в 1778—1779 годах сборник народных песен, в который собрал образцы устной поэзии чуть ли не всего мира. В Шотландии Дж. Макферсон в 1765 году выпустил собрание поэм якобы открытого им шотландского поэта Оссиана. На самом деле легендарному Оссиану, жившему в третьем веке нашей эры, были приписаны поэмы самого Макферсона, использовавшего некоторые сюжеты и имена героев кельтского эпоса. И если подозрение в подлинности изданных Макферсоном поэм возникло уже при его жизни, то гораздо больше повезло французу Проспер Мериме: его подделку иллирийских народных песен (1827) не смог разгадать даже гениальный Пушкин, который перевел несколько из них в своих «Песнях западных славян». У нас в России в самом начале XIX века вышло два издания сборника подлинных былин, известного под именем записавшего их Кирши Данилова.

Словом, вся культурная обстановка в Германии и в Англии, во Франции и в России побуждала к тому, чтобы и в гомеровских поэмах было заподозрено творчество многих безымянных поэтов. Тем самым, естественно, Троянская война отвергалась и казалась таким же достоянием народных сказаний, как наша былина о битве Ильи Муромца с Идолищем поганым.

Были, впрочем, люди, которые не хотели расстаться ни с верой в гомеровских героев, ни с надеждой отыскать ту Трою, где многие из героев сложили головы. Наибольшая удача выпала здесь на долю немецкого коммерсанта Генриха Шлимана (1822—1900), он получил в детстве классическое образование и знал «Илиаду» до мельчайших подробностей. Заручившись разрешением турецкого правительства, Шлиман в 1871 году начал раскопки холма Гиссарлык на берегу пролива Дарданеллы (древний Геллеспонт), под которым, согласно описанию Гомера, должны были находиться остатки гомеровской Трои. Будучи уверен, что эти развалины помещаются в самом нижнем слое земли, накопившейся за многие столетия, Шлиман усиленно рвался в глубь холма и на третьем году раскопок обнаружил там множество колец, ожерелий, серег, кубков из золота и серебра, а также золотые слитки.

У Шлимана была очень красивая жена — гречанка, и когда он вытащил из-под скалы вещи, надел ей на шею удивительное ожерелье, то посмотрел и сказал: «Елена Прекрасная».

Все эти находки, по-видимому, вполне оправдывали гомеровское определение Трои как «обильной золотом». Сам Шлиман в воодушевлении счел найденные вещи сокровищами троянского царя Приама, закопанными глубоко в землю, как раз тогда, когда городу стала угрожать непосредственная опасность.

Впоследствии, правда, выяснилось, что Шлиман ошибся примерно на тысячу лет: на месте, где стояла Троя, было раскопано девять поселений, сменявших друг друга с конца IV — начала III тысячелетия и до эпохи эллинизма (III века до нашей эры). Тот

археологический слой, до которого добрался Шлиман, датируется примерно 2200 годом до нашей эры, а так называемой гомеровской Трое соответствовал слой, относившийся к рубежу XIII—XII веков до нашей эры и вовсе не богатый сокровищами.

Троянские находки вдохновили Шлимана на раскопки упомянутых у Гомера центров на территории самой Греции — в первую очередь «златообильных Микен», столицы царя Агамемнона. У Шлимана была легкая рука и верящее сердце, потому и здесь результаты оправдали исследования, впоследствии распространившиеся на всю Южную Грецию (Пелопоннес), остров Крит. И привели к открытию многовекового пласта древнегреческой культуры (XVI—XII веков до н. э.), получившей название **крито-микенской.** В ее рамках и получает свое место истолкование Троянской войны.

III. Сражения на Троянской равнине

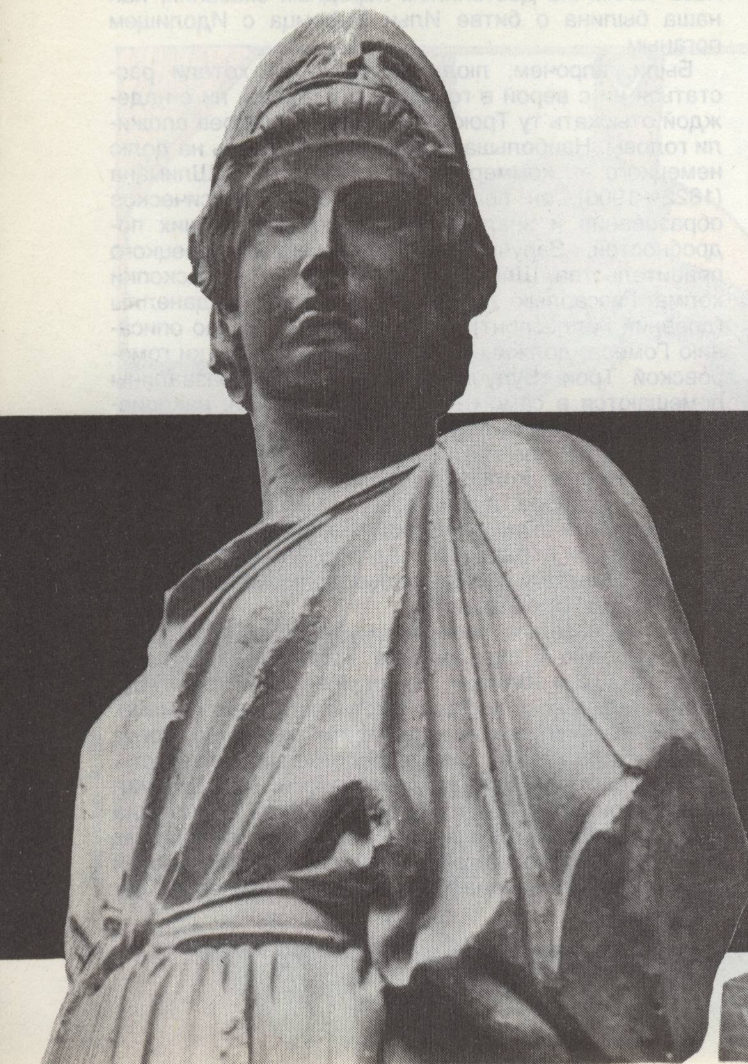
Пелопоннеские вожди стремились расширить свое могущество за пределы Греции и обеспечить себе господство над проливами, ведущими из Эгейского моря в Черное, и на этом пути они должны были неминуемо встретиться с сопротивлением троянцев. Никто не может поручиться сейчас, что их столкновение вылилось в огромную десятилетнюю войну. Набегов на троянское побережье могло быть и больше, и каждый из них мог быть не столь продолжительным. В древности, в частности, существовала версия, что греки впервые высадились не под Троей, а южнее, потерпели поражение от местного населения и вернулись восвояси. Только потом, через десять лет, собравшись с силами, они пошли новой войной. То, что сейчас известно как Троянская война, могло быть сравнительно небольшой военной экспедицией, которая по законам эпического творчества превратилась в сознании потомков в грандиозное общегреческое предприятие. Так произошло, к примеру, в средние века с походом князя Игоря против половцев («Слово о полку Игореве») или с незначительной стычкой королевского арьергарда с сарацинами (героическая «Песнь о Роланде»). В Греции же обстоятельства сложились следующим образом.

Микенские царства, как это ясно теперь из многолетних раскопок, пришли в упадок к концу XII века до нашей эры. Стало быть, греки классической эпохи не очень ошибались, когда относили Троянскую войну к началу того же столетия (1194—1184). Казалось естественным, что именно она подорвала могущество этих государств. Как бы то ни было, население многих областей Пелопоннеса под напором других племен стало переселяться на острова в Эгейском море, недалеко от проливов, и на самое побережье Малой Азии. Сюда они перенесли воспоминания о своем прошлом, и чем дальше, тем больше воспоминания обрастали новыми эпизодами и новыми героями, пока не сложились в общенародный эпос.

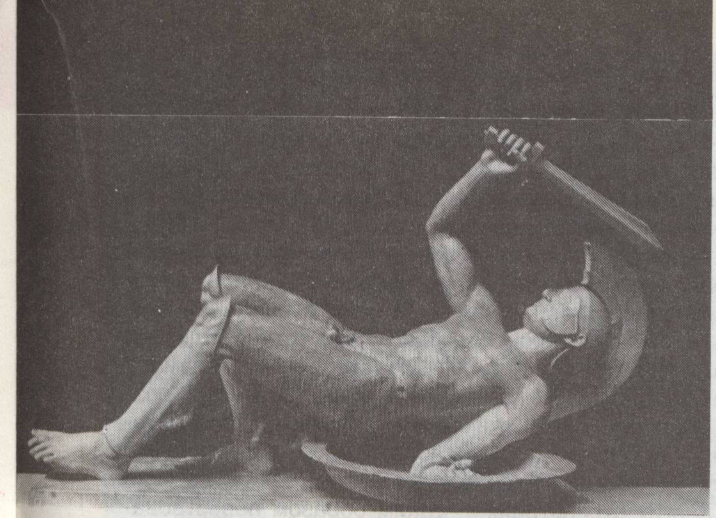
IV. «Златая, с перстами пурпурными...»

Теперь нам станет понятно, почему в обеих поэмах, и особенно в «Илиаде», так много художественных средств, которыми отличается всякое героическое сказание. Вместе взятые, эти фольклорные приемы составляют **эпический стиль гомеровских поэм.**

Первое, что нам бросается в глаза (даже при самом поверхностном их чтении),— **это постоянные, или «украшающие» эпитеты.** Все вожди — «божественные», «вскормленные богами», но среди них Агамемнон всегда характеризуется как «пастырь народов», «владыка мужей». При этом употребление

постоянного эпитета-сравнения не зависит от обстановки, в которой выступает герой: Ахилл назван «быстроногим» и тогда, когда он остается в своем шатре или выступает в народном собрании.

Такой же признак эпического стиля — повторение отдельных стихов, речей, эпизодов. Одними и теми же словами всегда передается наступление дня («Встала из мрака златая, с перстами пурпурными Эос» — утренняя заря), гибель сраженного воина («С шумом на землю он пал, и взгремели на падшем доспехи»), обращение к кому-нибудь с речью («Быстрые речи крылатые он устремил к Ахиллесу» — или к Одиссею, или к Диомеду). Одними и теми же словами описываются одинаковые сцены: когда грек Патрокл, друг Ахилла, и троянец Парис, похититель Елены, снаряжаются в бой, они действуют совершенно одинаково: сперва надевают поножи, потом латы, поверх них — меч на ремне, на голову — шлем, потом берут в руки щит и копье.

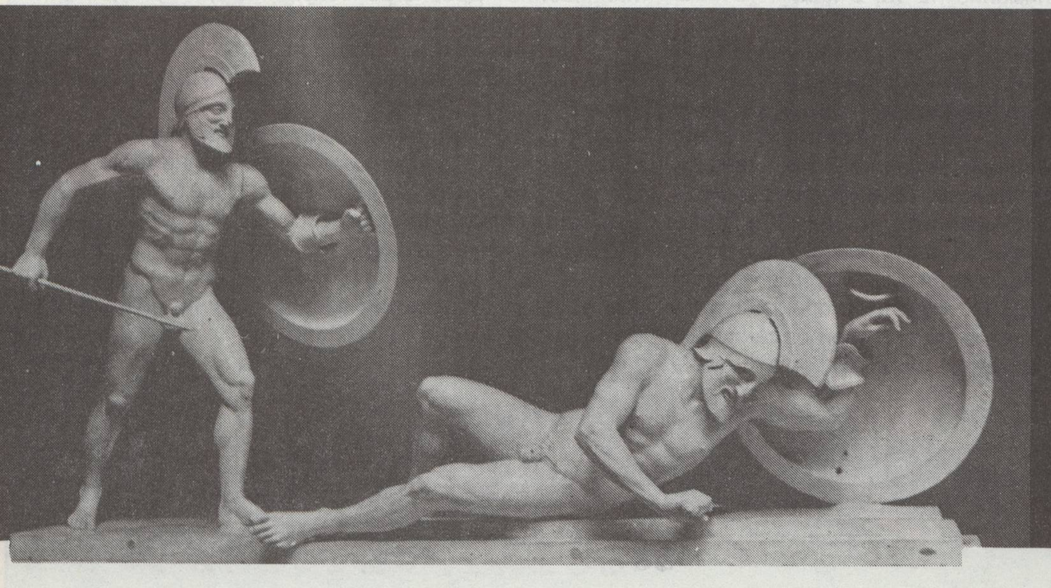
Для чего служат эти повторения, легко понять: те, кто слушал сказителя, не могли, как это делаем мы сейчас, перелистать назад несколько десятков страниц, чтобы вспомнить, о чем речь шла раньше. Дело поэта было воспроизвести заново обстановку, в которой впервые были произнесены нужные теперь опять слова.

Другой примечательный признак эпического стиля — сравнения. Мы знаем их и в русской поэзии. «Сладку речь-то говорит, будто реченька журчит» (о Царевне Лебедь у Пушкина). «Повалился он на холодный снег, на холодный снег, будто сосенка, будто сосенка во сыром бору под смолистый под корень подрубленная» (о смерти опричника Кирибеевича у Лермонтова). Сопоставляя эти два примера, мы видим: в первом дается только оценка приятной речи, во втором воссоздается целое действие, и притом с нарастанием подробностей: Кирибеевич падает не просто как упавшее дерево, но еще и подрубленное под корень, и к тому же в лежащий вокруг снег.

Гомеровские сравнения чаще принадлежат ко второму типу. Когда греческие вожди строят войско, которое затем мчится в бой, то эта «информация по существу» умещается в шести стихах. Но к ним добавляется вдвое больше стихов за счет вереницы сравнений: доспехи воинов сияют, как лес, вспыхнувший огнем от удара молнии; бег ратников от кораблей напоминает поэту шумный перелет стаи птиц, их множество — несметные листья на деревьях, или обилие цветов на лугу, или рой мух, окружающих пастухов при доении скота. Или вот отрывок о битве за тело Патрокла.

Так усердно они уносили Патрокла из боя
К стану судов мореходных; но бой возрастал по следам их,
Бурный, подобно как огнь, устремленный на град человеков;
Вспыхнувши вдруг, пожирает он все; рассыпаются зданья
В страшном пожаре, который шумит, раздуваемый ветром,—
Так и коней колесничных, и воинов меднодоспешных
Бранный, неистовый шум по следам удалявшихся несся.
Те ж, как яремные мески, одетые крепкою силой,
Тянут с высокой горы, по дороге жестокобугристой
Брус корабельный иль мачту огромную; рьяные, вместе
Страждут они от труда и от пота, вперед поспешая,
С рвеньем таким аргивяне Патрокла несли. Позади их
Бой отражали Аяксы, как холм — разъяренные воды,
Лесом поросший, чрез целое поле протяжно лежащий;
Он и могучие реки, с свирепостью волн их встречая,
Держит и, весь их напор отражая, в долины другие
Гонит; его же не в силах могучие реки расторгнуть,—
Так непрестанно Аяксы, держась позади, отражали
Битву троян; но враги наступали, и два наипаче,
Мощный Эней Анхизид и шлемом сверкающий Гектор.
И как туча скворцов или галок испуганных мчится
С криками ужаса, если увидят сходящего сверху
Ястреба, страшную смерть наносящего мелким пернатым,—
Так пред Энеем и Гектором юноши рати ахейской
С воплем ужасным бежали, забывши воинскую доблесть.

(Отрывок из «Илиады» Гомера в переводе Н. Гнедича.)

Фотографии
А. КРУПНИКОВА.

Отметим еще один прием эпического повествования — любовь к подробностям. Если в поле зрения поэта попадает какой-нибудь предмет, то обязательно надо сказать, откуда он взялся и как попал в руки героя. Так, Агамемнон, обращаясь к войску, берет свой скипетр, символ его власти. Современный читатель ждет, что же скажет сейчас верховный вождь греков? А современник Гомера хотел сначала узнать все об этом скипетре, и поэт удовлетворяет его желание. Вещь была сделана богом-кузнецом Гефестом для Зевса, тот передал его Гермесу, Гермес — деду Агамемнона, и в конце концов скипетр перешел к нему самому. В другой раз Патрокл собирается в бой, и Ахилл отдает ему свои доспехи, чтобы устрашить этим троянцев, которые примут Патрокла за Ахилла и обратятся в бегство. Как снаряжаются герои, мы уже знаем: поножи, латы, щит и т. д. Наконец, дело доходит до копья Ахилла, столь тяжелого, что Патроклу его не поднять.

Тем не менее и здесь Гомер не упускает случая упомянуть, что копье это из горного ясеня сделал для отца Ахилла кентавр Хирон. Но самый, может быть, яркий пример такой любви к подробностям — описание шрама на колене Одиссея, по которому его могла узнать старая няня Евриклея. Опять же современный читатель с нетерпением ждет развития события. А эпический поэт неторопливо излагает, как кабан ранил Одиссея, как залечили рану и как юноша вернулся домой.

V. Кто все это придумал? Кто?

Теперь спросим себя: мог ли один поэт придумать все эти приемы? Конечно, не мог. Конечно, все они являются достоянием безымянного устного предания, передающегося от поколения к поколению, из века в век. В этом смысле были правы древние греки, когда представляли себе Гомера слепым певцом, удерживающим в памяти «ходы» — приемы фольклорного сказания.

Вместе с тем ясно и другое. Первым же стихом «Илиады» автор называет свою тему: «ГНЕВ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына». Однако о самом гневе рассказывается не так уж много, а три четверти поэмы посвящены подвигам других героев.

Теперь обратим внимание на то, с каким точным расчетом построены обе поэмы.

Из десятилетней войны за Трою автор «Илиады» выбирает 50 дней из последнего года, да и то подробного описания удостаиваются только 8 дней. К ним в начале поэмы присоединяется 21 день, составляющий завязку произведения: 9 дней свирепствует мор в греческом войске, 12 дней Фетида, мать Ахилла, ждет, пока боги вернутся на Олимп из далекого края эфиопов. Также 21 день уходит на развязку: на 12-й день после гибели Гектора его старый отец Приам отправляется к Ахиллу, чтобы выкупить тело сына, а потом троянцы еще 9 дней оплакивают своего погибшего защитника. Заметим, что первые 9 + 12 дней занимают немногим более 600 стихов, а последние 12 + 9 дней чуть больше 800. Вот она, симметричная рама, внутрь которой помещается основное повествование.

«Одиссея» построена иначе и в известном смысле более изощренно. Все ее действие укладывается в 40 дней, причем сначала в центре внимания поэта — события, происходящие в отсутствие Одиссея на острове Итака, и попытка его сына Телемаха разузнать что-нибудь о судьбе отца. (Эта часть поэмы занимает 2200 стихов с небольшим.) Только теперь автор приводит своего героя на чудесный остров феаков и вкладывает в его уста рассказ о долгих странствиях — таким образом повествование удаляется на десять лет в прошлое, к моменту отплытия Одиссея из-под Трои, и постепенно приближается к настоящему (объем этой части — около 4 тысяч стихов). Наконец, вся вторая половина поэмы (около 6 тысяч стихов) посвящена возвращению Одиссея на родину, расправе с женихами, осаждающими его жену Пенелопу, и установлению на Итаке мира и спокойствия. Из приведенных выше чисел видно, что три основные части по своему объему относятся друг к другу, как 1:2:3.

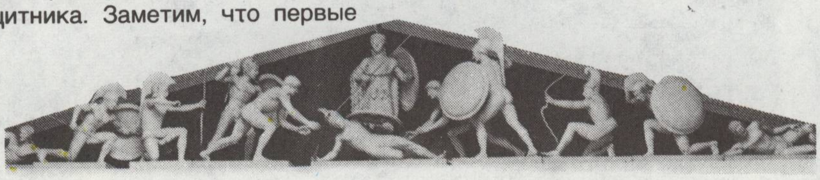
И вот после того, что мы знаем теперь, хоть и в самой краткой форме, о композициях обеих поэм, трудно себе представить их автора (или двух авторов — есть и такая точка зрения) слепым певцом, который извлекал бы из своей памяти отдельные эпизоды и нанизывал их один за другим. Будто барон Мюнхгаузен — застреленных им уток, не заботясь об их последовательности, сравнительном объеме, количественном взаимоотношении.

Между XII веком до нашей эры, к которому относится борьба греков с жителями Малой Азии за проливы, до VIII века, каким датируется оформление «Илиады» и «Одиссеи», лежит свыше четырех столетий. За это время по-новому стали осмысляться события прошлого, уходящего в даль времен. За это время в устах народа отрабатывались и совершенствовались поэтические приемы героического сказания, и потребовалась подлинная художественная индивидуальность великого поэта, чтобы сплавить воедино «преданья старины глубокой» и средства эпического повествования, подчинить их единому плану, когда ничего нельзя ни прибавить, ни убавить. Возникновение древнегреческого эпоса уводит нас в глубь микенских времен. Оформление «Илиады» и «Одиссеи» относится к первому из тех веков, которые открывают великую эпоху культуры классической Эллады.

А что было после Гомера? Им восхищались и не восхищались, его принимали и не принимали — все было. Но имя это — ГОМЕР — останется вечно живым деревом в бессмертном саду мировой истории, культуры и литературы.

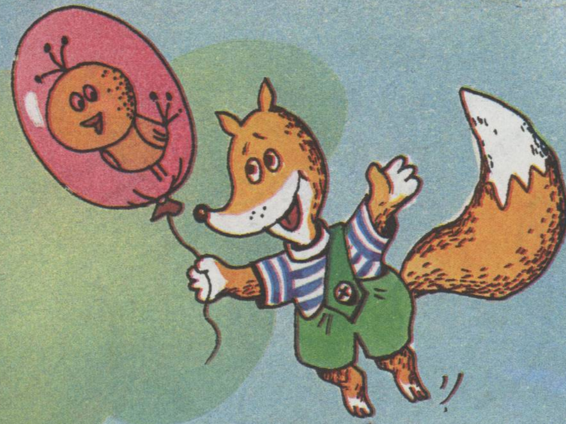
Гонорар за эту статью прошу перечислить в Детский фонд имени В. И. Ленина.

Автор.

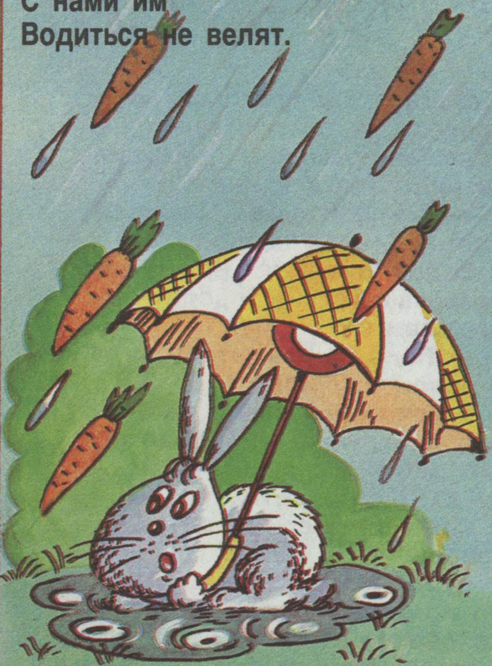
Гиви ЧИЧИНАДЗЕ

Лисенок

Я, лисенок,
Бегаю пока
По площадке
Для молодняка.
Кувыркаюсь,
Прыгаю с друзьями,
А под вечер
Отправляюсь
К маме.
Жалко, на площадке
Нет цыплят.
С нами им
Водиться не велят.

Зайчонок

Дождь
Меня в саду застиг.
Кто здесь зонтик даст зайчонку?
Я горох искал
И вмиг
Промочил свою шубчонку.

Кап, кап...
Апчхи!
На клочке сухой земли
Под кустом сижу неловко.
Солнышко,
Скорей пришли
Лучик яркий, как морковка!

Кап, кап...
Апчхи!

Перевел с грузинского
В. ПРИХОДЬКО.

Рисунки
Э. ДЕСЯТНИК.

Владимир КОЖЕМЯКИН

Летчик

Купила мама мне ковер,
И я на нем играю,
Чиню у катера мотор,
Машинки разбираю.

Но стал я с некоторых пор
Случайно замечать,
Что это не простой ковер,
Что может он летать.

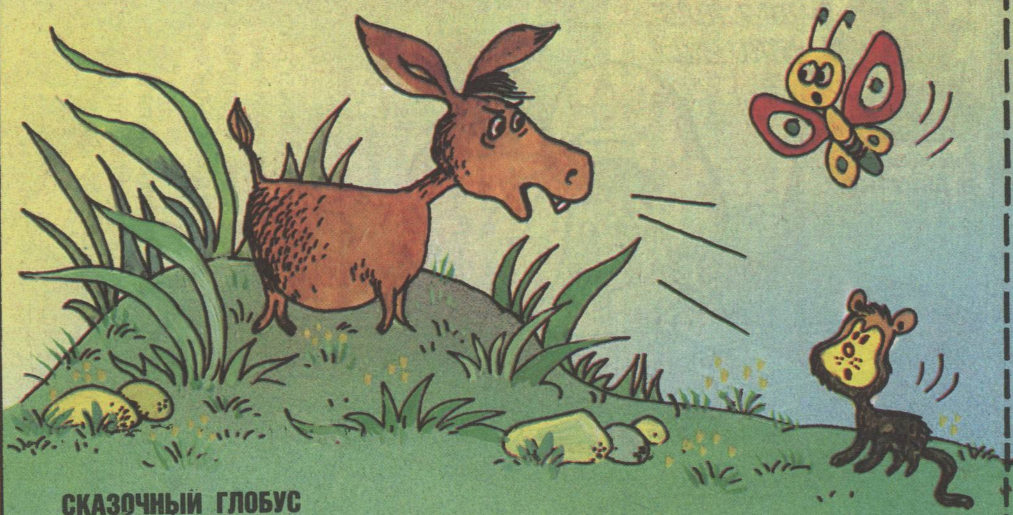
Сижу тихонько,
Как всегда,
Отверткой винт кручу
И вдруг смотрю —
Вот это да! —
Над Африкой лечу.

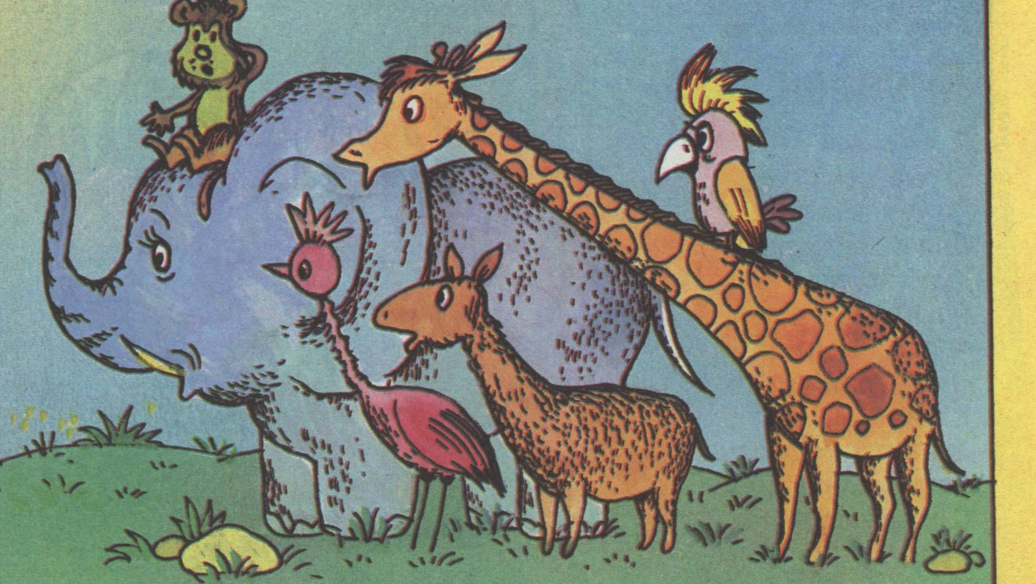
Внизу
На теплом берегу
Мой друг Андрей резвится,
Но я и крикнуть не могу,
Не то что приземлиться.

В Сахаре страшная жара.
Гляжу я —
Вот так чудо:
Аркашка с нашего двора
В песках ведет верблюда!..

И так летаю
Целый час,
Как мастер спорта,
Летчик-ас,
Пока не встречу маму.

Мне мама скажет:
— Эй, малыш,
Ты снова на ковре лежишь?
Проснись,
Надень пижаму
И отправляйся спать
В кровать —
На ней удобнее летать!

Неблагодарный осел

КУБИНСКАЯ СКАЗКА

Случился однажды у диких зверей великий голод. Во всей окрестности ничего съестного не осталось. Тогда слон решил пойти по белу свету, поискать, где сытно живется, и вместе с ним много других зверей отправилось.

Только отошли немного, встречают осла. Осел спрашивает:

— Куда это вы идете?

Слон отвечает:

— Искать, где сытно живется.

Не хотел слон брать с собой осла. Но, когда двинулись они дальше, осел поплелся следом. Дошли они до какой-то ограды. Все перескочили через нее, а осел не сумел, да так и повис на частоколе.

Слон говорит:

— Негоже оставлять осла в беде.

Вернулись к ограде осла выручать, а он говорит:

— Чего пришли? Да мне просто захотелось тут покачаться.

Подивились звери такой неблагодарности, но все же сняли осла с ограды. И снова пустились в путь, а осел за ними.

Пришли они в саванну. Слон говорит:

— Здесь мы заночуем.

Среди ночи все снялись с места, и слон повел их на маисовое поле. А лентяй осел в это время спал. Звери поели маиса, потом вернулись на прежнее место и улеглись рядом с ослом. Лежат и жвачку жуют. Осел проснулся и спрашивает:

— Что это вы жуете?

Слон, озлясь, как крикнет в ответ:

— Камни!

Осел говорит:

— Ладно. Камни так камни, я тоже буду их есть.

И начал грызть камни, но прожевать не смог и сказал:

— Не идет мне этот корм, зубы ломаются.

Так голодный и лег.

На другую ночь звери снова отправились на маисовое поле, и осел за ними увязался. Пришли звери, наелись и вернулись на старое место, в саванну, где прежнюю ночь провели. А осел остался на поле. На рассвете приходит хозяин поля и кричит:

— Ага, попался! — и давай колотить осла палкой.

Видит слон, что осел не возвращается, и говорит товарищам:

— Пойдем посмотрим, что с ослом случилось.

Хозяин поля все еще колотил осла, но, как услышал топот целого полчища четвероногих, пустился наутек.

Подошли звери к ослу, а он говорит:

— Ну, зачем пришли? Только помешали этому доброму человеку выбить из меня пыль — один-то бок он выбил, а вот другой не успел.

УЗЕЛ СВЯЗИ

ЛЮБИМАЯ ВЕЩЬ

Рисунок К. БАТАШЁВОЙ.

У вас есть любимая вещь?

— Конечно же! — закричат девчонки.— Импортные кофточки, джинсы, клипсы из кооперативного ларька, пуловер — мама связала по модели из «Бурды»!

— Естественно,— буркнут пацаны.— Кассетник, клевый спиннинг, кроссовки классные, а футбольный мяч — ерунда, детство!

Откуда мы знаем этот перечень? Да вы сами об этом пишете иной раз, рассказываете драматические истории о доставании вещей, о менялах, о престижных шмотках и не очень престижных...

У меня тоже есть любимая вещь — Поющая Черепаха.

Она деревянная. Стоит на книжной полке, запрокинув лысую головку, подслеповато уставившись в синие корешки собрания сочинений А. С. Пушкина.

— А-а-о-у-а! — поет Черепаха.

— Зачем вам какая-то дурацкая Черепаха? — спросит читатель.— Разве это вещь? Если вещь, то сейчас такая не котируется.

— Ну, почему же? — начинаю возражать я.— Во-первых, Черепаха может в дороге послужить тарелкой. Во-вторых, если оставить ее в квартире, то удобным местом для всяких женских безделушек: серег, колец, брошек. В-третьих, с ней можно плавать в ванне и не скучать, натирая тело мочалкой. В-четвертых, она трогательная. А в-пятых, ведь поет же!

— А-а-о-у-а! — выводит медовый, глубинный голос Поющей Черепахи.

В общем, вы меня, ребята, поняли: моя любимая вещь — для души. Вот это — главное.

Однажды замолчала Поющая Черепаха, прикрыла устало глаза деревянными пленками-веками.

— Ты что,— спрашиваю,— молчишь? Все спела?

— Эх,— заговорила Черепаха.— Меркантильная вы женщина, о вещах рассуждаете. Разве я вещь? Я личность!

— Прости,— говорю я.— Виновата.

— Надоело мне на полке стоять. Дайте простор для личности, переставьте куда-нибудь на воздух.

Взяла я Черепаху и переставила на окно. А тут ночь наступила. В окне начала тень от дерева кривляться — прыгать, пугать — шуточки у нее такие. А из-за туч заструился молочный свет.

И вдруг среди ночи слышу:

— А-а-о-у-а!

— Ты что, Черепаха, не спишь? Народ перебудишь!

— Смотрите! Смотрите! Вот это вещь! В небе! Вот это да!

В небе лежала вальяжная луна. Она струила молочный свет на город и благосклонно слушала Поющую Черепаху.

Ага, значит, и у Поющей Черепахи появилась любимая вещь!

И. АНДРИАНОВА

ОТ «УЗЛА СВЯЗИ»:

Дорогие ребята!

А какие в самом деле у вас есть любимые вещи?

Почему именно они, а не другие?

Расскажите нам историю, как они попали к вам.

Ждем писем!

На конверте поставьте девиз: «Любимая вещь».

Леонид ЯХНИН

Ветка на древе искусства

Фотография из семейного альбома

История, «дым столетий», по выражению А. С. Пушкина, кажется удаленной и отделенной от нас длинной вереницей лет. Но связь поколений, цепочка людей делают такую давнюю историю живой и близкой нам.

Случалось мне разговаривать с С. Я. Маршаком. В юности Маршак дружил со старым поэтом Яковом Полонским. Тот, в свою очередь, был знаком с Петром Вяземским, другом Пушкина. Подумать только, меня отделяют от Пушкина всего-навсего три разговора!

В одном семейном альбоме я увидел фотографию чем-то мне знакомого человека.

— Кто это? — спросил я.

— Дедушка Кандинский,— был ответ.

— Тот самый?!

— Тот самый.

Тот самый Василий Кандинский, которого считают отцом современной авангардной живописи, теоретиком и предвозвестником беспредметного искусства, абстракционизма.

Перевернутая картина

Художник зачастую затрудняется точно назвать тот момент, когда он вдруг понял свой путь, нашел себя.

На подобные прямолинейные вопросы у него всегда заготовлена какая-нибудь забавная неожиданная история, почти анекдот.

Кандинский рассказывал, что как-то вечером зашел в свою мастерскую и в полумраке увидел прислоненную к стене необыкновенно интересную и совершенно непонятную картину. На холсте был изображен не пейзаж, не портрет, не натюрморт, а что-то абсолютно непонятное. Но сочетание цветных пятен неопределенной формы было очень красиво. Потом оказалось, что это один из его собственных пейзажей, но поставленный вверх ногами. Но именно тогда, как объяснил Кандинский, «мне стало ясно, бесспорно ясно, что предметность вредна моим картинам».

Конечно, это в некотором роде шутка. На самом деле Василий Кандинский долго и серьезно шел к своему открытию. И в продолжение всей своей жизни теоретически его осмысливал в книгах и статьях, посвятил этому все свое творчество.

А началось все с увлечения русским народным искусством — лубком, базарными раскрашенными игрушками. Студентом Василий Кандинский был очарован и захвачен цветовым фейерверком простой крестьянской избы.

«Ясно помню,— писал он позже,— как я остановился на пороге перед этим неожиданным зрелищем. Стол, лавки, важная огромная печь, шкафы, поставцы — все было расписано пестрыми, размашистыми орнаментами. По стенам лубки: символически представленный богатырь, сражение... Когда я наконец вошел в горницу, живопись обступила меня, и я вошел в нее».

Многострунный рояль

Кандинский шел от цветовых пятен народного искусства, от цветовых поисков Матисса и, наконец, от музыки, от «тайной и прекрасной музыки мироздания». И музыка особенно близка была Кандинскому как художнику. И о своей живописи он говорил музыкальными терминами: «Цвет — это клавиш; глаз — молоточек; душа — многострунный рояль. Художник есть рука, которая посредством того или иного клавиша целесообразно приводит в вибрацию человеческую душу».

И действительно, его живописные «Композиции», «Импровизации» музыкальны. Пластическое сочетание линий, пятен, легких рисунков, их наплывы, наложения, пересечения сходны с потоком музыки, волнами и всплесками звуков. Это — начало синтеза, соединения, слияния разных видов искусств, которое сегодня захлестнуло мировую живопись, стало одним из современных ее признаков.

Кандинский даже написал сценическую композицию «Желтый звук», где цвет, звук и движение слились в единое целое. Его книги «О духовном в искусстве» (1911 год), «Точка и линия на плоскости» (1926 год) — это теоретическое развитие принципов «беспредметной», эмоциональной живописи, которую он считал одним из направлений, «веткой на великом древе» искусства XX века.

В. Кандинский. «Композиция 7».

Мадлен ЛЭНГЛ

ЗНАКОМЬТЕСЬ
СЕМЕЙСТВО ОСТИН

ПОВЕСТЬ*

Рисунки И. ПАНКОВА.

1. Телефонный звонок

В тот вечер было, как обычно, шумно и весело. Мы ждали папу к обеду. Обычно по субботам он рано приходит с работы, но сегодня принимал роды, а новорожденные и знать ничего не хотят о рабочем расписании. Дядя Дуглас приехал к нам на воскресные дни. Это младший брат папы, на десять лет его моложе, он художник и живет в Нью-Йорке. Мы все его ужасно любим.

Мама жарила грудинку, которую обожает дядя Дуглас, и в кухне чудесно пахло. Дядя Дуглас вместе с Джоном мастерили в нашем старом амбаре костюм космонавта, а все остальные расположились на кухне. Я не думаю, что нашу семью можно назвать очень большой: всего папа, мама, мы — четверо детей, и животные, но этого вполне достаточно, чтобы устроить «шум и ярость». Мама включила проигрыватель и поставила второй концерт Брамса на полную громкость, чтобы хоть чуть-чуть заглушить шум на кухне. Сюзи делала операцию одной из своих кукол. Одновременно она чистила морковку, так что скребок для моркови служил ей и скальпелем.

Роб сначала помогал ей, как это и полагалось, но ассистировать ему быстро надоело, и он забавлялся на полу с видавшим виды стареньким деревянным поездом, издавая громкие гудки, а Колетт, наш маленький серый пудель, изо всех сил лаял на него, принимая посильное участие в забаве. Мистер Рочестер, большой датский дог, лаял на одну из кошек, пытавшуюся укрыться за холодильником. Я же была тиха, как ангел, но лишь потому, что делала уроки — решала целую кучу математических задач. Я сидела возле камина и почти поджарилась с одного бока, но было так уютно, что не хотелось пересаживаться.

— Зажимы,— громко произнесла Сюзи, обращаясь к невидимой операционной сестре.— Ретракторы.

— Чу, чу, чу, чаф, чаф, чаф,— пыхтел Роб.

Брамс благополучно достиг самой громкой части в концерте. Было шумно и весело.

Мама открыла духовку и вилкой потыкала картошку, которая жарилась вокруг мяса.

— Вики,— сказала она,— может, ты выберешь место потише и закончишь там свои уроки?

— А нужно ли?

— Ну, решай сама, — сказала мама.— Сюзи, Роб, чуть потише, пожалуйста.

Зазвонил телефон.

Наш папа — врач, и мы привыкли к телефонным звонкам. Телефон звонит и день, и ночь. У нас два параллельных телефона: когда набираешь один номер, то звонок раздается в квартире, а когда набираешь другой, то его слышно и в квартире, и в папином кабинете. Только Джону и мне позволено отвечать на телефонные звонки в кабинете, но когда звонит домашний телефон, то к нему со всех сторон бросаются и малыши.

Звонил домашний телефон, и Сюзи в самый разгар операции бросила свою куклу и бегом кинулась к аппарату. Роб завизжал:

— Моя очередь! Я сниму трубку!

Очередь была действительно его, но Сюзи не остановилась, и Роб завизжал еще громче, когда она, опередив его, оказалась у телефона. Мама уменьшила громкость проигрывателя, прикрикнула на мистера Рочестера, чтобы он прекратил лаять, и сказала Робу, что следующая очередь будет, конечно, его, а Сюзи, запыхавшись, закричала в трубку:

— Алло, это Сюзи Остин, кто говорит?

Помолчав, она спросила громче:

— А кто говорит? — И протянула трубку маме.— Мама, это тебя, но я не знаю, кто это звонит. Я подумала, что это тетя Элина, но она не поздоровалась со мной и ничего не сказала, наверное, это не она.

Мама подошла к телефону, а я положила свой задачник на пол. Мама бросила на меня свирепый взгляд и сказала:

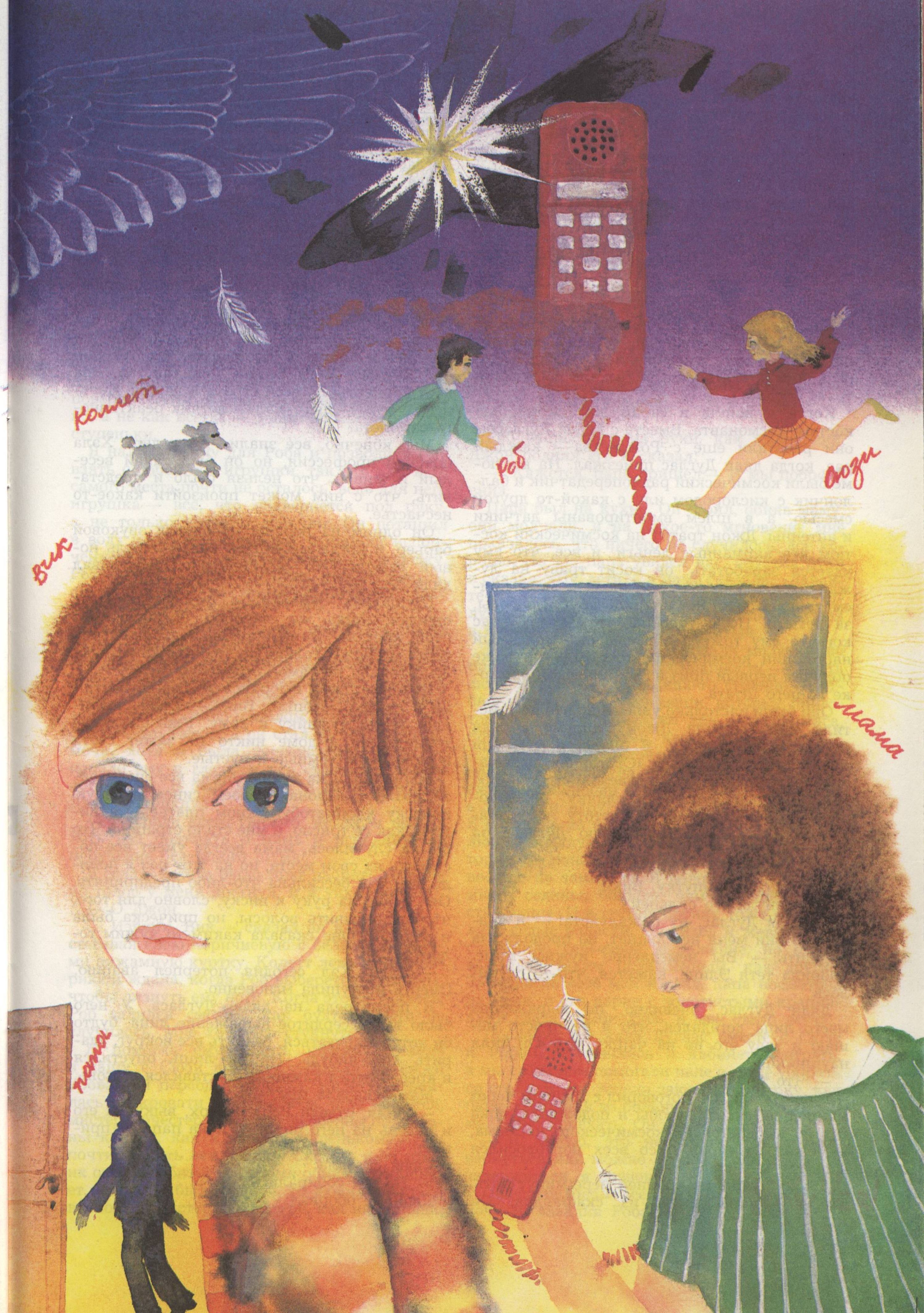
— Потише, Вики! — Как будто я молотком стучала или что-нибудь в этом роде. Я поняла: что-то случилось.

Затем мама сказала: «О Элина! Нет!», и я, наблюдая за ней, заметила, как странно она побледнела, несмотря на летний загар. Потом она спросила:

— Чем мы можем помочь? — и замолчала надолго, после чего произнесла:

---

* Печатается в сокращении.

Коллет
Роб
Рози
Вик
мама
папа

— О Элина, дорогая...— как будто хотела еще что-то сказать, но ничего не сказала и повесила трубку.

Она молча стояла возле телефона, и Сюзи спросила:

— Мама, что случилось? Что случилось?

Мистер Рочестер глухо зарычал, а Роб сказал самым серьезным тоном, на который он переходил, когда речь шла о чем-то действительно очень важном:

— Мистер Рочестер, я полагаю, вам лучше помолчать.

Мама сказала:

— Вики, позови Дуга.

Еще не стемнело, и фонари из экономии не горели. Было холодно и ветрено, как это обычно бывает с наступлением первых заморозков, и я, вся дрожа, побежала по жухлой траве к сараю.

Когда я вошла в сарай, на Джоне был костюм космонавта. Вместе с дядей Дугласом они работали еще с Рождества — каждый раз, когда дядя Дуглас приезжал. На костюме были космический радиопередатчик и баллончик с кислородом или с какой-то другой смесью, а в шлем вмонтированы датчики и антенны. Джон тратит на космический костюм все карманные деньги и все, что ему удается заработать: он косит траву на лужайках и газонах, рубит дрова и даже присматривает, если нет никакой другой работы, за детьми. Но я уверена, что дядя Дуглас кое-что ему тоже подбрасывает. Это самый настоящий космический костюм,— он даже получил первый приз на технической ярмарке нашего штата.

Они были настолько увлечены, что не заметили, как я вошла. Джон в шлеме, а дядя Дуглас в наушниках. Я знала, о чем они говорили. Что-то вроде: «Светлячок вызывает Медвежонка» — «Медвежонок, прием». Или: «Медвежонок — Светлячку: переключись на направленную частоту в диапазоне 2 см». Я потянула дядю Дугласа за рукав.

Он отмахнулся от меня.

— Подожди минутку, Вики!

Я потянула его сильней:

— Дядя Дуглас, ну пожалуйста! — Я знала, что они меня не слышат, но продолжала твердить: — Вы немедленно нужны маме. Звонила тетя Элина, кажется, что-то случилось.

Дядя Дуглас, очевидно, по выражению моего лица догадался, что я не просто мешаю и зову его не на чашку чая. Он снял наушники.

— Что такое?

Я повторила. Он поговорил с Джоном через микрофон, сказал, чтобы я подождала, пока тот не выберется из космического костюма, выбежал из сарая и со всех ног бросился к дому.

Джону нужно по крайней мере минут пять, чтобы выкарабкаться из скафандра. Он снял шлем и осторожно положил его на полку.

— Что случилось, Вик? — спросил он.

— Не знаю, — ответила я. — Позвонила тетя Элина, и мама послала меня за дядей Дугласом.

Все пять минут, пока Джон вылезал из своего костюма, мы молчали. Мы боялись одного. Если звонила тетя Элина и что-то случилось,— а я была уверена, что случилось что-то плохое, — это, очевидно, касается дяди Хэла.

Тетя Элина и дядя Хэл нам не родственники, но мы их любим так, как если бы они были нашими родными дядей и тетей. Тетя Элина жила вместе с моей матерью, когда они учились в школе в Швейцарии, и с тех пор они дружат. Тетя Элина — пианистка, она дает концерты по всей стране и даже в Европе. Ее муж — дядя Хэл — летчик реактивного самолета.

Мы, конечно, все знали, что у дяди Хэла опасная профессия, но он был такой веселый и живой, что нельзя было и представить, что с ним может произойти какое-то несчастье.

Он одним из первых преодолел звуковой барьер, и когда появлялся какой-нибудь новый самолет, то его, конечно, испытывал дядя Хэл.

Сгущались сумерки, я стояла в сарае, ожидая, когда же наконец Джон снимет свой костюм, и все время повторяла про себя: «О Боже, только не это, только не дядя Хэл, только не самое страшное».

Наконец Джон выбрался из своего костюма и сказал: «Пошли, Вик».— Мы направились через лужайку к дому. Уже начинало темнеть, но в доме никто не зажег света и окна были темные и пустые.

Мы пришли на кухню. Мама все еще стояла возле телефона в своем синем в белую полоску хлопчатобумажном платье,— я видела, как ее трясло, и мне стало страшно. Что бы ни случилось, мама всегда умеет все поставить на свои места, но на этот раз я поняла, что она бессильна что-либо предпринять. Она поднесла руку к виску, словно для того, чтобы поправить волосы, но прическа была в порядке. Она сказала каким-то чужим голосом:

— Дядя Хэл сегодня потерпел аварию. Смерть наступила мгновенно.

Я посмотрела на дядю Дугласа. У него было такое сердитое выражение лица, будто он хотел выругаться, разбить все вокруг, ударить кого-нибудь. Но он лишь опустился в кресло перед камином и уставился в огонь.

Мама сказала мне:

— Вики, отведи Роба наверх, выкупай его и надень на него пижаму, пока папа не пришел.

Сюзи сказала:

— Но мы собирались...

Джон ее оборвал:

— Сюзи!

А мама сказала странно спокойно — так она обычно говорит, когда очень сердита или расстроена:

— Не сегодня, Сюзи. Идите наверх и раздевайтесь. Все, все. Ты тоже, Джон, пожалуйста.

Джон — самый старший и умный из нас, и, наверное, он понимал, что маме просто необходимо позвонить сейчас папе. Больше всего мне хотелось, чтобы я знала, что с ним все в порядке. Поднимаясь с Робом наверх, я увидела, как Джон обнял маму, и меня поразило, как он сильно вытянулся за лето. Они стояли рядом и были одного роста, хотя у нас в семье все высокие. Лицо у Джона стало такое серьезное, и он казался почти взрослым, когда утешал маму, а потом Джон повернулся и тоже пошел наверх, но медленно, а не как всегда — одним махом через три ступеньки.

Я налила ванну для Роба и позволила ему взять с собой все игрушки, так что для него самого места почти не осталось, ведь для него игрушка — все, что подвернется под руку, а не только утята и лодочки. Он потащил в воду и песочное ведерко, и старый испорченный телескоп, и кривобокую сковородку. Роб шумно резвился в воде, и я утомилась, следя за тем, чтобы он не расплескивал воду на пол.

Джон и Сюзи молча укладывались, было очень тихо, и от этого дом казался чужим. Я сидела на крышке унитаза и наблюдала за Робом: ему надо напоминать, что коленки тоже следует мыть. Потом он наотрез отказался вымыть лицо с мылом, и мне пришлось сделать это самой, а он стал вопить что есть мочи, хотя я была уверена, что мыло не попало ему в глаза: я все старалась делать осторожно. В этот момент в ванную вошел Джон и крикнул:

— Ну ради всего святого, неужели нельзя хоть раз подумать о маме и исполнить ее поручение без такого шума!

Я села и хотела было тоже наорать на него, но голос у меня дрогнул, и я тихо сказала:

— О Джон.

— Извини, Вик,— сказал он и вышел, застегивая свою коричневую с белыми полосами пижамную куртку. Колетт лежала на коврике и ждала, когда Роб выберется из ванны, чтобы лизнуть ему ноги. Когда это ей удалось, Роб залился смехом, как будто ничего не случилось. Мне хотелось стукнуть его.

Я помогла ему надеть пижаму, отвела в нашу с Сюзи комнату, усадила на своей кровати и переоделась сама. Колетт устроилась на кровати рядом с ним. Мне кажется, мистер Рочестер и Колетт особенно привязаны к Робу, как к самому маленькому — он почти на пять лет младше Сюзи,— и он тоже их очень любит и все время обнимает и целует. Когда он был меньше, то любил кататься верхом на мистере Рочестере, как на лошади, а иногда мистер Рочестер позволяет ему прокатиться на себе и сейчас.

Сюзи сняла с себя одежду, но не переодевалась. Она так и стояла голенькая, с марлевой повязкой на ушибленном колене, и писала что-то на доске кусочком желтого мелка. Я сказала:

— Сюзи, ты простудишься, и мама рассердится.

Она отошла от доски в каком-то полузабытьи, как будто я пробудила ее от глубокого сна.

Пришел папа. Хлопнула задняя дверь, и мы услышали, как он позвал маму, но никто не понесся сломя голову вниз по лестнице и не налетел вихрем на него, как обычно. Сюзи сидела на полу, надевая шлепанцы, а я трижды завязала пояс своего халата. Вошел Джон и спросил:

— Все готовы?

Роб запросился на руки, как маленький, Джон поднял его и сказал:

— Кажется, папа пришел.— И мы побрели вниз.

Папа был на кухне. Он стоял, обняв маму; они молчали, и на какое-то мгновение мне показалось, что ничего не случилось, все хорошо. Но тут папа увидел нас, опустил руки и сказал: «Ну, дети?», а мама сказала: «Давайте-ка лучше ужинать. Уоллес, позови, пожалуйста, Дугласа». Папа позвал, и дядя вошел в кухню, все еще очень сердитый.

Мы сели за стол и прочитали молитву, но произносить слова благодарности — пусть даже за пищу — было как-то странно. Ростбиф и другие вкусные вещи, которые приготовила мама специально для дяди Дугласа, показались пресными, как опилки.

Я взяла в рот кусочек и пыталась жевать, но, когда взглянула на папу, у меня сердце сжалось от любви и страха. Дядя Хэл погиб, а что если вдруг и папа тоже в опасности. Я смотрела на него и думала, как сильно его люблю, каждую черточку. И вдруг я увидела то, на что раньше не обращала внимания или вообще не замечала. В волосах у него было много седины, больше, чем раньше, и лоб стал выше. И в густых бровях тоже встречались седые волоски. Он сидел и жевал, лицо сохраняло серьезное выражение, но он не выглядел таким подавленным, как другие. Заметив на себе мой взгляд, папа посмотрел на меня, и его карие с золотистыми крапинками глаза улыбнулись, и мне стало легче.

После ужина дядя Дуглас вместе с Сюзи и Робом отправились в кабинет поиграть, а мы с Джоном помогали папе и маме убирать со стола. Но не успели закончить уборку, как папе позвонили из больницы и попросили немедленно приехать. Он обнял маму и сказал:

— Я думаю, это ненадолго. Постараюсь вернуться как можно скорее. Если придется задержаться, я позвоню.

Он расцеловал всех, пожелал спокойной ночи и, взвалив Роба на спину, будто куль

с мукой, отнес его наверх и бросил на кровать.

Мама поднялась наверх, чтобы почитать нам перед сном. Мы читали тогда «Книгу Джунглей». Мы всегда выбираем такие книжки для чтения вслух, которые были бы всем интересны, а Маугли и Рикки-Тикки-Тави понравились даже Робу. Но мама прочитала нам лишь несколько страничек. Мы разместились в нашей с Сюзи комнате. Читаем мы поочередно: один вечер у Роба и Джона, другой — у нас. Джон устроился на кровати Сюзи, а Роб взобрался на мою и сбил в кучу покрывала и простыни. Мама села на пол между кроватями. Колетт уютно свернулась калачиком у маминых ног и зевала все время, пока мы читали. Мистер Рочестер редко поднимается наверх. Мама и папа этого не позволяют: уж очень он большой. Но в тот вечер ему, судя по всему, очень не хотелось оставаться внизу. Очевидно, и он почувствовал, что в доме что-то стряслось, и вскоре мы услышали, как он с трудом взбирается по лестнице. Бедный Рочестер, он неповоротлив, неуклюж и поэтому налетает на все, что попадается по дороге, все опрокидывает, за что ему постоянно влетает. Жаль, конечно. А вот Колетт, напротив, очень изящна и грациозна. Мистер Рочестер обнюхал обе кровати и тяжело шлепнулся возле мамы и Колетт.

А потом мама закрыла книгу, мы выключили свет и помолились на ночь. У нас есть любимые общие молитвы: мы всегда читаем «Отче наш», но, кроме того, у каждого есть своя собственная молитва. У Роба она особенно интересна: он вспоминает все, что ему вздумается, и маме с папой приходится выговаривать Сюзи, когда она дразнит его. В прошлое Рождество он среди молитвы вдруг сказал: «Благослови, Боже, Деда Мороза, и Самого Себя не забудь!» Вот почему в тот вечер мы все ждали, вспомнит Роб о дяде Хэле или нет. Я боялась, а вдруг забудет. Мне очень хотелось, чтобы не забыл.

— Благослови, Боже, маму и папу, Джона, Вики и Сюзи,— сказал он,— и мистера Рочестера, и Колетт, и дедушку, и всех кошек и котов, и дядю Дугласа, и тетю Элину, и дядю Хэла, и...— Тут он замолчал и повторил: — И всех кошек, и дядю Дугласа, и тетю Элину, и дядю Хэла...— И замолчал, а потом сказал: — Особенно дядю Хэла, Боже, и пусть умчится его самолет на другую планету, чтобы он жил там, ведь Ты можешь это сделать, Боже, Джон говорит, что можешь, а все мы хотим, чтобы ему было хорошо, потому что мы его любим, и меня, Боже, благослови, чтобы я стал хорошим. Аминь.

В этот вечер мама нам не пела. Обычно она поет для нас, но сейчас сказала:

— Я иду вниз, дети. Не шалите и постарайтесь поскорее заснуть. Джон и Роб, идите в свою комнату. Я укрою девочек и приду к вам.

Роб не спеша покинул мою постель. Он стоял у кровати и потом спросил маму:

— А ты когда-нибудь плачешь?

— Конечно, Роб,— ответила мама.— Я плачу, как и все.

— Но я никогда не видел, как ты плачешь,— заметил Роб.

— Мамам приходится сдерживаться,— объяснила она.— А теперь беги в свою комнату.

Она подоткнула Сюзи и мне одеяла, поцеловала нас и пошла в комнату Роба и Джона.

Я не могла уснуть. Роб измял и перевернул всю постель. Я встала, расправила простыни, опять легла, но заснуть не могла. Шепотом позвала Сюзи, но она не ответила, только тяжело вздохнула, повернулась на другой бок, и я поняла, что она уже спит. Было холодно, но мама еще не доставала зимние одеяла, и я натянула плед до самого подбородка, но понимала, что мерзла не только потому, что наступала осень.

Наша с Сюзи комната расположена над кабинетом, и я слышала приглушенные голоса: густой и низкий — дяди Дугласа и более высокий — мамы. Потом зазвонил телефон, воцарилось долгое молчание, потом опять зазвучали голоса, а потом снова телефонный звонок. Маленькие голубые часики Сюзи, казалось, тикают все громче и громче, и я наконец включила свет, чтобы посмотреть, который час. Было начало двенадцатого.

Не в силах больше этого вынести, я встала, пошла в ванную, потом заглянула в комнату Джона и Роба. Я надеялась, что Джон не спит, я ведь знала, что он переживает из-за дяди Хэла больше нас всех. Но он спал.

Я посидела на площадке черной лестницы. Свет и тепло проникали туда с кухни, здесь я чувствовала себя в безопасности. Потом услышала мамин голос, говоривший по телефону:

— Да, Дуглас выезжает немедленно. Погоди, Элина, я передаю ему трубку.

Подслушивать нельзя, я это знала, но вернуться и лечь не могла, потому пошла вниз. Должно быть, дядя Дуглас был рядом, когда мама говорила, потому что он уже держал трубку, а мама, увидев меня, сказала:

— Вики? — А затем: — Иди в папин кабинет.

Через минуту она пришла ко мне и спросила:

— В чем дело, Вики?

— Я не могу уснуть.

Она кивнула.

— Понимаю. А другие?

— Кажется, все спят.

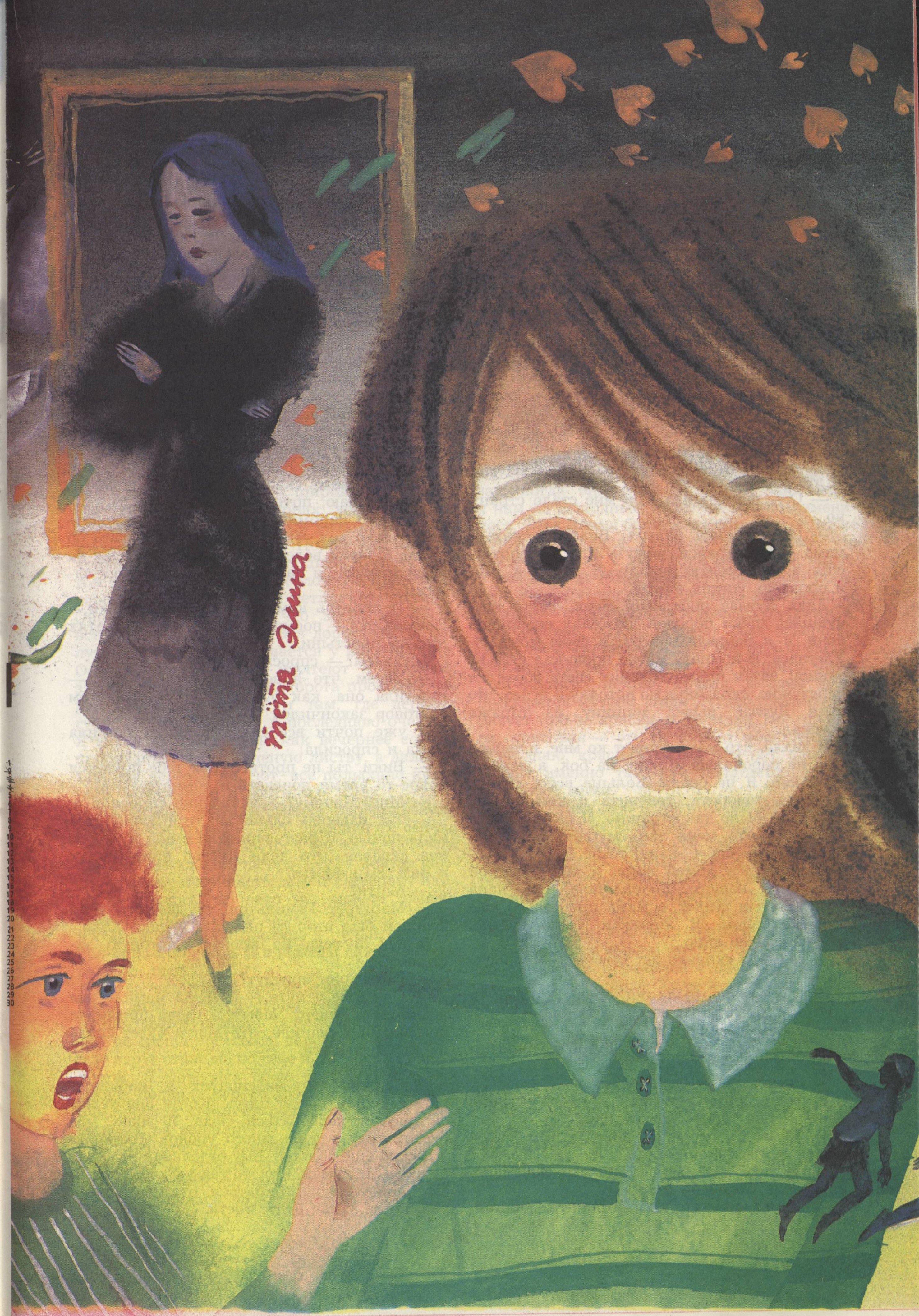
— И Джон?

— Он спит, мама.

В этот момент в кабинет вошел дядя Дуглас.

— Виктория,— начал он, обращаясь к маме, но затем увидел меня.

— Хэлло, Вик! Что ты здесь делаешь?

тётя Элина

— Просто не спалось,— быстро объяснила мама за меня.— Ну что, Дуг? Ты едешь?

— Да,— ответил дядя Дуглас.— Сейчас же.

— Куда едет дядя Дуглас? — спросила я.

У меня совсем голова пошла кругом. Это просто нечестно со стороны дяди Дугласа: только приехал и уже уезжает. Мы все его так любим, а я его толком еще и не видела, ведь он приехал только вчера вечером.

Он подошел ко мне, взял за подбородок и заглянул в глаза. Я смотрела на него с надеждой: хотя дядя Дуглас все шутит и смеется и его называют «богемой», потому что он художник, да еще с бородой, ему как-то удается во всем разобраться и все уладить. Он говорит, что это оттого, что он не всегда рядом с нами, и ему «со стороны виднее».

— Я нужен тете Элине, детка,— сказал он.— Еду узнать, чем ей можно помочь. Второй пилот дяди Хэла тоже погиб, а у него осталась маленькая дочь. У нее нет мамы, и тетя Элина пока за ней присматривает. И это все осложняет.

— О,— выговорила я, и мне стало страшно.

— Отправляйся наверх, Вики,— сказала мама.— Постарайся заснуть или ты опоздаешь в воскресную школу. Я зайду к тебе и проверю, спишь ли ты.

Дядя Дуглас поцеловал меня, легко коснувшись щеки бородой, пожелал спокойной ночи, и я побрела наверх, в свою комнату. Улеглась. В комнату мягко проникал свет из ванной, затем прямоугольник света ворвался через окно, скользнул по потолку и исчез: это дядя Дуглас вывел машину из гаража и уехал.

Я знала, что мама придет ко мне, и теперь уже не ворочалась с боку на бок, а лежала спокойно. Я не спала. Больше всего сейчас хотелось говорить, говорить с кем-нибудь, чтобы не было так страшно. Я сама толком не знала, что меня так смущает и пугает. Может, если бы я знала, то не боялась бы.

Возвратился домой папа, и они с мамой поднялись наверх. Я слышала, как папа отвел Роба в туалет, а мама пришла ко мне и села рядом. В коридоре было светло, и я видела ее лицо.

— Мама, а сколько лет девочке? — спросила я.

Она, очевидно, была поглощена какими-то другими мыслями и не сразу поняла:

— Какой девочке?

— Той, чей отец был вторым пилотом у дяди Хэла.

— Десять.

На год старше Сюзи и на два года младше меня. И она теперь совсем одна.

— Мама, я не могу понять, что такое жизнь и что такое смерть.

Мама тихо рассмеялась, правда, печально, и провела рукой по моему лбу.

— Если бы ты это смогла понять, дорогая, ты бы знала больше всех в мире. Не будем больше разговаривать. Мы разбудим Сюзи.

Вошел папа. Он остановился у двери и тихо сказал:

— Вики, Джон спит, и ты тоже должна постараться уснуть.

Они с мамой пошли в свою комнату. Я слышала, как они тихо разговаривали, и это подействовало на меня, как колыбельная песня. Я повернулась на бок и заснула.

Ночью, сквозь сон, я слышала телефонный звонок. Телефон зазвонил и утром — оба раза это был домашний телефон,— но я так крепко спала, что лишь утром, когда наконец проснулась — солнце добралось и до моей постели,— услышав звонок, вспомнила, что телефон звонил и ночью.

В воскресенье у нас больше свободного времени утром, чем в обычные дни, но спешишь и боишься опоздать почему-то именно в воскресную школу, и кровати по воскресеньям мы убираем только после возвращения из школы и церкви. Когда мы вернулись домой из церкви, мама сказала, чтобы мы переоделись (не знаю, почему мы этого никогда не делаем без напоминания, но всегда находится столько дел, что мы просто забываем об этом), а затем велела мне поменять белье на моей кровати и застелить свежими простынями.

— И проверь комнату для гостей, Вики,— сказала она,— посмотри, на всех ли кроватях чистые простыни.

— Зачем? — спросила я.

— Затем, что я велю тебе это сделать,— ответила она, как будто я — Роб. На этом разговор закончился.

Я уже почти все сделала, когда пришла мама и спросила:

— Вики, ты не против, если тебе придется какое-то время ночевать в комнате Роба?

— Мне? Почему? — удивленно спросила я.

— Ты, наверно, слышала: тетя Элина звонила ночью. Я разговаривала с ней и утром, она сказала, что дядя Дуглас привезет их к нам. Ее и Мэгги.

— Мэгги?

— Маргарет Гамильтон, ту девочку, отец которой был вторым пилотом у дяди Хэла.

Я так и села на кровать, которую застилала.

— Когда они приедут?

— Они уже в пути,— сказала мама,— мы ждем их к вечеру. Мэгги и Сюзи примерно погодки, и я решила, что Мэгги будет спать на твоей кровати.

— А Джон?

— Сегодня он переночует в кабинете, а тетя Элина ляжет здесь. Когда она уедет, он сможет перебраться сюда. Я знаю, что в этом году у тебя много уроков, Вики, но у Джона еще больше. Ему отдельная комната нужнее. Не думай, что это так уж шикарно — ему придется перебираться отсюда всякий раз, когда у нас будут гости.

Я подумала, а потом спросила:

— А долго... эта девочка... Мэгги... будет у нас жить?

— Не знаю,— сказала мама,— посмотрим.

— Но мама... почему она едет к нам?

— Сейчас это трудно объяснить. Побыстрее, Вик, надо приготовить постели.

После завтрака Джон отправился в сарай работать над техническим проектом, и папа вдогонку крикнул, чтобы он занимался именно проектом, а не космическим костюмом. Я взяла велосипед и поехала в Торнхилл, к подруге, чтобы вместе с ней проверить задачки. С математикой у меня не очень ладится, и я знаю, что задачки надо проверять — бывает, из-за глупых ошибок в сложении или вычитании у меня ничего не получается, даже если ход решения правильный. К пяти часам мы закончили, и пора было возвращаться домой. Маме не нравится, когда мы разъезжаем на велосипедах после наступления темноты, если для этого нет серьезной причины. Ехать из городка домой — одно удовольствие. Дорога — а это и есть единственная улица Торнхилла — широкая и красивая. По бокам, на склонах холмов, стоят белые домики, окруженные вязами и кленами — типичный городок Новой Англии (по крайней мере так говорит дядя Дуглас). Потом сворачиваешь на проселочную грунтовую дорогу, которая вьется и петляет по холмам. Она такая ухабистая, что здесь не часто встретишь автомобиль. Вся дорога около полутора миль и заканчивается у нашего дома. Осенью, когда листья желтеют и опадают, здесь особенно красиво. Дорога проходит через небольшой лесок, и там, где деревья гуще, листья желтеют в последнюю очередь. Я ехала и любовалась, как вечернее солнце пробивается через зеленую листву, а дальше, там, где деревья редеют, все полыхало красным, оранжевым и желтым.

Маленькая зеленая змейка проскользнула перед моим колесом, Роб, окажись он сейчас здесь, пришел бы в восторг. Он все лето почти каждый день ходил на просеку — мечтал найти черепаху и принести домой. Черепаху найти не удалось, но зато мы видели оленей, большого полосатого сурка, который живет в старой каменной плотине у ручья, и целые полчища кроликов. А однажды даже увидели рыжую лису.

Когда вернулась домой, красный автомобиль дяди Дугласа стоял возле гаража за нашим автофургоном. Значит, они уже здесь.

Я не спеша поставила велосипед под навес: мне вдруг стало не по себе и расхотелось идти домой. Я повесила свою куртку в стенной шкаф, подняла куртки Сюзи и Роба, которые они бросили прямо на пол, и аккуратно повесила их на вешалку.

Короче говоря, тянула время, как могла.

Почему я робела перед встречей с тетей Элиной и Мэгги, почему даже с дядей Дугласом не решалась поздороваться, ведь разговаривала же с ним вчера?

Делать нечего — открыла дверь и вошла. На кухне никого не было, хотя обычно в это время здесь собирается вся семья. У плиты стояла тетя Элина. Она обернулась, поздоровалась со мной и сразу же оживленно заговорила:

— Ах, Вики, ты прямо-таки спасла меня. Я никак не могу достать с полки кофе — я ведь не трехметрового роста, как твоя мать.

И мне не пришлось ничего говорить. И както само собой получилось, что я даже не поцеловала ее. До вчерашнего звонка сделала бы это не задумываясь, но сейчас у меня не хватило на это смелости. Я подтащила стул к плите, влезла на него и достала банку с кофе.

— Не ту, другую, — сказала тетя Элина,— я обещала твоей маме приготовить после обеда кофе «эспрессо».

Я только и смогла произнести: «О!» Я наблюдала за ней. Она совсем не изменилась — выглядела так же, как несколько недель назад, когда они с дядей Хэлом приезжали к нам на выходные: и все же что-то изменилось. Тетя Элина была в черном платье, но не потому, что дядя Хэл погиб, а потому, что это модно и ей к лицу, она всегда так ходит. У нее волосы тоже черные, и на одном портрете дядя Дуглас очень странно изобразил ее волосы — с голубыми и зелеными бликами, и, что забавно, когда портрет был завершен, оказалось, что так и надо. У нас есть прекрасный портрет мамы кисти дяди Дугласа, который написал немало других, а один даже приобретен музеем. Дядя Дуглас говорит, что рисует только красивых женщин. Но, говорит он, красивая — это не значит хорошенькая. Я не знаю, красивая мама или нет. Она выглядит именно так, как полагается выглядеть моей маме.

Тетя Элина вовсе не похожа на маму, и, конечно, она не мама. Ее черные волосы ниспадают на плечи, и у нее такой вид, словно она нарядилась, чтобы ехать в гости. Когда тетя Элина играет с нами, нам очень весело, но при этом всегда кажется, что она как будто впервые нас видит и вообще не очень уверена в том, как надо держаться с детьми. Дядя Хэл был совсем другой: он заразительно смеялся и дурачился с нами на равных. Я подумала о дяде Хэле и вспомнила, что теперь никогда его не увижу. Потом посмотрела на тетю Элину, и вдруг стало как-то ужасно холодно и грустно, словно ледышка застряла в груди — даже губы свело от холода.

Джон ввалился в кухню прямо в куртке. Лицо разрумянилось от мороза, а очки сразу же запотели от кухонного тепла.

Мы часто ссоримся с Джоном, но должна признать — он умнее всех нас. Он всегда знает, как надо поступить и что сказать — ему

не приходится долго задумываться, а когда играем в выборы, Джона всегда избирают президентом. И сейчас он сделал именно то, что хотела, но не сумела сделать я. Он подошел к тете Элине, крепко обнял ее и поцеловал. Он молчал, но тем не менее все было ясно. На какое-то мгновение тетя Элина прильнула к нему, и только я подумала, что она вот-вот разрыдается, Джон выпустил ее из объятий и сказал:

— Тетя Элина, только вы умеете развязывать мертвые узлы. У меня шнурок запутался. Помогите, пожалуйста.

Он быстро снял с ноги ботинок и подал его тете Элине.

Я прекрасно умею распутывать узлы и всегда делаю это для Джона, и уже готова была возмутиться, как вдруг поняла, почему он это сделал, и вовремя смолчала. Тетя Элина склонилась над ботинком Джона, и слезы, появившиеся в ее глазах, исчезли. Вручая Джону ботинок, она улыбнулась — тетя Элина справилась с собой.

— Где остальные? — спросил Джон.

— Ваша мама во дворе, рвет морковь,— сказала тетя Элина.

— О нет, только не морковь, — застонал Джон.— И зачем только Роб посадил ее! А где дети?

— Дядя Дуглас пошел с ними погулять.

— А что на обед, кроме моркови? Сегодня, надо полагать, морковь натуральная? Вчера мы ели жареную.

Он подошел к плите, поднял крышку большой кастрюли, потянул носом:

— Ого, спагетти. С чесночной подливкой?

— Конечно,— сказала тетя Элина.

Пришла мама, я помогла ей чистить морковь. Из холла вдруг послышались шум, крики, смех, захлопали дверцы шкафа, на пол посыпались вешалки, и наконец все ввалились в комнату. Казалось, что это целая ватага детей, а не просто трое детей с дядей Дугласом.

Первой вбежала и закружилась по кухне темноволосая девочка.

— Не поймаете, не поймаете! — пронзительно закричала она и вприпрыжку бросилась вокруг стола, Сюзи и Роб — за ней. Мистер Рочестер, конечно, тут же примчался посмотреть, что происходит, и свалил при этом стул, а девочка опрокинула другой, но совсем не потому, что была неловкой, вроде меня или мистера Рочестера, просто ей это понравилось.

— Ну, довольно,— примирительно сказала мама. Устрой такое кто-нибудь из нас или наших друзей, нам бы досталось! — Этой мебели еще предстоит немало послужить. Шумные игры — на улице, договорились?

Но девочка и ухом не повела.

— Ну-ка, Сюзи, догони! — взвизгнула она и свалила стул.

Голос мамы звучал все еще благожелательно, но уже значительно тверже:

— Мэгги, я сказала, не здесь, пожалуйста. Сюзи и Роб, поднимите стулья. Мэгги, ты еще не знакома с Джоном и Вики, Джон, Вик. А это — Маргарет Гамильтон.

Джон пожал ей руку и сказал:

— Мы очень рады, что ты приехала погостить, Мэгги.

Мэгги смерила его взглядом и сказала неприязненно:

— Ну, я еще не знаю, понравится ли мне жить в такой глуши.

Я пожала ей руку, и она, смерив меня взглядом, как и Джона, сказала:

— Ты не такая красивая, как Сюзи.

Конечно, это справедливо, но не очень тактично. Сюзи пухленькая и хорошенькая, у нее волосы волнистые, белокурые, а я высокая и худая, и волосы у меня какого-то неопределенного цвета и совсем не вьются. Я их постригла этой осенью перед школой, но лучше бы этого не делала. Всем это известно, но я почему-то смутилась и покраснела, когда Мэгги это высказала.

Дядя Дуглас тут же вмешался в разговор:

— Помнишь историю о гадком утенке, Мэгги? Прекрасным лебедем станет Вики. Когда-нибудь я нарисую ее портрет.

Эти слова не очень понравились Мэгги, и она нетерпеливо повернулась к Сюзи:

— Пойдем поиграем в нашей комнате.

Это получилось удивительно грациозно, будто вспорхнула бабочка. Можно было подумать, что тетя Элина — ее мать: у Мэгги были такие же блестящие черные волосы и огромные темные глаза.

Но, пожалуй, только это и роднило их. В остальном они были не похожи. У тети Элины черты лица четкие и выразительные, нос с горбинкой, а у Мэгги лицо глуповато-беспокойное, глаза чуточку миндалевидные.

Они с Сюзи стремительно побежали наверх, но мама вернула Сюзи и велела ей накрывать на стол, добавив, что отныне Мэгги будет ей помогать.

— Я не умею,— объявила Мэгги.

— Сюзи тебя научит.

Конечно, — сказала Сюзи. — Пойдем, Мэгги. Сколько нас сегодня за столом?

— Посчитай сама,— автоматически отозвалась мама.

— Нас шестеро, — начала Сюзи, — плюс Мэгги и тетя Элина, дядя Дуглас... всего... всего...

— Семнадцать,— сказал Роб.

— Девять! — уточнила Сюзи.— Придется раздвинуть стол.

Джон пошел за досками — они очень тяжелые, — и в это время послышались яростное царапанье и отчаянный лай: мистер Рочестер побежал к двери, и мы поняли, что забыли Колетт на улице.

— Я только впущу ее, — сказала я. — Сейчас вернусь.

Самое приятное время дня — перед обедом, но сегодня мне вдруг захотелось немного

побыть одной. Может, потому что Мэгги напомнила мне, что я некрасивая? Мама говорит, что становлюсь слишком задумчивой. Это, конечно, возрастное, а вообще у меня характер такой.

Я медленно шла вокруг дома, а Колетт прыгала и вертелась рядом. Стемнело, в доме зажгли огни, свет из окон струился на лужайку. Что-то еще напоминало о лете — квакали лягушки, жужжали какие-то насекомые, но воздух был студеный и чистый. Я принялась бегать, чтобы не замерзнуть, а Колетт лаяла от восторга и норовила ухватить меня за ноги — она решила, что я затеяла игру специально для нее.

Затем послышалось фортепьяно: прекрасные, чистые звуки раздавались в ночной тишине. Я знала, что это тетя Элина играет в общей комнате. Когда она гостит у нас, то часто садится за фортепьяно и играет, играет, играет, но на сей раз я не ожидала этого. Мне стало так грустно, что я чуть не расплакалась — впервые после вчерашнего звонка. Она играла какую-то печальную мелодию, наверное, Баха, и, когда я подумала, что дядя Хэл больше никогда ее не услышит, мне захотелось броситься к маме, уткнуться головой ей в колени и зареветь.

Я еще постояла, слушая музыку, а потом пошла домой. Там было все спокойно. Тетя Элина все еще сидела за фортепьяно. Сюзи и Мэгги, должно быть, отправились наверх. Роб и дядя Дуглас смотрели телевизор. Мама готовила салат и разговаривала с Джоном.

— Вики,— обратилась ко мне мама,— скажи Робу, что он не положил на стол салфетки. Пусть положит, когда начнется реклама.

Мы накрываем на стол втроем: Роб отвечает за салфетки, Сюзи — за вилки и ножи, а я — за тарелки и стаканы.

Я напомнила об этом Робу, и он отправился на кухню за салфетками, а я примостилась на ручке кресла, в котором сидел дядя Дуглас.

— Выключи этот ящик, Вики, — сказал он.— У меня от него голова трещит.

Я убавила громкость и опять села рядом с ним.

— Ты чем-то озадачена, моя юная леди? — спросил он.

Я действительно была озадачена и хотела с ним поделиться. Как это он обо всем догадывается?

— Дядя Дуглас, — сказала я, — почему Джон может выразить свое сочувствие тете Элине, а я не могу, хотя мне так жаль ее?

Дядя Дуглас обнял меня, и его борода мягко коснулась моей щеки.

— Тетя Элина знает о твоих чувствах, дорогая.

— Но почему Джон знает, что сказать и как, а я, что бы ни сделала, все выходит глупо, будто я бесчувственная?

— Именно потому, что ты совсем не бесчувственная. Ты слышала когда-нибудь о сопереживании?

Я покачала головой.

— Джон может продемонстрировать свое сочувствие тете Элине, потому что у него научный склад ума, позволяющий ему смотреть на все происшедшее как бы со стороны. Все хорошие ученые должны уметь наблюдать. Он может сильно горевать о дяде Хэле и сочувствовать тете Элине, но он остается при этом объективным, а ты — нет.

— Почему?

— Потому что у тебя художественная натура, Вики, и ты ко всему относишься эмоционально. Когда ты думаешь о тете Элине и о ее теперешних переживаниях, ты как бы на мгновение сама становишься тетей Элиной. Ты проникаешь в глубь ее страданий, и они становятся твоими. Это и называется сопереживанием. Этой болезнью страдают все художники.

— А вы?

— Конечно. Но я старше тебя, и я могу с этим совладать лучше тебя.

— Но дядя Дуглас, я не художественная натура. У меня нет никакого таланта.

Дядя Дуглас вновь обнял меня:

— Не беспокойся, утенок. Это придет со временем.

Дяде Дугласу всегда удается дать мне почувствовать себя значительнее, чем на самом деле, как будто я действительно важная персона. Это одно из самых замечательных черт его характера.

Вошел Роб и опять включил телевизор на полную громкость. Я поцеловала дядю Дугласа и пошла на кухню — у меня не было никакого настроения смотреть мультфильмы.

Вскоре вернулся папа, и мама велела мне позвать Сюзи и Мэгги, чтобы они мыли руки и шли обедать. В ванной Сюзи и Мэгги, моя руки, перешептывались и хихикали, как будто у них были от меня секреты, в которые они меня сговорились не посвящать. Однако, вытерев руки, Мэгги повернулась ко мне, и ее глаза, казалось, потемнели и стали еще больше. Она сказала:

— Вчера взорвался самолет моего отца.

— Знаю,— ответила я.

Я подумала, что нужно что-то сказать, но не знала, что. Нельзя же вежливо ответить: «Мне очень жаль»,— речь шла не об игрушечном самолетике Роба.

— Если бы он не разбился, мы бы отправились с ним на побережье океана на две недели. Мне так хотелось!

Теперь я могла сказать:

Очень жаль.

— Люди должны меня жалеть, — сказала Мэгги,— я теперв сирота.

— Мне тебя очень жаль,— с самым серьезным видом произнесла Сюзи,— просто ужасно жаль, Мэгги.

— И ты будешь хорошо ко мне относиться? — спросила Мэгги.

— Конечно.

Я тоже жалела ее, умом сочувствовала, но не испытывала никакого «сопереживания». И вот что удивительно: Мэгги, почти моя ровесница, лишь на два года младше, ее мать и отец умерли (что может быть ужаснее?), а тетя Элина — взрослый человек, и, конечно, следовало больше жалеть девочку. Но боль в сердце вызывала именно тетя Элина, а рядом с Мэгги я только как-то странно смущалась.

Мама позвала нас к столу, а после обеда тетя Элина и дядя Дуглас уехали. Похороны были назначены на следующий день. Мама с папой должны были отправиться утром.

Вечером, перед сном, стало еще хуже, чем вчера. Мама читала в нашей с Сюзи комнате, только теперь это была комната Сюзи и Мэгги. Сюзи с Мэгги все время хихикали во время чтения, и, когда я сказала им, чтобы они вели себя спокойнее и не мешали другим, Мэгги ответила:

— Ого, да она командует!

Сюзи сказала на это:

— Стыдно, Виктория Остин.

Мама промолчала. Она с любопытством взглянула на нас и продолжала читать.

Роб уснул мгновенно, как всегда. Мне было позволено читать до девяти, но, даже выключив свет, я не могла заснуть: может, потому что не привыкла спать в кровати Джона. Это большая раздвижная кровать, а у Роба — маленькая-маленькая.

Роб страдает аллергией и очень часто осенью сопит. В эту ночь он тоже сопел. Было холодно, и он зарылся в одеяла, так что изпод них торчал только хохолок его русых волос и раздавался мирный, удовлетворенный храп. Мы всегда оставляем свет в ванной на ночь, и этого как раз достаточно, чтобы в комнате все было видно.

Я устроилась поудобнее и старалась заснуть, но тут в комнату на цыпочках вошел Джон. Он был в джинсах и в толстой куртке. Он подошел к кровати и сказал шепотом:

— Оденься потеплее, ну там, джинсы или спортивные брюки, и иди вниз.— Сказал и исчез.

Я встала, оделась и спустилась по черной лестнице на кухню. Мама — она была в пальто — сказала мне:

— Возьми куртку, Вики. Я подумала, может, возьмем одеяла и посидим где-нибудь на воздухе, полюбуемся небом.

— А может, поднимемся на Ястребиную горку? — спросил Джон.— И посидим наверху у трамплина?

— Я посоветуюсь с папой,— заколебалась мама.

Отец сидел в кабинете и читал какую-то статью в медицинском журнале. Он сказал, что на полчасика мы можем отлучиться, но не больше — погода холодная.

Мы сели в автофургон (Колетт устроилась у меня на коленях, а мистер Рочестер — на трех армейских одеялах) и поехали. Ястребиная горка — отличное место для пикников, здесь и трамплин выстроен, с него можно увидеть целых пять штатов.

Когда мы приехали, Колетт пулей выскочила из машины. Она носилась как угорелая, повизгивая от восторга, а мистер Рочестер бегал и прыгал вокруг. Мама с Джоном расстелили одно из одеял прямо на траве, и мы сели на него. Другое набросили на плечи, а третьим укрыли ноги. Мама сидела посередине, и мы крепко прижались к ней. Небо над лужайкой у нашего дома было, наверное, не менее прекрасно, но там сверкали огни домов, а здесь, наверху, нам казалось, что на много миль вокруг никого нет. Небо здесь бескрайнее и высокое. Странно: чем холоднее, тем все дальше, кажется, уходит небо, и все дальше становятся звезды. Небо так густо усыпано ими, что иногда кажется — идет звездный снег, а внизу, под нами, расстилался белый туман, как будто с горы открывается вид на огромное озеро. Млечный Путь тек рекой света, и Джон начал называть созвездия, показывая, где они находятся. Я сумела отыскать Большую Медведицу, Полярную Звезду, Кассиопею, Скорпиона и Стрельца. Стрелец — мое любимое созвездие, это мой знак зодиака, и мне нравится сама мысль — достичь, стреляя из лука, звезд.

Тут вдруг по небу чиркнула падающая звезда, и Джон сказал:

— Звезда падает, а я не знаю, что загадать. Хорошо бы опять настало позавчера и чтобы ничего плохого не случилось, но так не бывает.

— Мама, я ничего не понимаю,— сказала я. Меня бил озноб.

Мама задумчиво произнесла:

— Иногда очень трудно увидеть волю Божью в том, что на первый взгляд кажется слепым случаем. Вот почему я хотела прийти сюда, чтобы полюбоваться звездами.

— Я разговаривал с тетей Элиной, когда все были заняты,— сказал Джон. Он был взволнован.— Мы выходили гулять с Колетт и мистером Рочестером.

Мистер Рочестер подошел к нам и улегся рядом со мной, положив тяжелую голову мне на колени. Колетт давно свернулась калачиком у маминых ног. Я посмотрела на Джона; стекла его очков поблескивали, отражая свет звезд:

— Она сказала, что они с дядей Хэлом всегда знали, что жизнь отпущена как бы в долг,— сказал Джон.— Оказалось, что времени им отпущено меньше, чем они думали, да и жизнь у них сложилась так, что они редко бывали вместе. И она сказала, что благодарна за каждое мгновение, и даже теперь, когда все кончено, она ни за что не поменялась бы местами ни с кем в целом свете.

— Она так сказала? — спросила мама.

— Да,— ответил Джон.

Вторая звезда прочертила небо. Мы сиде-

ли, тесно прижавшись друг к другу, и любовь переполняла нас, как будто волны тепла передавались от меня к маме, а от нее — к Джону и обратно. Я чувствовала, как моя душа наполняется любовью, любовью к маме и Джону, к отцу, к Сюзи и Робу. И я начала молиться: «Боже, сохрани, сохрани нас, Боже! Защити и спаси, чтобы мы всегда были вместе».

Джон вдруг сказал, как будто мои мысли передались ему:

— Мама, почему все изменяется! — Его голос дрожал.— Сейчас, у нас, в нашей семье, все так хорошо. Почему одни должны умирать, а другие расти, заводить семью и отдаляться друг от друга? Как бы я хотел, чтобы все оставалось так, как сейчас!

— Это невозможно,— возразила мама.— Мы не можем остановиться на дороге Времени. Мы должны идти. Должны взрослеть, в этом суть жизни, и это чудесно. Мы не в силах этого познать, так же, как не можем понять, почему дядя Хэл и отец Мэгги должны были умереть. Но жизнь — это дар, самый удивительный и потрясающий в мире. И ты, Джон, в будущем еще не раз испытаешь такие же чувства, когда вырастешь, когда и у тебя появятся собственные дети.

— Непонятно! — ответил Джон.— Непонятно, почему люди умирают. Вот у нас — такая дружная семья, а потом мы вырастем, и Роб уже не будет таким, как сейчас. Все разъедемся, и жить будем совсем по-другому.

— Но с дедушкой мы до сих пор очень близки,— сказала мама.

— Знаю,— покачал головой Джон.— Но это не одно и то же, не то, что в детстве.

— Да,— согласилась мама,— но если бы я не выросла, и не встретила вашего отца, и не вышла бы за него замуж, то не было бы сейчас ни тебя, ни Вики, ни Сюзи, ни Роба, и мы не сидели бы сейчас на Ястребиной горке, дрожа от холода, любуясь звездами. Но полчаса уже прошло. Пора возвращаться.

Возле дома мы еще немного постояли на свежем воздухе. Луна поднялась высоко, небо у горизонта было прозрачным и светлым. Над черными вершинами сосен то и дело вспыхивали зарницы — мы не видели их, сидя на горе. Порой казалось, что они вспарывают небо. Папа услышал, как мы подъехали, вышел из дому и присоединился к нам, обняв маму. Я никогда не видела такой невероятной, великолепной ночи — поля и горы купались в потоках света. Тени от деревьев и цветов, черные и отчетливые, протянулись четкими линиями через всю лужайку. Воцарилась такая красота, что уже и не таким важным показалось, что существуют на свете вещи, которых мы никогда не поймем.

Перевел с английского
Сергей БЫЧКОВ.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

АНКЕТА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

ДОРОГОЙ ДРУГ! ПОКАЖИ, ПОЖАЛУЙСТА, ЭТУ АНКЕТУ РОДИТЕЛЯМ И БЛИЗКИМ!

Товарищи родители!

Нам нужна ваша помощь, чтобы сделать «Пионер» интереснее и полезнее вашим детям.

КАК ОТВЕЧАТЬ?

1. Прочтите внимательно вопрос и все пояснения к нему.

2. Отметьте и подчеркните те ответы, которые вы считаете верными для себя. Обведите ЧИСЛО-КОД рядом с выбранным вариантом. Если готовых ответов нет, то напишите свой.

После заполнения анкеты отрежьте ее по линии отреза. На конверте с маркой укажите адрес редакции: 101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. «Пионер».

Напишите на конверте крупно: «РОДИТЕЛИ».

Желательно отправить анкету до 1 декабря 1990 года.

СПАСИБО ЗА ОТВЕТЫ!

На числа в вопросах не обращайте внимания. Они нужны для обработки ваших ответов.

1. Сегодня «____» ____________ 1990 года. 01 02 03 04.
(число) (месяц)

2. Какой год ваш(а) сын (дочь) читает журнал «Пионер»? 05 — первый. 06 — второй. 07 — третий. 08 — четвертый. 09 — пятый. 10 — шестой и более. 11 — не знаю, трудно сказать.

3. Отметьте правильное, обведите число-код.

Журнал «Пионер»

	вашему сыну,	вашей дочери	лично вам
очень нравится	12		18
нравится	13		19
и да, и нет	14		20
не нравится	15		21
совсем не нравится	16		22
не знаю	17		23

Поясните, пожалуйста, свой ответ: ____________________

4. Когда вы учились в школе, вы читали журнал «Пионер»? 24 — да. 25 — редко. 26 — не читал. 27 — я выписывал его. 28 — читал в библиотеке, у знакомых.

5. Каким стал журнал с ваших школьных лет?
29 — стал значительно лучше.
30 — стал лучше.
31 — остался без изменений.
32 — стал хуже.
33 — не знаю, трудно ответить.
Почему вы так ответили? ____________________

6. Дополните, пожалуйста, эти предложения.
Больше всего меня беспокоит ____________________
Для моего сына, моей дочери ____________________
Перестройка для меня ____________________
Пионерская организация сейчас ____________________

7. Во что больше всего вы верите?
1. ____________________ 2. ____________________

8. Жизнь вашей семьи через год будет (обведите код) 34 — значительно лучше. 35 — лучше. 36 — такая же, как сейчас. 37 — хуже. 38 — значительно хуже. 39 — не знаю, трудно сказать.
ПОЧЕМУ? ____________________

9. Что читают в вашей семье?
Журналы (какие): ____________________

Книги (о чем): ____________________

10. Что, по вашему мнению, должно быть у вашего сына, вашей дочери, когда они будут взрослыми? (Обведите число рядом с правильным для вас ответом).
40 — возможность путешествовать, ездить без ограничения.
41 — здоровье, физическая сила.
42 — семья, дети, заботливые близкие.
43 — уважение, благодарность других людей.
44 — интересная работа, занятие.
45 — свобода и самостоятельность в жизни.
46 — материальное благополучие, достаточное количество денег.
47 — спокойная, безопасная жизнь.
48 — верные и надежные друзья.
49 — высокая должность, положение в обществе, карьера.
50 — веселая, полная удовольствий и приключений жизнь.
Дополните:
51 — не знаю, трудно ответить.
11. Кто лучше всего может воспитать вашего сына, вашу дочь?
Во-первых, ____________________
Во-вторых, ____________________
ПОЧЕМУ? ____________________
Пожалуйста, подчеркните (отметьте то, что относится к вам).
12. Вы живете (край, область, район) ____________________
Республика ____________________
52 — в городе. 53 — в сельской местности.
13. Вы работаете (должность) ____________________
14. Ваша профессия ____________________
15. Образование:
54 — неполное среднее. 55 — среднее. 56 — среднее специальное. 57 — неполное высшее. 58 — высшее.
16. Ваш пол: 59 — женский. 60 — мужской.
17. Возраст: ________ лет.
18. Вы: 61 — папа. 62 — мама. 63 — бабушка. 64 — дедушка.
Дополните ____________________
19. Сколько у вас детей в семье?
65 — один. 66 — двое. 67 — трое. 68 — четверо и более.
20. В каком (каких) классах они учатся?
Первый: ____________ Второй: ____________
21. Если вы можете, напишите, сколько у вас приходится денег в семье на одного человека в месяц? (примерно)___руб.
22. Собираетесь ли вы подписаться на журнал «Пионер» в 1991 году?
69 — да. 70 — не знаю. 71 — нет. 72 — не думал(а) об этом.
Напишите здесь, пожалуйста, ваши пожелания редакции. ____________________

СПАСИБО ЗА ОТВЕТЫ! УСПЕХОВ!

Костя РУБИНСКИЙ живет в Челябинске, учится в школе № 138. Стихи пишет с шестилетнего возраста, то есть больше чем полжизни: сейчас Косте 14.

Костя думает о серьезных «взрослых» вещах и умеет сказать о них в своих стихотворениях. И еще он умеет видеть то, на что другие обычно не обращают внимания: что дым над трубами похож на взлохмаченную шкуру, спящая деревня — на замершую птицу, тоненький подснежник — на серебряную сабельку, а туча закрывает небо, как штора — окно...

Он смело придумывает новые слова: «острюшка», «свиданец», «соснеющая опушка»,— и все они нам понятны и оказываются в стихотворении удивительно к месту.

У него самого воображение — всем на зависть: он может почувствовать, как холодно бывает первым весенним цветам, и догадаться, о чем думают темной ночью месяц и фонарь.

Но больше всего нам нравится в Костиных стихах ощущение радости жизни.

Что может быть лучше

**Когда заискрился на солнце песок,
Когда неуклюжий пушистый сурок
Из норки, пыхтя, вылезает,
И нежные астры — в небесной росе,
И жизнь не спешит, и счастливы все —
Что может быть лучше? Не знаю!**

После бури

**Ветхие избы вровень с подсолнухами.
Лают собаки, кудахтает ветер.
Вольным движением небо задерну
Тучей: пусть звезды в дожде успокоятся.**

**Ночью стручки безымянно засветятся,
Синею влагой ростки замерцают:
Тянутся к свету небесные дети,
В саду вырастая.**

Осенний вечер

**Клубятся шкуры дыма над избушкой,
Уплыл туман в закате голубом,
Кивает месяц огненной острюшкой,
И озеро лежит под слабым льдом.**

**Заснули куры в стареньком сарае,
Собака грустно в конуру легла,
Деревня серой птицей замирает,
На двор ложится сказочная мгла.**

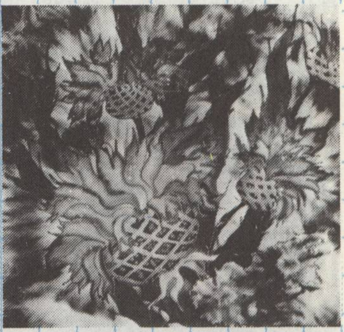
Гроза

**Вот грянул гром.
Петух и все цыплята
Помчались в домик свой горбатый.
Шумит над грушами, листвою,
И молнии летают по траве.
А я, судьбы своей не зная,
Гуляю в ливень
В морском пиджаке.**

«ГОРОД».
*КУТУКОВА Лена,
14 лет.*

С этими работами вы уже встречались. Они были напечатаны в «Кораблике», в седьмом номере «Пионера» за этот год. К сожалению, в подписи к ним допущена ошибка: неверно указана фамилия художника. Мы приносим извинения авторам этих работ и исправляем свою оплошность.

«ЧЕРТОПОЛОХ».
*ЗАЙЦЕВА Лена,
15 лет.*

«НА ДАЛЕКОЙ ПЛАНЕТЕ».
*ОЧКОВСКАЯ Женя,
10 лет.*

Молодая весна

На пригорке подснежник сияющий
Колдовал над созвездием льда.
Семь бутонов, о лете не знающих,
Грелись рядом, забыв холода.

В серебристую строгую сабельку,
Возвышаясь над ветхой травой,
Превращается росная капелька,
Мой подснежник, свиданец с весной.

Сколько птиц на опушке соснеющей —
Столько радости, землю согреющей!

Характер

«Вчера прошло. Наступило сегодня. Сегодня я должен светить запоздалому путнику в вечерний час» — так подумал грустный месяц с небес.

— Вчера я сиял. Сегодня не могу.— Это вздохнул перегоревший уличный фонарь.

«Наступил вечер. Хорошо этому фонарю. Теперь ему не надо высвечивать каждый шаг чужому прохожему. А от меня опять требуется тускло освещать мир» — так подумал грустный месяц с небес.

— Вот и ночь. Хорошо этому месяцу. Мне бы так красиво гореть, как он! — Это вздохнул перегоревший уличный фонарь.

Эдуард УСПЕНСКИЙ

МИККО — СЫН ПАВЛОВОЙ

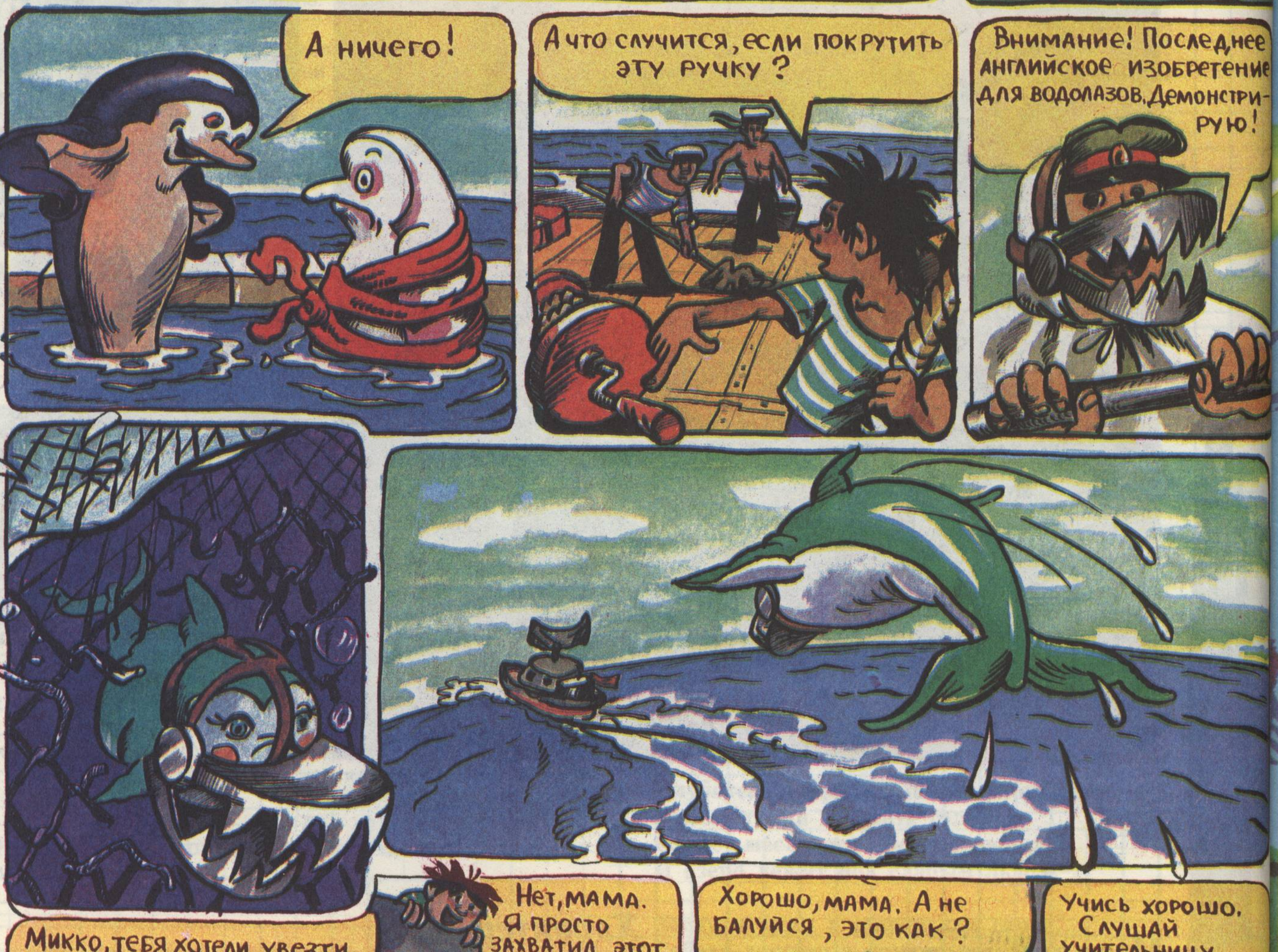
Продолжение. Начало в №№ 6—9.

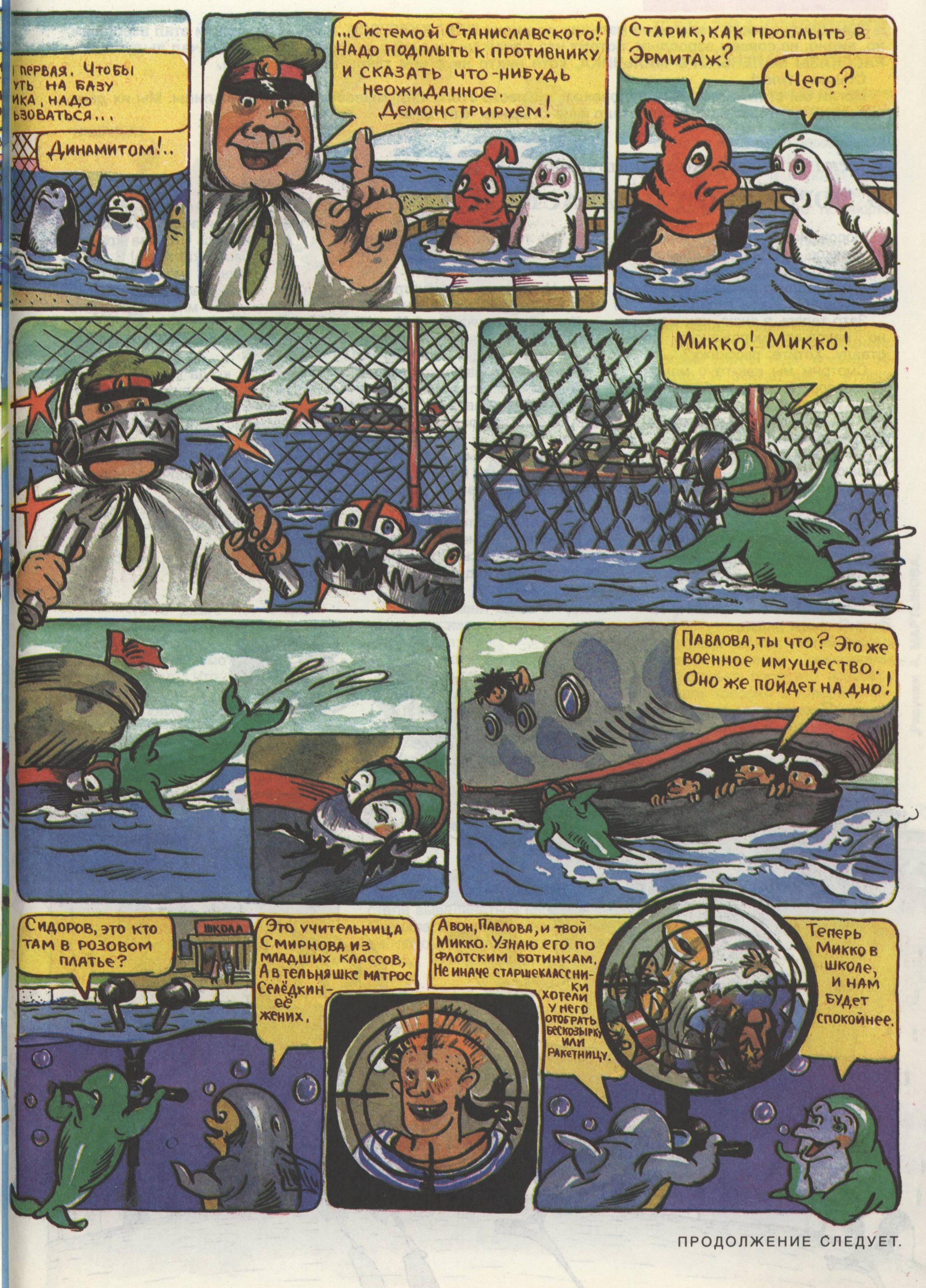
Рисунки Н. ДЕМИДОВОЙ.

В результате конфликта в открытом море утонули два судна: яхта «Мария», посланная к нам из страны Колумбарии с миссией мира и дружбы, и корабль бывшего диктатора этой страны Фурникуле. «Марию» сопровождала и охраняла дельфиниха Павлова, а корабль Фурникуле — вооруженные дельфины Тристан и Генри. Но оказалось, что все дельфины были знакомы и раньше. Вместе они спасают среди обломков «Марии» маленького мальчика Микко. Павлова доставляет Микко на нашу военную базу. Здесь дельфиниха проходит военную службу. Командир Моржов приказывает поставить Микко на полное рыбное довольствие.

Итак, спасенный дельфинами мальчик Микко остался на военной базе под Севастополем. Здесь, как обычно, идут занятия.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Жил-был на свете маленький мальчик по имени ОЛЕГ КУРГУЗОВ. Потом он вырос и стал взрослым, но, видно, не совсем взрослым, потому что однажды ни с того ни с сего взял да и начал выдумывать РАССКАЗЫ МАЛЕНЬКОГО МАЛЬЧИКА, хотя никто ни о чем таком его не просил.

Стыдно, Олег!

Могли бы стать серьезным человеком, а вместо этого выдумываете всякие небылицы. Мы их даже напечатаем, чтобы вам, Олег, стало еще стыднее. Вот вам.

ВЕДУЩИЙ*

Рассказы маленького мальчика

О МОРОЖЕНОМ И ЗАБАСТОВКАХ

Мороженое люблю, м-м-а-а-а... Всякое. Крем-брюле, сливочное и по двадцать восемь на палочке. Только раньше мне его не покупали. Из-за гланд.

Зато теперь я знаю, как можно наесться мороженого до отвалу. Хотите, расскажу?

Смотрим мы как-то с мамой телевизор, а там заграничные люди по улице ходят с плакатами и разными картинками. И кричат чего-то.

— А чего они ходят? — спрашиваю я маму.

— Это забастовка,— говорит мама.— Трудящиеся отстаивают свои права.

— Как же они отстаивают, если они ходят? — спрашиваю я.

— Не понимаешь? — спрашивает мама.

— Не-а,— говорю.

— Ну, это как демонстрация. Как на Первое мая, помнишь?

Конечно, помню. Это здорово! Шары, цветы, палки с бумагой. И все идут в одну сторону.

А тут мы с бабушкой пошли гулять. И снова случился какой-то праздник. Наверное, Первое мая. Снова все радостные, смеются.

Я тоже смеяться стал. И сразу вспомнил, как мама про забастовку рассказывала. Запрыгал, бабушку за руку дергаю, кричу:

— Ура! Забастовка! Ура!

Бабушка почему-то очень сильно испугалась. Побледнела, по сторонам глядит и охает.

— Ох-ох! — говорит.— Ох, тише. Дядя милиционер заберет!

А я радуюсь и снова кричу:

— Забастовка! А-а-а!

— Хочешь мороженого? — вдруг спрашивает бабушка.

И покупает мне за двадцать восемь на палочке!

Ем. Вкусна-а-а! И пока ем — молчу.

Теперь, когда мы с бабушкой идем гулять и я вижу много-много людей, то сразу кричу:

— Забастовка! А-а-а!

И бабушка сразу покупает мне мороженое.

— Кушай и молчи,— говорит она.

Я ем и молчу. За мороженое я могу молчать сколько угодно.

А гланды в горле уже совсем прошли.

ПАПА И ЦЫГАНЕ

— Что-то долго нет отца,— сказала мама и посмотрела на часы.

А я не стал смотреть на часы. Я знал, что папа скоро придет.

Тут в прихожей раздался звонок.

— Ура! — закричал я.— Папа пришел с работы.

И побежал открывать дверь.

На пороге стоял цыганский мальчик. Он хотел пить.

Потом пришла цыганская девочка и тоже попросила пить. Потом пить попросила взрослая женщина в разноцветной юбке. Скоро у нас в квартире был целый цыганский табор. Они все хотели пить.

А потом захотели посмотреть нашу квартиру. И пошли гулять по комнатам.

И тогда у нас стали исчезать вещи. Сначала исчезла мамина кофта, потом папины зимние ботинки.

А цыганские люди все ходили и ходили.

Мама сидела на диване и плакала. Я бегал по квартире и искал свою тельняшку. Когда я надеваю эту тельняшку, то ничего не боюсь. Но тельняшки нигде не было.

— Я в отчаянии! — сказала мне мама.

И тут пришел папа. Он долго глядел на наших гостей и наконец сказал:

— Эх, ма!

И исчез в своей комнате. Скоро он вернулся с гитарой.

— Дай-дай-дай! — пел папа.

— Дари-дари-дари,— в ответ ему запели цыганские люди.

Они собрались вокруг папы и стали трясти плечами, руками и ногами.

— Жги! — закричал папа и начал прыгать вприсядку.

Вместе с папой запрыгал весь табор.

А мы с мамой сидели на диване и смотрели на них. Откуда-то стали вываливаться наши вещи. Сначала папины зимние ботинки, потом мамина кофта. И, наконец, моя полосатая тельняшка.

Пока мы с мамой собирали вещи, папа ушел с табором.

Он пропадал где-то всю ночь. А когда утром папа вернулся, на нем была рваная красная рубаха и облезлые сатиновые шаровары.

— Где же твой новый австрийский костюм? — строго спросила мама.

— Ерунда! Я выучил новую цыганскую песню,— сказал папа.

И спел нам песню.

КАК МЫ СМОТРЕЛИ ТЕЛЕВИЗОР

Мы с папой сидели на диване и смотрели телевизор. На экране какой-то дяденька стоял в ящике и о чем-то рассказывал.

Вдруг он исчез!

Папа встал и стукнул кулаком по телевизору. Дяденька появился, немножко поговорил и исчез.

Папа еще раз стукнул кулаком по телевизору. Дяденька появился, отпил воды из стакана и снова исчез.

— Что-то не клеится,— сказал папа.— Надо подумать.

Он стал ходить по комнате: восемь шагов туда, восемь обратно. Я считал шаги, а папа думал.

— Есть! — сказал папа и ушел в коридор.

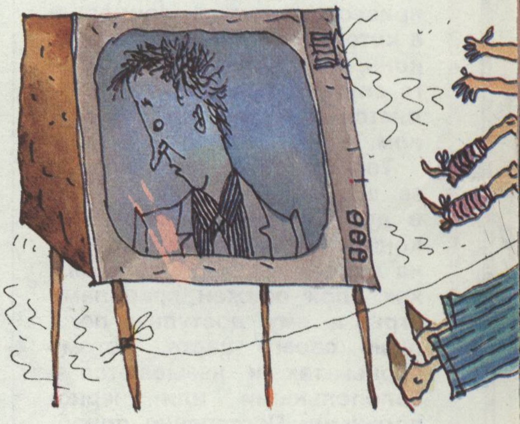
Вернулся он с веревкой. Привязал веревку к ножке телевизора и сел на диван.

Теперь, как только дяденька исчезал, папа дергал за веревку. Телевизор трясся, и дяденька тут же появлялся обратно.

Нам с папой было очень интересно. Один раз папа даже позволил мне дернуть за веревку. И у меня тоже получилось!

Но тут пришла мама. Она посмотрела на нас. Потом пощелкала какими-то рычажками, и дяденька перестал исчезать. Он все говорил и говорил.

И тогда мы с папой выключили телевизор и легли спать.

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

* От ведущих, которые нас куда-то призывают следовать за ними, мы все немножко утомились. Но писатель **Виктор ШЕНДЕРОВИЧ**, наоборот, привел в «Сатирикончик» автора рассказов маленького мальчика. И впредь обещал делать то же самое с другими сатириками и юмористами. Поэтому Виктор Шендерович стал у нас новым ведущим «Сатирикончика».

Дорогие юные шахматисты! Сегодняшняя глава из Осиной тетради —

Раздолье для слонов

Слон или конь — кто сильнее? Обычно на этот вопрос отвечают неопределенно: они примерно равноценны, но все зависит от конкретной позиции. Действительно, можно привести немало примеров, в которых активнее действует конь, и, наоборот, бывает много случаев, где слон расправляется с неудачливым скакуном.

Тот, кто лишь недавно сел за шахматную доску, всегда в душе отдает предпочтение коню, который может попасть на любую клетку, в то время как слон обижен правилами игры и ему доступны поля лишь своего цвета. Потому слоны так и называются — белопольными или чернопольными. Постепенно, приобретая опыт, шахматист убеждается в том, что нередко дальнобойность слона с избытком компенсирует его «одноцветность», и уже не торопится разменивать слона на коня.

В отличие от шахматных коней слоны любят простор, они не переносят тесноты пешечных клеток и всегда стремятся выбраться на свободные диагонали, где могут наглядно показать все, на что способны.

СИЛЬНЕЕ ФЕРЗЯ

В шахматной «табели о рангах» слон, располагаясь рядом с конем, стоит ниже ладьи, а уж с ферзем его вообще никто никогда не сравнивает. В самом деле, это фигуры разных «весовых» категорий, и слон, передвигаясь только по диагоналям, имеет лишь частичку прав, предоставленных ферзю. Поэтому чрезвычайно поучительны эпизоды, когда на свободной доске одинокий «легковес» — слон побеждает «тяжеловеса» — ферзя.

Диаграмма 1

В этом этюде **С. Каминера** (1925 г.) белым, оказывается, совершенно не нужна их ладья, и они сразу же жертвуют ее.

1. Лc2! Ф:c2 2. Cd8+ g5 3. Ca5! Черный король попал в тесную клетушку, однако на доске у него сохранился самый сильный помощник. И вот теперь неожиданно выясняется, что в этой удивительной позиции белый слон четко берет верх над самим ферзем!

3... Фe2. Угрожало 4. Ce1+, а на 3... Фf2 решает 4. Cc7 g4 5. Cd8+.

4. Cc7 Фf2 5. Cd6! Черные должны защищать поле g3, сохраняя связку белой пешки по второй горизонтали. Выполнить эти две задачи ферзь уже не в состоянии. Остается последняя попытка.

5... Фf4+ 6. g3+! (но не 6. C:f4 gf с ничьей) **6... Ф:g3+ 7. C:g3×.**

Надо еще проверить, обязаны ли черные принимать жертву ладьи. Полезно убедиться, что и в других вариантах они проигрывали: 1... Фf8 (1... Фe8 2. Лc5) 2. Лc4+ Kpg5 3. Cd2+ Kpf6 4. Лf4+ или более хитрое 1... Фb8+ 2. Cc7 Фf8 3. Лf2! Ф:f2 (3... Фe8 4. Cf4 и 5. g3×) 4. Cd8+ g5 5. Cc7.

А вот как эта этюдная идея была осуществлена в партии **Юнг — Сабадош** (Венгрия, 1952 г.).

Диаграмма 2

31. C:g7! Белые жертвуют ферзя — **31... Л:h4 32. Ф:h4+ Kp:h4,** загоняют неприятельского короля в уже знакомую нам клетку — 33. **Cf6+ g5,** а затем четкий маневр — **34. Cc3!** ставит черных в безвыходное положение. Их ферзь снова должен «держать» пешку g2, на 34... g4 они получают мат — 35. Cf6×, а после относительного лучшего **34... Фf2** белые побеждают путем **35. Ce5.** Все почти так же, как и в этюде!

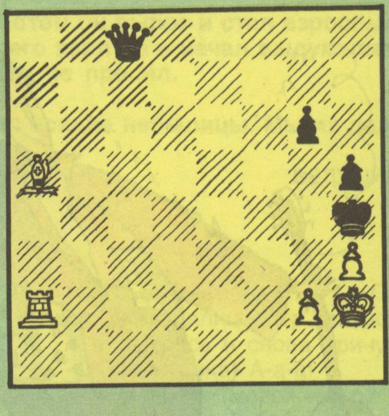
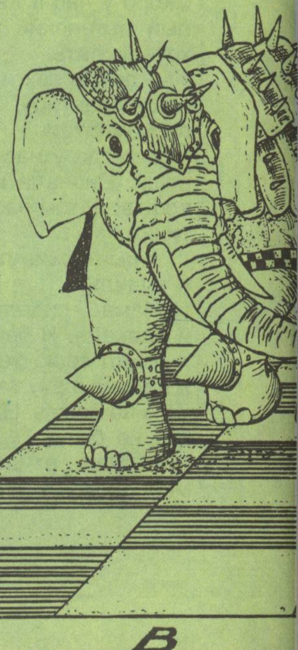

Диаграмма 1

ДРУЖНЫЕ СЛОНЫ

Особенно опасными слоны становятся тогда, когда они расположены рядом. Контролируя две соседние диагонали разного цвета, они дополняют друг друга и как бы рассекают своими ударами всю доску. Нелегко становится любому королю, если на него грозно посматривают два неприятельских слона. Можно было бы привести сотни фрагментов партий, в которых решающую роль сыграли два гармонично действующих слона. Сейчас мы ограничимся двумя

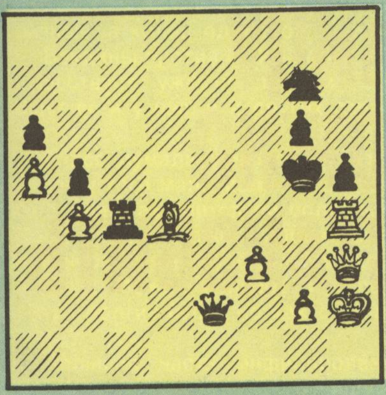

Диаграмма 2

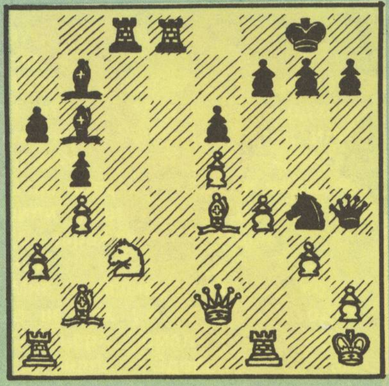

Диаграмма 3

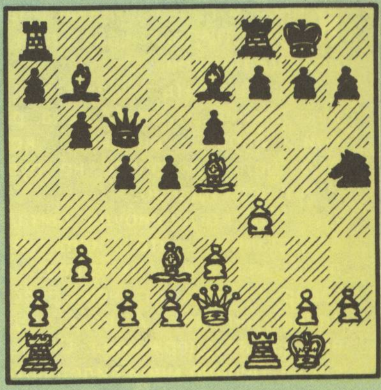

Диаграмма 4

примерами из шахматной классики.

Диаграмма 3

В этой позиции из партии **Ротлеви — Рубинштейн** (Лодзь, 1907 г.) все фигуры черных расположены активно. Они начинают красивейшую комбинацию с жертвой ферзя и ладьи, в которой слоны полностью контролируют все важные поля в районе белого короля.

22... Л:c3! 23. gh Лd2! 24. Ф:d2 С:e4+ 25. Фg2 Лh3. Белые сдались.

Атака черных весьма эффектна! Однако вариантов здесь немного, поэтому попробуйте разобрать их за шахматной доской самостоятельно.

Иногда пара слонов, жертвуя собой, разрушает неприятельские пешечные укрытия.

Диаграмма 4

15. С:h7+ Кр:h7 16. Ф:h5+ Крg8 17. С:g7! Кр:g7 (17... f6 18. Лf3) **18. Фg4+ Крh7 19. Лf3.** Слоны погибли, каждый всего за одну пешку, но теперь черным придется возвращать материал, чтобы хоть как-то прикрыть своего короля.

19...e5 20. Лh3+ Фh6 21. Л:h6+ Кр:h6 22. Фd7. Заключительный двойной удар комбинации. Белые выигрывают одного из слонов (22... Сf6 23. Ф:b7), и через 10 ходов они одержали победу.

Эта партия **(Ласкер — Бауэр,** Амстердам, 1989 г.) стала первоисточником нескольких десятков комбинаций с жертвой двух слонов, причем с разными и иногда гораздо более сложными вариантами.

БАТАРЕЯ, К БОЮ!

Слоны могут успешно взаимодействовать с любыми фигурами. Но, пожалуй, самые красочные эпизоды, которые сразу и легко запоминаются, связаны с дружной и чрезвычайно четкой работой с ладьей.

Рети — Тартаковер

Вена, 1910 г.

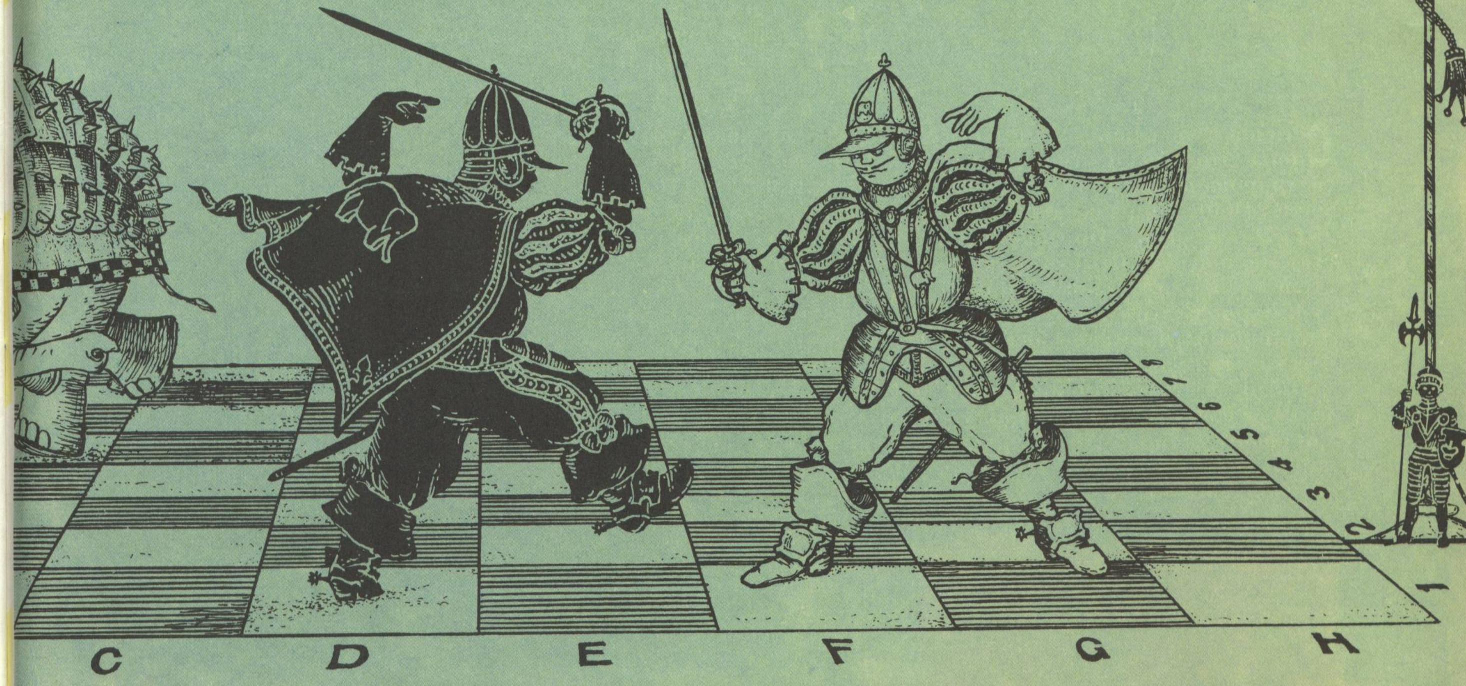
1. e4 c6 2. d4 d5 3. Кc3 de 4. К:e4 Кf6 5. Фd3 e5 6. de Фa5+ 7. Сd2 Ф:e5 8. 0—0—0 К:e4. Необходимо было сыграть 8... Сe7.

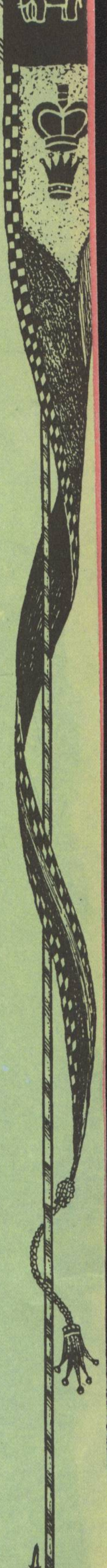
Сейчас батарея белых — «ладья d1+слон d2» — готова выстрелить, однако сначала надо подготовить мишень.

9. Фd8+! Весьма эффектный удар, завлекающий черного короля на гибельное для него поле.

9... Кр:d8 10. Сg5++ (выстрел!) **10... Крc7** (10... Крe8 11. Лd8×) **11. Сd8×.**

Рисунок В. КУЗНЕЦОВА.

Убийцу можно остановить

К первой своей встрече с больным СПИДом я оказалась неподготовленной...

Ждала: опять выслушаю длинную лекцию. Чума XX века, роковой вирус, роковой конец. А к больным опять не пустят. И тут неожиданно:

— Вы когда-нибудь пытались представить, что испытывают люди, когда им объявляют «приговор»? — сказал очень расстроенный человек. А ведь медики всегда так сдержанны. Скупы на слова. Передо мной сидел сотрудник «той самой» лаборатории. СПИД — вот что они изучают. Лаборатория — при «той самой» больнице на Соколиной горе. Сюда, в Москву, во 2-ю инфекционную больницу, стекаются больные либо — пока — вирусоносители смертельного недуга.

И вот я поднимаюсь на шестой этаж одного из корпусов больницы — той самой. С каждым лестничным пролетом чувствую, как внутри поднимается страх. Я просто не знала, как начать разговор с человеком, который понял: подписан смертный приговор.

Никогда не забуду этого тринадцатилетнего мальчишку. Он ожидал перед кабинетом врача, то прислоняясь лбом к двери, то делая круги по коридору. В холле, отвернувшись к окну, тихо плакала женщина. Они не переговаривались между собой, даже не подходили друг к другу. И все равно между ними была какая-то невидимая связь, взаимное напряжение.

Через час открылась дверь кабинета. Оттуда вышел врач, подошел к женщине. Приглушенные голоса... Долгая пауза... Они ничего и никого вокруг не видели. Потом снова голоса, и женщина тяжело осела на стул...

— Мальчик мой... Как теперь жить?

По виду мальчишки пока ничего не скажешь. Болезнь еще не разгорелась. Вирус дремлет где-то внутри. Он пока «ВИЧ-инфицированный»*. Вирус скорей всего занесли мальчику, делая укол, а может, при переливании крови...

У меня дома целая полка уставлена книжками, вырезками из журналов и газет. Все о СПИДе. Страшные фотографии. Еще страшней документальный фильм, недавно видела. Никак не связывались в сознании этот мальчишка и тот, совсем молодой парень на экране. Тело его покрыто вишневыми узлами саркомы Капоши, руки дрожат, не держат ложку, роняют газету... Глаза — в них невозможно смотреть. В них не горе, скорее огонь, неумолимый вопрос: «Почему — я?»

И тревожный голос диктора за кадром:

— Сначала больной заметил розово-красные образования величиной с пятикопеечную монету на стопе. Затем они появились на голени, бедре, лице, туловище. К тому времени, когда у больного был установлен СПИД, саркома Капоши уже поразила его кишечник, полость рта... И — мозг...

Но саркома — не единственное проявление болезни. Самое частое — воспаление легких. Оно все не проходит и не проходит... Иногда поражаются клетки нервной системы, вызывая потом слабоумие, маразм... Проявления

---

* ВИЧ — вирус иммунодефицита человека, возбудитель СПИДа.

Как и почему развивается СПИД

Сегодня болезнь, которая пока что неизлечима, зарегистрирована в 156 странах мира. Общее число больных: 254 078 человек! По количеству больных СПИДом наша страна пока далеко не лидирует в Европе. Этим вирусом инфицированы примерно 500 советских граждан.

Люди постоянно окружены множеством болезнетворных микроорганизмов. Некоторые из них живут на коже, на слизистых оболочках дыхательных путей, кишечника человека, другие — в окружающей среде. Но болезнь они вызывают далеко не всегда. Дело в том, что в процессе взаимодействия с ними организм человека сумел выработать стройную систему защиты, способную уничтожать и удалять из организма незваных пришельцев. Эта система называется **ИММУНИТЕТ**.

Иммунитет можно было бы сравнить с невидимыми «рыцарскими доспехами», в которые одет человек, постоянно находящийся под градом летящих в него стрел и тяжелых копий.

И вот нашелся вирус, который легко разъедает, разрушает, уничтожает могучие латы, прочную кольчугу, кованые забрала...

Он действует на все клетки организма, которые призваны бороться с болезнетворными бактериями, так сильно, что они теряют свою способность защищать нас от всевозможных болезней. И человек в итоге обречен на гибель.

Для вируса иммунодефицита человека (ВИЧ) «домом» становятся кровяные тельца, которые одновременно являются важной составной частью иммунной системы и призваны уничтожать «незваных гостей». ВИЧ внедряется в них, разрушает их изнутри, ломая иммунный аппарат.

Откуда же взялся этот микроскопический убийца? Среди множеств предположений о происхождении страшной болезни есть и самые фанта-

разные, а конец одинаков.

Вакцины против СПИДа пока не существует, уже не первый год ищут ее и у нас, и в других странах.

Я все думала, неизвестно, что будет у того мальчишки, с шестого этажа. Разгорится ли болезнь? Когда? Она может проявиться лет через пять — семь, а может и сразу. Может, конечно, и «дремать» долгие годы, но как с этим жить?

Большая часть инфицированных детей — жертвы медицинской халатности, плохой стерилизации инструментов, преступной безалаберности... Многие работники тех больниц, где это произошло, предстали и еще предстанут перед судом. Уже появились у нас и одноразовые шприцы, и многие одноразовые инструменты, открыт специальный счет, на который перечисляются деньги для борьбы со СПИДом. И Закон вышел, по которому запрещается преследовать инфицированных СПИДом, не принимать на работу, исключать из школы, подвергать гонениям.

Спросите: почему Закон «О профилактике заболевания СПИД» вроде бы «такой добренький»? К зараженным? Потому все-таки, что СПИДом при соблюдении самой элементарной осторожности не так уж просто заразиться.

Не заразишься от общей чашки, от прикосновения...

Но тревога не оставляет меня. Девчонки запросто прокалывают друг другу уши немытой иголкой, чтобы серьги носить. Мальчишки вздумают вдруг заняться татуировкой...

Можно добиться в конце концов, чтобы болезнь не передавалась через грязный шприц или, например, с донорской кровью. Сейчас повсюду в среде медиков забили тревогу. Но ведь главный путь заражения СПИДом — половой.

Мне показывали письма, которые не так уж редко приходят в «Пионер». Немало их и у меня в журнале «Здоровье» — там я работаю. «Напишите, что делать с ханжами-родителями, они не дают мне с Серегой проходу... Дураки, знали бы, что он у меня не первый...» «Посоветуйте, что можно сделать, чтобы не идти в больницу на аборт? Вы же соображаете, что в восьмом классе ребенок мне ни к чему...»

С опозданием лет на пятнадцать-двадцать, как и многое другое, докатилась и до нас «сексуальная революция», свобода, от которой холодеет сердце. Могу поклясться, я не ханжа. Уговаривать девчонок быть недотрогами? Быть сверхосторожными? Помнить, что и наркомания — убийца сама по себе — прямой риск заражения СПИДом? Об этом самые лихие, самые-самые девчонки-мальчишки достаточно, наверное, и сами начитались, наслышались.

Могу надеяться только на осторожность. Брезгливость. Достоинство. На благоразумие, наконец, и хоть маленькую заботу о своем будущем...

Юлия КОЗАКОВА,
сотрудник журнала «Здоровье».

стические. Например, что вирус был занесен на Землю пришельцами из космоса. Или другое: якобы вирус был создан в лабораториях Пентагона.

Но насколько первое предположение невероятно, настолько второе — несостоятельно.

Ведь вирусы ВИЧ были обнаружены и в хранящихся замороженными образцах крови 50-х годов.

Гораздо более жизненной считается гипотеза, связывающая преображение обезьяньего вируса СПИД с экологическими нарушениями. Например, с выбросом в атмосферу радиоактивных элементов при испытании ядерного оружия.

Вирус иммунодефицита человека содержится в любой биологической жидкости организма: в крови, слезах, слюне, моче, в семенной жидкости. Но единственная вероятность заражения — при половом контакте или в том случае, когда кровь инфицированного или больного попадает в кровоток здорового человека.

Как защититься от попадания вируса в организм? Кроме главного пути заражения — полового, большая опасность кроется для всех нас в плохой стерилизации всевозможных медицинских инструментов. И тут не следует стесняться проверить, как обрабатывает медсестра шприцы и иглы, инструменты у зубного врача, словом, все инструменты, с которых вирус смог бы проникнуть в кровь.

ЧИТАЙ В НОЯБРЕ:
новую повесть В. Малова «Девятнадцать мест в машине времени», очередные выпуски рубрик «Переходный возраст» и «Формула бега», итоги викторин «Зеленой кареты».

Сдано в набор 03.08.90.
Подписано к печати 20.08.90.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 820 000 экз. Заказ № 2675.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

30 коп. Индекс 70694.

Октябрьский мотив

Я люблю вот как.

Встать рано утром в октябре. Чтобы земля около палатки стальная была и гулкая; чтобы иней лежал на железной траве и на красном шиповнике. В сиреневом сумраке чтобы светился восточный край неба и лес стоял черный и непроснувшийся. Чтобы было тихо-тихо и только над кухней Толи-повара дымилась труба. Чтобы я пошел в лес, гулко топая сапогами по черной тропе, чтобы там, у поваленной и распиленной вчера вечером лесины стоял мой колун. Чтобы я выбрал необъятный, ну прямо невозможный для моей непроснувшейся головы чурбак, взял в еще слабые руки колун и стал колоть все увереннее и веселей, примериваясь, постукивая слабо, а потом одним хлестким ударом с поворотом по краю чурки отвалить здоровенную плоскую плаху. А потом всю чурку распластать и сделать из нее одной целую гору дров. Согреться и разбудить тишину. Чтобы в этом морозе без снега с меня, горячего, капал пот, чтобы зазолотилось небо и показался из-за горы Перевальной краешек солнышка, и зажелтели верхушки голых берез. Чтобы вылезли из палаток ребята, сонные и замерзшие, и потянулись ко мне за дровами. Чтобы брали, смущаясь, что берут готовые дрова.

А мне-то что. Я для вас колол. Грейтесь.

Валерий ШЕЙМОВИЧ

Фотография А. ЖМУЛЮКИНА.

ISSN 0130—8009. Пионер. 1990. № 10. 1—64.